

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Дагестанский научный центр
Институт социально-экономических исследований

№ 6 (80), 2017

Ежемесячный
научный
журнал

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

Выходит с 2004 года

Издается по решению Ученого Совета
Института социально-экономических
исследований ДНЦ РАН

Периодичность – ежемесячный. Свободная цена

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ**

Петросяц В.З. — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-экономических исследований ДНЦ РАН

ЧЛЕНЫ СОВЕТА:

директор Центрального экономико-математического института РАН, д.э.н., профессор, академик РАН

иностраный член РАН, д.т.н., профессор

директор Института проблем рынка РАН, д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН

заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН,

д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН, академик РАЕН

руководитель Центра социальной демографии и экономической социологии Института социально-

политических исследований РАН, д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН

Заместитель Председателя Совета Федерации РФ, к.ф.н.

Начальник Отдела общественных наук РАН – заместитель академика-секретаря ООИ РАН по научно-

организационной работе, д.э.н., профессор

директор Института экономики НАН Республики Армения им М. Котаняна, д.э.н., член-корреспондент НАН

Республики Армения

директор Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, д.э.н., профессор

директор Института информатики и проблем регионального управления КБНЦ РАН, д.т.н., профессор

заведующая кафедрой «Национальная и региональная экономика», проректор ФГБОУ ВПО «Дагестанский

государственный университет», д.э.н.

генеральный директор Фонда национальной энергетической безопасности (ФНЭБ), заведующий кафедрой

«Прикладная политология», первый проректор ФГБОУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве

Российской Федерации», к.полит.наук, доцент

директор Омского института (филиала) ФГБОУ ВПО «Российский экономический университет имени Г.В.

Плеханова», к.ю.н., д.э.н., профессор

декан факультета прикладных коммуникаций, заведующий кафедрой «Теория коммуникации» ФГБОУ ВПО

«Санкт-Петербургский государственный университет», д.полит.наук, д.э.н., профессор

заведующая кафедрой «Государственное и муниципальное управление» филиала ФГАОУ ВПО «Северо-

Кавказский федеральный университет» в г. Пятигорске, д.э.н., профессор

профессор, доктор геогр. наук, Институт Восточных Языков и Цивилизации, Франция, г. Париж

доктор юридических наук, профессор Юридического факультета Токийского университета

д.э.н., профессор

к.э.н.

д.т.н., профессор

д.э.н., профессор

д.э.н., профессор

д.г.н., профессор

д.э.н.

д.э.н.

к.ф.н., доцент

к. ф.-м.н., доцент

к.э.н.

к.э.н.

к.э.н.

к.э.н.

к.э.н.

к.э.н.

ответственный секретарь

тех. редактор

составитель (дизайн-верстка)

Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи и массовых
коммуникаций Российской Федерации
(Роскомнадзор). ПИ №ФС77-58168
от 29 мая 2014 года

Макаров В.Л.

Акаев А.А.

Цветков В.А.

Клейнер Г.Б.

Рязанцев С.В.

Умаханов И.М.-С.

Аносова Л.А.

Арутюнян В.Л.

Локосов В.В.

Иванов П.М.

Магомедова М.М.

Симонов К.В.

Метелев С.Е.

Большаков С.Н.

Киселева Н.Н.

Жан Радвани

Кимитакэ Матсузато

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Дохолян С.В.

(главный редактор)

Гимбатов Ш.М.

(зам. главного редактора)

Абдулаев Ш.-С.О.

Ахмедуев А.Ш.

Гасанов М.А.

Мудуев Ш.С.

Бейбаласева Д.К.

Кутаев Ш.К.

Абдулагатов З.М.

Зоидов К.Х.

Багомедов М.А.

Деневизюк Д.А.

Курбанов К.К.

Петросяц Д.В.

Чернышов М.М.

Садыкова А.М.

Гитиномагомедова П.А.

Джамилев А.М.

Материалы журнала отражают точку зрения авторов

и не являются официальной позицией Института.

При использовании материалов ссылка на журнал обязательна

Адрес редакции: 367030, г. Махачкала, ул. М. Ярагского 75

Наш сайт в Интернете: www.gpre.ru

Тел. 62-45-16, 62-66-86, 8-928-800-222-0

© НП «Редакция журнала «Региональные проблемы преобразования экономики»

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Гасанов Т.А., Гасанов Г.А. Цифровая экономика - как новое направление экономической теории 4

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

**Экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами
АПК и сельское хозяйство**

Дохолян С.В., Петросянц В.З., Курбанов К.К., Эминова Э.М. Пути активизации инновационной деятельности в агропромышленном комплексе Северо-Кавказского федерального округа 11

Региональная экономика

Петросянц В.З., Шахтаманова Л.Г. Методы и инструменты регулирования регионального развития 18

Казиханов А.М. Стратегические ресурсы экономики Республики Дагестан 28

Ахмедуев А.Ш. Проблемы чрезмерной поляризации уровня социально-экономического развития регионов России и императивы модернизации государственной региональной политики 37

Арсланова Х.Д. Инвестиционные риски и пути их преодоления в проблемных регионах (на примере регионов СКФО) 52

Экономика народонаселения и демография

Салин П.Б., Петросянц Д.В. Готовность студенческой молодежи к восприятию советского опыта мобилизационного развития 59

Алклычева У.А. Профессиональная ориентация и самооценка качества образования: выборочное обследование студентов высших учебных заведений Республики Дагестан 67

Экономическая безопасность

Рахматова З.И., Зондов З.К., Абдухамидова Г.М. Обеспечение экономической безопасности банковской системы от угроз и вызовов глобализационных трансформаций 78

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

Гаджиева А.Г., Керимов С.Г. Оценка эффективности исполнения регионального бюджета по доходам 91

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Большаков С.Н. Промышленные кластеры как приоритет экономического развития: опыт Финляндии 98

Макарян А.Р. The role of outsourcing in ensuring the growth of wearing apparel industry in Armenia 107

TABLE OF CONTENTS

ECONOMIC THEORY

GASANOV G.A., GASANOV T.A. DIGITAL ECONOMICS AS A NEW AREA OF FOCUS OF THE ECONOMIC THEORY	4
--	---

ECONOMICS AND NATIONAL ECONOMY MANAGEMENT

Economics, organization and management of enterprises, branches, complexes

Agribusiness and agriculture

DOHOLYAN S.V., PETROSYANTS V.Z., KURBANOV K.K., EMINOVA E.M. WAYS OF ACTIVATING INNOVATIVE ACTIVITIES IN AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX NORTH-CAUCASUS FEDERAL DISTRICT ...	11
--	----

Regional economy

PETROSYANTS V.Z., SHAKHTAMANOVA L.G. METHODS AND TOOLS OF REGULATION OF THE REGIONAL DEVELOPMENT	18
KAZIKHANOV A.M.-T. STRATEGIC RESOURCES OF THE ECONOMY OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN	28
AKHMEDUEV A.S. PROBLEMS OF EXCESSIVE POLARIZATION OF THE LEVEL OF SOCIAL-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGIONS OF RUSSIA AND IMPERATIVES OF MODERNIZATION OF THE STATE REGIONAL POLICY	37
ARSLANOVA KH.J. INVESTMENT RISKS AND WAYS TO OVERCOME THEM IN PROBLEM REGIONS (ON AN EXAMPLE OF THE REGIONS OF THE NCFD).....	52

Economics of population and demography

SALIN P.B., PETROSYANTS D.V. READINESS OF STUDENT YOUTH TO THE PERCEPTION OF THE SOVIET EXPERIENCE OF MOBILIZATION DEVELOPMENT	59
ALKLYCHEVA U.A. CAREER GUIDANCE AND SELF-EVALUATION OF THE QUALITY OF EDUCATION: A SELECTIVE SURVEY OF STUDENTS OF HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN	67

Economic security

RAKHMATOVA Z.I., ZOIDOV Z.K., ABDOOKHAMIDOVA G.M. ENSURING ECONOMIC SECURITY OF THE BANKING SYSTEM FROM THREATS AND CHALLENGES OF GLOBALIZATION TRANSFORMATIONS.....	78
--	----

FINANCE, MONEY CIRCULATION AND CREDIT

GADJIEVA A.G., KERIMOV S.G. EVALUATION OF EFFECTIVENESS OF FULFILLING THE REGIONAL BUDGET ON INCOME	91
---	----

THE WORLD ECONOMY

BOLSHAKOV S.N. PRODUCTION CLUSTERS AS THE PRIORITY OF THE ECONOMIC DEVELOPMENT: THE EXPERIENCE OF FINLAND	98
MAKARYAN A.R. THE ROLE OF OUTSOURCING IN ENSURING THE GROWTH OF WEARING APPAREL INDUSTRY IN ARMENIA	107

УДК: 300.331

ГАСАНОВ ГАСАН АТАБАБАЕВИЧ

к.э.н., Институт экономики НАН Азербайджана,
e-mail: Kafedra-ek-t@mail.ru

ГАСАНОВ ТОФИК АТАБАБАЕВИЧ

к.э.н., доцент ФГБОУ ВПО
«Дагестанский государственный аграрный университет» им. Джамбулатова М.М.,
e-mail: Kafedra-ek-t@mail.ru

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА КАК НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Аннотация. *Цель работы.* Дать методологическое обоснование и определение новому направлению экономической теории — цифровой экономике. *Метод или методология проведения работы.* На основе метода исторического и логического, объективного процесса развития как естественно-исторического прогресса общества, внедрения НТР и прогрессивных технологий сформировалось новое направление экономической теории и произошло раскрытие механизма формирования — цифровой экономики. *Результаты.* В процессе рассмотрения различных направлений и школ экономической теории, новых компьютерно-коммуникационных технологий, тщательного анализа программы «Цифровая экономика Российской Федерации» произошло создание принципиального нового суперкомпьютера — квантового компьютерного, и на основе обобщения этих процессов и явлений были даны определения: цифровая экономика, механизм действия квантового компьютера и перспективы их развития и взаимодействия. Цифровая экономика — это система институциональных категорий в экономике, базирующаяся на передовых научных достижениях и прогрессивных технологиях, прежде всего на цифровых информационно-коммуникационных технологиях, функционирование которых направлено на увеличение эффективности общественного производства, поддержание устойчивых темпов роста экономики с целью повышения благосостояния и качества жизни населения страны. Так как важным фактором цифровой экономики является информационно-коммуникационные технологии, был также раскрыт механизм действия квантового компьютера и взаимодействия с цифровой экономикой. Квантовый компьютер — это инновационный суперкомпьютер с мощными ячейками, который проводит операции в состоянии кубита (это когда два состояния у электрона — покоя и возбуждения, которые учитываются и применяются одновременно в процессе расчетов) и который способен создавать искусственный интеллект для управления, контроля и распространения бесконечно большого объема информации в виртуальном пространстве. *Область применения результатов.* Полученные результаты исследования могут быть широко использованы в процессе преподавания «Экономической теории», «Истории экономических учений», в подготовке программ и методик по цифровой экономике, в экспериментальных исследованиях, информационно-экономических науках, на стыке данных дисциплин. *Выводы.* Под влиянием разнообразных факторов в экономике и инновационных информационно-коммуникационных технологий происходит становление нового направления в экономике — цифровой экономики. Цифровая экономика и дальнейшее ее развитие позволит увеличить эффективность общественного производства и повысить качество жизни населения страны. *Ключевые слова:* цифровая экономика, информационно-коммуникационные технологии, электронное правительство.

GASANOV GASAN ATABABAEVICH

Candidate of Economic Sciences,
Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Azerbaijan,
e-mail: Kafedra-ek-t@mail.ru

GASANOV TOPHIC ATABABAEVICH

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of FSBEI of HPE
"Dagestan State Agrarian University named after M.M. Jambulatov",
e-mail: Kafedra-ek-t@mail.ru

DIGITAL ECONOMICS AS A NEW AREA OF FOCUS OF THE ECONOMIC THEORY

Abstract. The goal of the study. Giving a methodological substantiation and definition to the new area of focus of Economic Theory - Digital Economics. **The method or methodology of completing the study.** Based on the method of historical and logical, objective process of development as a natural historical progress of society, implementation of the scientific and technical revolution and progressive technologies that led to the formation of a new area of focus of the economic theory and emergence of the mechanism of formation of digital economics. **The results.** In the process of discussing different areas of focus and schools of economic theory, new computer communication technologies, a thorough analysis of the program of "The Digital Economics of the Russian Federation", creating a completely new super computer - a quantum computer, and based on a summary of these processes and phenomena, we have formulated a definition of digital economics. We have also discussed a mechanism of action of a quantum computer and prospects of their development and interaction. Digital Economics is a system of institutional categories in the economy based on the leading scientific achievements and progressive technologies, first of all, in digital information-communication technologies the functioning of which is directed towards an increase in the effectiveness of public production, maintaining stable growth rate of the economy, in order to improve the welfare and standard of living of the population in the country. Because information-communication technologies are important factors of digital economy, the mechanism of action of a quantum computer and interaction with digital economy were shown. A quantum computer is an innovative supercomputer with powerful cells that perform operations in the qubit state (that is when two electron states of rest and activation are taken into account and are used at the same time in the process of calculations), is able to create artificial intellect for management, control and spread of infinitely large volume of information in the virtual space. **Area of application of the results.** The results of the study obtained may be widely used in the process of teaching Economic Theory, History of Economic Doctrines, preparing programs and methods on digital economics, in experimental studies in Information Science and Economic Science at the interjection of these disciplines. **The conclusions.** Under the impact of different factors in the economy and innovative information-communication technologies there is a new area getting established in the Economics, and that is Digital Economics. Digital Economics and its further development will allow to improve the effectiveness of public production and improve the standard of living of the population of the country.

Keywords: digital economics, information-communication technologies, electronic government.

Введение. Объективные процессы развития научных исследований и прогрессивных компьютерно-цифровых технологий, глобализация мировой экономики, в т. ч. создание транснациональных компаний (ТНК), запущенный механизм импортозамещения, — все это создает объективные условия к появлению нового направления в экономической теории — цифровой экономики.

Важным фактором этого процесса является создание квантового компьютера, который является генератором функционирования системы цифровой экономики и принятия программы ее внедрения. Именно цифровая экономика позволит способствовать социально-экономическому развитию страны, повышению качества жизни населения.

Методы исследования. Объективный прогресс общества осуществляется на основе развития новых достижений науки и прогрессивной технологии, которые принципиальным образом меняют методы общественного производства и экономические отношения в государстве. Научно-технические достижения и передовые технологии оказывают влияние на сам способ производства. Эта закономерность была выявлена К. Марксом, В. И. Лениным и другими экономистами.

Как известно, предметом экономической теории, по мнению западных экономистов, явля-

ется исследование и использование ограниченных экономических ресурсов для удовлетворения потребностей людей. Согласно теории неоклассического синтеза, основоположником которой является А. Маршалл, предметом исследования является национальное богатство, пути и стимулы поведения людей в условиях ограниченных ресурсов. Идеи Дж. М. Кейнса, впоследствии получившие название кейнсианство, стали основой теории макроэкономического регулирования национальной экономики и исследования зависимостей между народнохозяйственными пропорциями. Институционализм он использовал в качестве своего исследования экономической системы, а также применил экономические и внеэкономические факторы, определения коллективных действий и коллективного выбора.

Следовательно, появление цифровой экономики опиралось на уже имеющиеся научные взгляды ряда школ и направлений в экономической теории, прежде всего это маржинализм, кейнсианство, институционализм. Цифровая экономика в процессе своего формирования постоянно ощущала и находилась под влиянием и окружением таких наук и технологий, как экономико-математическое моделирование, социальная психология, информационно-телекоммуникационные технологии, а также способствовала появлению новых прогрессивных технологий в целях получения, передачи, обработки и хранения данных.

Таким образом, объективный процесс развития экономики способствовал расширению границ познания за счет влияния других наук и расширения объектов исследования, при этом экономика приобщала к процессу своего познания, интересам и влиянию новых направлений экономической теории, в том числе и цифровую экономику.

Современный этап развития экономики характеризуется рядом специфических особенностей, которые обусловлены прежде всего быстрым прогрессом и темпами развития общественного производства, внедрением информационных телекоммуникационных технологий. Кроме того, процесс глобализации мировой экономики, запущенный механизм импортозамещения предъявляют требования к процессу обновления и развития цифровой экономики. Понятие «цифровая экономика» — относительно новое направление в экономической теории.

Существует много формулировок понятия «цифровая экономика». Так, по определению, данному в Интернете, — это электронная (цифровая) экономика — экономическая деятельность, основанная на цифровых технологиях; цифровая экономика — система экономических, социальных и культурных отношений, основанных на использовании цифровых информационно-коммуникационных технологий; т. е. цифровая экономика = экономика + ИКТ¹.

По мнению М. Л. Калужского, цифровая экономика — это коммуникационная среда экономической деятельности в сети Интернет, а также формы, методы, инструменты и результаты ее реализации [5]. Лаконичное определение цифровой экономики дает Келли К.: «Коммуникации, которые, в конце концов, и являются тем, что мы понимаем под цифровыми технологиями и средствами связи, — не просто сектор экономики. Коммуникации — это сама экономика» [19].

Распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 года была принята программа «Цифровая экономика РФ». Указанная программа направлена на развитие информационного общества в РФ на период 2017–2030 годов. Для осуществления данной программы была длительно разработана «Дорожная карта» цифровой экономики РФ на период до 2024 года.

Решение этой программы заключается в том, что для развития цифровой экономики РФ необходимо использовать в цифровой форме ключевые факторы производства во всех сферах социально-экономической деятельности, что будет способствовать повышению конкурентоспособности страны, качеству жизни граждан, обеспечению экономического роста и национального суверенитета [12].

Из вышеизложенного можно дать предварительное определение цифровой экономики. Цифровая экономика — это система институциональных категорий (понятий) в экономике, базирующаяся на передовых научных достижениях и прогрессивных технологиях, прежде всего в цифровых информационно-коммуникационных технологиях, функционирование которой направлено на увеличение эффективности общественного производства, поддержание устойчивых темпов роста экономики с целью повышения благосостояния и качества жизни граждан страны. Результатом цифровой экономики является специфический продукт (или услуга) в получении гражданами этой услуги в социально-экономической деятельности: научно-

образовательной, в сфере здравоохранения и организации медицинской помощи, обеспечения эффективного ведения бизнеса и его контроля, юридических услуг, в области рекламы, т. е. создание электронного правительства (или государственного документооборота).

Необходимость принятия программы «Цифровая экономика в РФ» была обусловлена отставанием РФ в развитии информационно-коммуникационных технологий по сравнению с развитыми странами. На это прямо указывается в программе.

Для оценки готовности стран к цифровой экономике используется версия международного индекса сетевой готовности, которая была представлена Всемирным экономическим форумом «Глобальные информационные технологии» за 2016 год. Согласно указанному исследованию, РФ занимает 41-е место по готовности к цифровой экономике со значительным отставанием от десятка лидирующих стран. С точки зрения экономических и инновационных результатов использования цифровых технологий, РФ занимает 38-е место с существенным отставанием от стран Запада. Особое значение, по мнению Всемирного экономического форума о глобальной конкурентоспособности 2016–2017 годов, принадлежит инвестициям в инновации вместе с развитием инфраструктуры, навыков и эффективных рынков. По этому показателю в международном рейтинге РФ занимает только 43-е место, значительно отстав от многих конкурентоспособных экономик мира [12, с. 8–9].

По данным The Boston consulting Group (BCG), удельный вес цифровой экономики в ВВП многих передовых стран (G20) неуклонно возрастал с 2010 года по сравнению с 2016-м (см. табл. 1).

Таблица 1

Удельный вес внедрения цифровой экономики в странах G20, в % от ВВП за 2010–2016 годы

№ п. п.	Название страны	2010	2016
1	Великобритания	8,3	12,4
2	Южная Корея	7,3	8
3	Китай	5,5	6,9
4	Евросоюз	3,8	5,7
5	Индия	4,1	5,6
6	Япония	4,7	5,6
7	США	4,7	5,4
8	Мексика	2,5	4,2
9	Саудовская Аравия	2,2	3,8
10	Австралия	3,3	3,7
11	Канада	3	3,6
12	Аргентина	2	3,3
13	Россия	1,9	2,8
14	ЮАР	1,9	2,5
15	Бразилия	2,2	2,4

Как видно из приведенных данных, РФ находится в конце стран G-20. Рост цифровой экономики в процентах ВВП за 2010–2016 годы колебался в пределах от 1,1 до 1,6 раза. Наибольшая динамика удельного веса цифровой экономики от ВВП за 2010–2016 годы была достигнута в Великобритании, Аргентине, Саудовской Аравии, которая колебалась в пределах от 1,5 до 1,6 раза. При этом Россия показала достаточно высокую динамику этого показателя — 1,47 раза в 2016 году по сравнению с 2010-м, т. е. почти в полтора раза увеличился удельный вес в процентах от ВВП. Очевидно, это связано с тем, что сама база цифровой экономики в России была очень незначительной, поэтому, возможно, такой значительный рост и был получен. С принятием программы указанная динамика может сохраниться, и тогда Россия постепенно может сократить отставание от передовых стран.

В проекте программы «Цифровая экономика в РФ» отмечалось: «Ожидается, что к

2020 году количество создаваемых во всем мире данных составит 44 зеттабайта (для сравнения: в 2013 году общий объем данных составил 4,4 зеттабайта), что приведет к появлению новых технологий их передачи, хранения и обработки» [13, с. 1]. Здесь следует указать на то, что в классификации измерения в байтах (ГОСТ 8.47-2002) понятие зеттабайт — Збайт — составляет 1021 байтов (название этого термина — зеттабайт — в классификации по ГОСТу пишется с 2 «т» — прим. авторов).

Следовательно, если за семь лет — с 2013 по 2020 год — объем информации во всем мире может увеличиться в 10 раз (с 4,4 до 44 зеттабайтов), то в обозримом будущем этот рост будет неуклонно возрастать, и уже потребуются другие измерения этой информации — в иоттабайтах, т. е. 1024 байтов. Таким образом, мы, естественно, подходим к важному пункту нашего исследования — анализу данного роста объема информации в стране. Это потребует, возможно, создания новых инновационных компьютеров. Речь идет о квантовых компьютерах. По мнению одного из современных основоположников квантовых компьютеров Дж. Мартиниса, этот суперкомпьютер, эти технологии помогут найти решения задач, на которые классические компьютеры потратили бы миллионы лет (материалы IV Международной конференции по квантовым технологиям — iCQT — 2017) [10].

Квантовый компьютер — это инновационный суперкомпьютер с мощными ядерными ячейками, проводящий операции в состоянии кубита (это когда два состояния у электрона — покоя и возбуждения, которые учитываются и применяются одновременно в процессе расчетов); способный создавать искусственный интеллект для управления, контроля и распространения бесконечного большого объема информации в виртуальном мире, с целью обеспечения экономической безопасности страны, пресечения промышленного шпионажа и киберпреступности.

В заключении дадим еще одно определение цифровой экономики — это трансформация институциональной экономики, которая в процессе своего функционирования всесторонне и системно использует цифровые технологии в инновационном развитии страны с целью увеличения общественного богатства, повышения качества жизни людей и укрепления экономической безопасности страны.

Результаты. Развитие научно-технической революции и прогрессивных технологий в информационно-компьютерных областях, процессы глобализации мировой экономики, усиления конкуренции на мировых рынках, а также запущенный механизм импортозамещения, — все это привело к формированию и становлению цифровой экономики. Цифровая экономика как объективный процесс развития экономических отношений в условиях научно-технического прогресса представляет собой институциональные категории в экономике, основанные на информационно-коммуникационных технологиях и направленные на повышение благосостояния и качества жизни населения, что способствует экономической безопасности страны.

Выводы. В условиях формирования цифровой экономики необходимо стимулировать развитие и внедрение квантового компьютера, с помощью которого могут быть решены важные проблемы развития экономики страны, ее безопасности и повышения качества жизни населения.

Литература

1. Алексеев И. В. Информационное обеспечение системы управления франчайзинговыми предприятиями / И. В. Алексеев, Е. В. Рибокене // *Экономические и гуманитарные науки*. — 2015. — № 1 (276). — С. 105–110.
2. Алексеев И. В. Цифровая экономика: особенности и тенденции развития электронного взаимодействия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://intelaktive-peus.ru>, своб. — Загл. с экрана.
3. Апокин А., Белоусов Д., Сальников В., Фролов И. Долгосрочные социально-экономические вызовы для России и востребованность новых технологий // *Форсайт*. — 2015. — Т. 9. — № 4. — С. 6–17.
4. Брайан А. Вторая экономика [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.obs.ru/article/1887/>, своб. — Загл. с экрана.
5. Калужский М. Л. Маркетинговые сети в электронной коммерции: институциональный подход / М. Л. Калужский. — М.: Берлин: Директ-Медиа. — 2014. — 402 с.
6. Ковальчук Ю. А. Высокотехнологичное производство как «новое окно возможностей» в посткризисной экономике / Ю. А. Ковальчук, М. М. Иценко // *Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета*. — 2016. — № 3. — С. 25–33.
7. Кунгуров Д. Россиян ждет цифровая экономика. Высокие технологии способны реанимировать сла-

- бую экономику [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://utro.ru/articles/2016/12/04/1307336.shtml>, своб. — Загл. с экрана.
8. Кунцман А. А. Трансформация внутренней и внешней среды бизнеса в условиях цифровой экономики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://uecs.ru/index.php?option=com_flexicontent&id=4131, своб. — Загл. с экрана.
9. Куприяновский В. П. и др. Умные города как «столицы» цифровой экономики // *International journal of Open Information Technologies*. — 2016. — Т.4. — № 2. — С. 41–52.
10. IV Международная конференция по квантовым технологиям (iCQT 2017) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://json.tv/iet video watch/icqt - 2017>, своб. — Загл. с экрана.
11. Петросян А. Что нужно знать о цифровой экономике и ее перспективах [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/3060324>, своб. — Загл. с экрана.
12. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р. Москва.
13. Проект программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Москва. — 2017 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: d-ruusia.ru/2017/05, своб. — Загл. с экрана.
14. Пишеничников В. В., Бабкин А. Б. Электронные деньги как фактор развития цифровой экономики // *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки*. — 2017. — Т. 10. — № 1. — С. 32–42.
15. Харламова Т. Л., Новиков А. О., Краснюк Л. В. и др. Глобализация экономики и развитие промышленности: теория и практика: моногр. СПб.: Изд-во СПбПУ, 2013. — 386 с.
16. Цветков В. А. Реализация стратегий новой индустриализации экономики / В.А. Цветков, И.М. Степной, Ю.А. Ковальчук // *Вестник Финансового университета*. — 2016. — Т. 20. — № 6 (96). — С. 19–30.
17. Электронная экономика // *Википедия [2016-2016]* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/?oldid=81412399>, своб. — Загл. с экрана.
18. Negroponte N. *Being Digital* / N. Negroponte NY: Knopf, 1995. — 256 p.
19. Kelly K. *New Rules for the New Economy: 10 radical strategies for a connected world* / K. Kelly. — New York: Viking, 1998. — 224 p.
20. Tsatsulin A. N., Babkin A. V. *Analysis of the, Structural Components and Measurement of the Effects of Cost Inflation in the Industry with the Help of the Index Method* // *Proceedings of the 28th International Business Information Management Association Conference 9-10 November 2016 Seville, Spain. Vision 2020: Innovation Management, Development Sustainability and Competitive Economic Growth* // Editor Khalid S. Soliman, International Business Information Management Association (IBIMA). P. 1559–1573. ISBN: 978-0-9860419-8-3.

References:

1. Alekseev I. V. *Information support of the management of franchise enterprises* / I. V. Alekseev, E. V. Ribogene // *Economic and the Humanities*. 2015. No. 1 (276). P. 105–110.
2. Alekseev V. I. *the Digital economy: characteristics and trends in the development of electronic interaction*. [An electronic resource]. Access mode: <https://intelaktive-peus.ru>, free. Heading from the screen.
3. Apokin A., Belousov D., Salnikov V., Frolov I. *Long-term socio-economic challenges for Russia and vosstrebovanost new technologies*. 2015. T. 9. No. 4. P. 6–17.
4. Brian A. *Is the Second largest economy* [An electronic resource]. Access mode: <http://www.obs.ru/article/1887/>, free. Heading from the screen.
5. Kaluzhskiy M. L. *Marketing network in e-Commerce: an institutional approach* / M. L. Kaluzhskiy. Moscow: Berlin: Direkt-Media, 2014. 402 p.
6. Kovalchuk Yu. A. *high-Tech production as a new window of opportunity in the post-crisis economy* / Yu. A. Kovalchuk, M. M. Ishchenko // *Corporate governance and innovative development of economy of the North: the Vestnik of the research center of corporate law, management and venture investment of Syktyvkar state University*. 2016. No. 3. P. 25–33.
7. Kungurov D. *the Russians are waiting for the digital economy. High technology is able to revive a weak economy* [An electronic resource]. Access mode: <https://utro.ru/articles/2016/12/04/1307336.shtml>, free. Heading from the screen.
8. Kunzman A. A. *Transformation of internal and external environment of the business in the digital economy* [An electronic resource]. Access mode: http://uecs.ru/index.php?option=com_flexicontent&id=4131, free. Heading from the screen.
9. Kupryunovsky V. P. etc. *Smart city as the «Capital» of the digital economy* // *International journal of Open Information Technologies*. 2016. T. 4. No. 2. P. 41–52.
10. IV international conference on quantum technologies (iCQT 2017). 2017. [An electronic resource]. Access mode: <http://json.tv/iet video watch/icqt>, free. Heading from the screen.
11. Petrosyan A. *What you need to know about the digital economy and its prospects* [An electronic resource]. Access mode: <http://www.kommersant.ru/doc/3060324>, free. Heading from the screen.
12. *Program the Digital economy of the Russian Federation. The decree of the RF Government of July 28. 2017. No. 1632-the Moskva river*.
13. *The project «The Digital economy of the Russian Federation»*. Moscow. 2017 d-ruusia.ru/2017/05.
14. Pshenichnikov V. V., Babkin A. B. *Electronic money as a factor in the development of the digital economy* // *Scientific-technical Bulletin of SPbSPU. Economic science*. 2017. T. 10. No. 1. P. 32–42.
15. Kharlamova T. L., Novikov A. A., Krasnyuk L. V. etc. *The globalization of the economy and industrial development: theory and practice: monograph*. SPb.: Izd-vo SPbSPU, 2013. 386 p.
16. Tsvetkov V. A. *Implementation strategies of new industrialization of the economy* / V. A. Tsvetkov, I. M.,

- Steppe, J. A. Kovalchuk // Vestnik of Financial University. 2016. T. 20. No. 6 (96). P. 19–30.*
- 17. E-economy // Wikipedia [2016-2016] [An electronic resource]. Access mode: <http://ru.wikipedia.org/?oldid=81412399>, free. Heading from the screen.*
- 18. Negroponte N. Being Digital / N. Negroponte NY: Knopf, 1995. 256 p.*
- 19. Kelly K. New Rules for the New Economy: 10 radical strategies for a connected world / K. Kelly. New York: Viking, 1998. 224 p.*
- 20. Tsatsulin A. N., Babkin A. V. Analysis of the, Structural Components and Measurement of the Effects of Cost Inflation in the Industry with the Help of the Index Method // Proceedings of the 28th International Business Information Management Association Conference 9-10 November 2016 Seville, Spain. Vision 2020: Innovation Management, Development Sustainability and Competitive Economic Growth // Editor Khalid S. Soliman, International Business Information Management Association (IBIMA). P. 1559–1573. ISBN: 978-0-9860419-8-3.*

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

Экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами

АПК и сельское хозяйство

УДК: 338.43

ДОХОЛЯН СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

д.э.н., профессор, директор ФГБУН
«Институт социально-экономических исследований ДНЦ РАН»,
e-mail: rpre@mail.ru

ПЕТРОСЯНЦ ВИКТОР ЗАВЕНОВИЧ

д.э.н., профессор, главный научный сотрудник ФГБУН
«Институт социально-экономических исследований ДНЦ РАН»,
e-mail: vpetrosjanc@yandex.ru

КУРБАНОВ КАЗБЕК КЕРИМОВИЧ

к.э.н., заведующий отделом ФГБУН
«Институт социально-экономических исследований ДНЦ РАН»,
e-mail: kkurbanov@mail.ru

ЭМИНОВА ЭЛЬНАРА МИГАЖИДИНОВНА

к.э.н., доцент кафедры «Экономика и управление в АПК» ФГБОУ ВО
«Дагестанский государственный аграрный университет им. М.М. Джамбулатова»,
e-mail: e-eminova@mail.ru

ПУТИ АКТИВИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В АГРОПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА¹

Аннотация. *Целью работы* является комплексный анализ современного состояния использования ресурсного потенциала и оценка перспектив повышения эффективности экономических ресурсов АПК СКФО, исходя из резервов его сырьевого сектора и исторически сложившейся структуры производства. В статье рассмотрены результаты анализа современного состояния агропромышленного комплекса Северо-Кавказского федерального округа, дана оценка перспектив роста эффективности их использования в различных сферах комплекса. Показано, что недостаток средств, высокая стоимость нововведений, низкий технологический уровень агропромышленных предприятий являются барьерами в инновационной деятельности. **Методологией** проведения работы послужили фундаментальные труды отечественных и зарубежных ученых-экономистов, в области инновационных преобразований, их роли в повышении конкурентоспособности и экономической эффективности аграрного сектора экономики. Исследование построено на принципах системного подхода, при обосновании теоретико-методических положений и выводов использованы общенаучные логические приемы и методы исследования. **Результаты работы.** Результаты исследований показывают, что основные задачи модернизации экономики АПК СКФО состоят в ускоренном развитии промышленного сектора, перевода его на производство качественной и конкурентоспособной продукции на основе широкого использования современных технологий и повышения инновационной активности, а также гармоничного развития всех отраслей агропромышленного производства. **Область применения результатов.** Результаты проведенного исследования могут быть использованы органами региональной власти при разработке комплексных программ регионального

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-02-00093а; № 16-02-00374а)

развития. **Выводы.** Имеющие место значительные перекосы в структурной, инвестиционной и инновационной политике приводят на региональном уровне к серьезным нарушениям пропорциональности и сбалансированности между сферами и отраслями АПК. Недостаточное развитие перерабатывающих отраслей, производственной инфраструктуры комплекса и системы реализации приводят к огромным потерям продукции сельского хозяйства. Именно здесь кроются немалые резервы увеличения продовольственных ресурсов и обеспечения продовольственной безопасности в стране и регионах в рамках реализации политики импортозамещения.

Ключевые слова: регион, АПК, экономический рост, модернизация, импортозамещение, инновационная модель, нововведения.

DOHOLYAN SERGEY VLADIMIROVICH

Doctor of Economics, Professor, Director of the FGBUN "Institute for Social and Economic Research of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences",
e-mail: rppe@mail.ru

PETROSYANTS VICTOR ZAVENOVICH

Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Research Associate of FSBIS "Institute of Social-Economic Studies of DSC of the RAS",
e-mail: vpetrosjanc@yandex.ru

KURBANOV KAZBEK KERIMOVICH

Candidate of Economic Sciences, Head of the Department of FGBUN "Institute for Social and Economic Research of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences"
e-mail: kkurbanov@mail.ru

EMINOVA ELNARA MIGAZHIDINOVNA

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department "Economics and Management in the Agroindustrial Complex" FGBOU VO "Dagestan State Agrarian University. M.M. Dzhambulatova »,
e-mail: e-eminova@mail.ru

**WAYS OF ACTIVATING INNOVATIVE ACTIVITIES IN AGRO-INDUSTRIAL
COMPLEX NORTH-CAUCASUS FEDERAL DISTRICT**

Abstract. The purpose of the work is a comprehensive analysis of the current state of use of the resource potential and an assessment of the prospects for increasing the efficiency of the economic resources of the AIC of the North Caucasus Federal District, based on the reserves of its raw materials sector and the historically established structure of production. The article analyzes the results of the analysis of the current state of the agro-industrial complex of the North Caucasus Federal District, estimates the prospects for increasing the efficiency of their use in various areas of the complex. It is shown that lack of funds, high cost of innovations, low technological level of agro-industrial enterprises are barriers to innovation. **The methodology of the work** was the fundamental works of domestic and foreign economists, in the field of innovative transformations, their role in increasing the competitiveness and economic efficiency of the agricultural sector of the economy. The study is based on the principles of the system approach, in substantiating the theoretical and methodological provisions and conclusions, general scientific logical methods and methods of investigation were used. Results of the work. **The results of the research** show that the main tasks of modernizing the economy of the agricultural complex of the North Caucasus Federal District are to accelerate the development of the industrial sector, to transfer it to the production of high-quality and competitive products based on the widespread use of modern technologies and to increase innovation activity and harmonious development of all branches of agro-industrial production. **Scope of application of the results.** The results of the study can be used by regional authorities in the development of comprehensive regional development programs. **Conclusions.** The significant distortions in structural, investment and innovation policies that occur at the regional level lead to serious disparities in the proportionality and balance between the spheres and branches of the agroindustrial complex. Insufficient development of processing industries, production infrastructure of the complex and the implementation system lead to huge losses in agricultural production. It is here that there are considerable reserves of increasing food resources and

ensuring food security in the country and regions as part of the policy of import substitution.

Keywords: *region, agrarian and industrial complex, economic growth, modernization, import substitution, innovative model, innovations.*

Введение. Северо-Кавказский Федеральный округ занимает важное место в экономике страны и обеспечении защиты ее стратегических интересов. Экономическое развитие СКФО обусловлено высокой долей аграрного сектора в отраслевой специализации его экономики. Так, если основная часть ВВП в экономике России формируется за счет промышленности, а сельское хозяйство играет второстепенную роль (28,8 % против 6,0 в 2015 году), то для СКФО характерна существенно иная пропорция (19,0 % против 15,1). Сегодня надежды динамичного развития регионов СКФО связаны с эффективным развитием агропромышленного производства, реализацией стратегии России по обеспечению своей продовольственной независимости и безопасности.

Методы исследования. Наличие большого количества экономически свободного населения, с исторически сложившимися трудовыми навыками, увеличивают потенциальные возможности возрождения и развития сельскохозяйственного производства этого региона. Основные базовые параметры данной территории представлены в таблице.

Таблица

Основные характеристики и параметры Северо-Кавказского федерального округа в 2015 г.

	Площадь территории, тыс. кв. км	Численность населения, тыс. чел.	Среднегодовая численность занятых в экономике, тыс. чел.	Среднедушевые денежные доходы (в мес.), руб.	Валовой региональный продукт, млн. руб.
Всего по Северо-Кавказскому федеральному округу	170,4	9718,0	3466,9	23023	1587148
Республика Дагестан	50,3	3015,7	999,6	26739	538340
Республика Ингушетия	3,6	472,8	79,0	14683	52167
Кабардино-Балкарская республика	12,5	862,2	304,5	19108	118134
Карачаево-Черкесская республика	14,3	467,8	166,3	17255	69195
Республика Северная Осетия-Алания	8,0	703,7	293,7	22007	126827
Чеченская Республика	15,6	1394,2	388,5	22914	141294
Ставропольский край	66,2	2801,6	1235,3	22971	541188

**Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: Стат. сб. / Росстат. - М., 2016. - 1326 с.*

Важную роль в реализации воспроизводства экономики проблемных регионов играют сельские территории, как распространенный тип расселения населения в условиях доминирования сельскохозяйственного производства. На развитие сельских территорий проблемных регионов оказывают влияние ряд ключевых детерминант, которые могут быть разделены на внутренние и внешние. В числе внешних факторов следует выделить сложившиеся диспропорции регионального воспроизводства, структурные сдвиги в аграрной сфере как ключевом направлении специализации, а также активность регионального и муниципального регулирования развития сельских территорий в проблемных регионах.

Развитие агропромышленного комплекса в Северо-Кавказском федеральном округе является важнейшей задачей по обеспечению занятости населения, продовольственной безопасности

региона и социально-экономической устойчивости экономик субъектов. Механизмами поддержки и возможными методами развития предлагаются кластерный подход к формированию агропродовольственного сектора, возрождение сельских территорий с развитием социальной инфраструктуры, создание различных форм хозяйствования и малого бизнеса, с учетом этнических особенностей и землепользования.

Для улучшения доступа к внешним рынкам планируется реализация системы мероприятий, среди которых развитие сети централизованных логистических центров, ориентированных на хранение, первичную переработку и сбыт сельскохозяйственной продукции, установление преференций местным производителям при формировании государственных заказов, регулирование импорта приоритетных для Северо-Кавказского федерального округа товарных групп на российский рынок и усиление защиты региональных производителей от контрафакта.

Стимулирование притока инвестиций в развитие новых и модернизацию существующих производств предполагает поддержку развития агропромышленных парков на территории Северо-Кавказского федерального округа, повышение доступности механизма гарантий, залоговых фондов, поручительств для инвесторов, развитие учреждений микрофинансирования и кредитных кооперативов, увеличение субсидий на закупку оборудования и средств производства (включая субсидии на развитие племенной базы и модернизацию существующих производств, развитие и поддержание машинно-тракторного парка) [17].

Анализируя современное состояние использования ресурсного потенциала и оценивая перспективы повышения эффективности экономических ресурсов АПК СКФО, необходимо исходить из резервов его сырьевого сектора и исторически сложившейся структуры производства, формирующие благоприятную конъюнктуру для конкурентных преимуществ развития пищевой и перерабатывающей промышленности субъектов СКФО. Анализ структуры обрабатывающих производств экономики регионов СКФО позволяет утверждать, что агропромышленный комплекс производит преимущественно продукцию невысоких переделов.

В настоящее же время, если по РФ суммарный среднедушевой объем производства отраслей переработки сельскохозяйственного сырья превосходит среднедушевой объем производства продукции сельского хозяйства, то по СКФО в целом и в разрезе субъектов уровень развития пищевой промышленности отстает от результатов аграрного сектора АПК.

Самый низкий уровень развития отраслей по переработке сельскохозяйственной продукции отмечается в экономике Республики Дагестан, Республики Ингушетия, Чеченской Республики. При этом по результатам исследований, данные отрасли промышленности развиваются далеко не всегда на основе переработки местного сырья, что усиливает их технологическую оторванность от сельскохозяйственного производства[4].

Создание благоприятного инвестиционного климата в АПК СКФО представляется возможным посредством расширения финансовых стимулов (налоговые и таможенные льготы, доступ к льготному финансированию, льготы по аренде земли, гарантии и т.п.), развития необходимой базовой инфраструктуры и создания эффективных процессов привлечения и взаимодействия с потенциальными инвесторами. Это в конечном итоге повысит активность развития инновационной деятельности округа в целом.

Недостаток средств, высокая стоимость нововведений, низкий инновационный потенциал агропромышленных предприятий являются барьерами в инновационной деятельности. Основные задачи модернизации экономики АПК СКФО состоят в ускоренном развитии производственного сектора путем выпуска качественной и конкурентоспособной продукции АПК на основе современной технологической структуры и повышения инновационной активности, а также гармоничного развития всех отраслей агропромышленного производства и социальной сферы.

Особое внимание необходимо уделять именно экономическому аспекту данного процесса, решению ряда принципиальных задач [7,8,9,10,11,12,13,14]:

- определение приоритетов модернизации в аграрном производстве;
- развитие рыночной и социальной инфраструктуры села;
- формирование эффективной системы государственной поддержки для осуществления инновационных процессов и индустриализации на селе;
- создание экономических условий для сельхозтоваропроизводителей и аграрного бизнеса;

- переход к инновационной модели экономического роста аграрного производства;
- формирование качественно новой технико-технологической базы, отвечающей современным требованиям по энергоэффективности;
- научное, кадровое и информационное обеспечение агропроизводства;
- решение земельных проблем;
- всесторонний учет при освоении инноваций требований охраны окружающей среды;
- совершенствование аграрного законодательства.

Для определения ключевых позиций оптимизации использования ресурсного потенциала АПК СКФО на основе инновационного подхода необходимо воспользоваться комплексной методологией граничного анализа эффективности и производительности, а именно:

- оценить уровень технико-технологического развития производственной базы отраслей сельского хозяйства;
- определить вклад различных направлений осуществления инновационно-инвестиционной деятельности в технологическое развитие отрасли в целом;
- идентифицировать более эффективные «граничные» технологии производства продукции растениеводства и животноводства;
- определить оптимальные производственные структуры;
- оценить поведенческие характеристики (ценовые эластичности предложения аграрной продукции и спроса на ресурсы) у сельскохозяйственных производителей.

Результаты. Решение этих и других задач по преобразованию агропромышленного комплекса в регионах СКФО в высокотехнологичную и конкурентоспособную отрасль национальной экономики обеспечит рост производительности труда и максимизацию доходности предприятий АПК, повысит качество сельскохозяйственной продукции, позволит создать новые рабочие места, развивать сельские территории и в следствии повысить уровень благосостояния населения региона в целом. Фактически, эти и другие инвестиционно-инновационные преобразования в АПК СКФО с позиций роста конкурентоспособности становятся главным стратегическим приоритетом в перспективах развития комплекса.

Выводы. В сложившейся ситуации приоритетное значение для социально-экономического развития в области хозяйственного развития субъектов СКФО имеет увеличение объемов производимой валовой добавленной стоимости за счет опережающего развития промышленного сектора АПК и одновременное привлечение капитала в сельскохозяйственное производство, что несомненно будет способствовать устойчивому экономическому росту в регионе и улучшению качества жизни местного населения.

Литература

1. Баляниц К.М. Импортзамещение и продовольственная безопасность Республики Дагестан // Региональные проблемы преобразования экономики. 2017. № 1. – С.39-46.
2. Гасанов М.А., Курбанов К.К. Материально-техническая база как основа устойчивого развития агропроизводства в регионе/М.А. Гасанов, К.К. Курбанов // Региональные проблемы преобразования экономики. 2013. № 2 (36). – С. 187-193.
3. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики; Гос. ун-т – «Высшая школа экономики». – М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2004. – 495 с.
4. Дохолян С.В. Развитие ресурсного потенциала агропромышленного комплекса в системе регионального производства / С.В. Дохолян, Ю.Д. Умавов// Региональные проблемы преобразования экономики. 2011. № 4. – С. 135-159.
5. Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 г. (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 ноября 2010 г. № 2136-р) (2010). // Собрание законодательства РФ. - 13.12.2010. № 50. ст. 6748.
6. Курбанов К.К. Агрорынок и рационализация структуры производства сельскохозяйственного предприятия // Вопросы структуризации экономики. 2008. Т. 1. № 3. – С. 28-29.
7. Курбанов К.К. Диспропорции в АПК Северо-Кавказского федерального округа и их влияние на экономику сельских территорий / К.К.Курбанов, В.З.Петросянц // Региональные проблемы преобразования экономики. 2014. № 8 (46). – С. 107-112.
8. Курбанов К.К. Проблемы импортзамещения в АПК: региональный аспект. Материалы Круглого стола «Актуальные вопросы развития АПК региона в условиях импортзамещения» (Махачкала, 29 июня 2016 г.). ИСЭИ ДНЦ РАН. Махачкала, 2016. С. 7-16.
9. Курбанов К.К. Инновационное развитие – основа модернизации АПК проблемного региона (на примере СКФО). Материалы Круглого стола «Актуальные вопросы развития АПК региона в условиях импортзамещения» (Махачкала, 29 июня 2016 г.). ИСЭИ ДНЦ РАН. Махачкала, 2016. С. 158-164.

10. Липина С.А. Республики Северного Кавказа: Приоритеты развития агропромышленного комплекса. М. Издательство ЛКИ. 2008. – 248 с.
11. Механизмы формирования и реализации социально-экономической политики устойчивого развития региональной системы / С.В. Дохолян, В.З. Петросянц, Д.В. Петросянц, К.К. Курбанов, А.М. Садыкова; под общей редакцией д.э.н., проф. С.В. Дохоляна; РАН, Дагестанский научный центр. Институт социально-экономических исследований. – М. Издательство Перо, 2016. – 291 с.
12. Орлянская А.А. Экономика сельских территорий в воспроизводственной системе / А.А. Орлянская // Вектор науки ТГУ. Серия: Экономика и управление. 2013. № 1(12). – С. 108-110.
13. Петросянц В.З. Инновационный аспект развития АПК проблемного региона / В.З.Петросянц, А.А. Баширова, А.Д. Кидирниязова// Региональные проблемы преобразования экономики. 2014. № 6 (44). – С. 97-101.
14. Петросянц В.З.Прогнозные оценки и сценарные варианты регионального развития / В.З. Петросянц, С.В. Дохолян // Региональная экономика: теория и практика. 2011. № 27. – С. 2-10.
15. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: Стат. сб. / Росстат. - М., 2016. – 1326 с.
16. Стратегическое регулирование сбалансированного развития проблемных регионов в условиях федерализма / В.З. Петросянц, С.В. Дохолян, Д.В. Петросянц, А.А. Баширова, К.К. Курбанов; под общей редакцией д.э.н., проф. В.З. Петросянца; РАН, Дагестанский научный центр. Институт социально-экономических исследований. – М. Издательство Перо, 2016. – 172 с.
17. Хаитаров Б. Л. Инновационный путь развития сельского хозяйства Северо-Кавказского федерального округа [Текст] / Б. Л. Хаитаров // Проблемы и перспективы экономики и управления: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июнь 2013 г.). - СПб.: Реноме. 2013. – С. 134-136.
18. Mensh G. Stalemate in technology: innovation overcome the depression. -Cambridge: Mass, 1979.
19. National Innovation Systems: Analytical Findings.// Organization for Economic Cooperation and Development: DSTI. 1998, REV1.
20. Numminen S. National Innovation Systems: Pilot Case Study of the Knowledge Distribution Power of Finland. VTT Group for Technology Studies. Helsinki, 1998.

References:

1. Baliyants K.M. Import substitution and food security of the Republic of Dagestan // Regional problems of economic transformation. 2017. No. 1.-С.39-46.
2. Gasanov MA, Kurbanov K.K. Material and technical base as a basis for sustainable development of agro-production in the region / M.A. Hasanov, K.K. Kurbanov // Regional problems of economic transformation. 2013. No. 2 (36). - P. 187-193.
3. Granberg AG Basics of regional economy; Gos. University - Higher School of Economics. - Moscow: Izd. House of the Higher School of Economics, 2004. - 495 с.
4. Doholyan S.V. Development of the resource potential of the agro-industrial complex in the regional production system / S.V. Doholian, Yu.D. Umavov // Regional problems of economic transformation. 2011. № 4. - P. 135-159.
5. The concept of sustainable development of rural areas of the Russian Federation for the period until 2020 (approved by the order of the Government of the Russian Federation of November 30, 2010 No. 2136-p) (2010). // Collection of the legislation of the Russian Federation. - 13.12.2010. № 50. Art. 6748.
6. Kurbanov K.K. Agromarketing and rationalization of agricultural production structure // Issues of structuring the economy. 2008. T. 1. № 3. - P. 28-29.
7. Kurbanov K.K. Disproportions in the agroindustrial complex of the North Caucasus Federal District and their impact on the economy of rural areas / KKKurbanov, VZPetrosyants // Regional problems of economic transformation. 2014. No. 8 (46). - P. 107-112.
8. Kurbanov K.K. Problems of import substitution in the agro-industrial complex: regional aspect. Materials of the Round Table 'Actual issues of the agro-industrial complex development in the region under conditions of import substitution'(Makhachkala, June 29, 2016). ISEI DSC RAS. Makhachkala, 2016. pp. 7-16.
9. Kurbanov K.K. Innovative development is the basis for modernizing the agro-industrial complex of the problem region (for example, the NCFD). Materials of the Round Table 'Actual issues of the agro-industrial complex development in the region under conditions of import substitution'(Makhachkala, June 29, 2016). ISEI DSC RAS. Makhachkala, 2016. pp. 158-164.
10. Lipina S.A. Republic of the North Caucasus: Priorities for the development of the agro-industrial complex. M. Publishing house LCI. 2008. - 248 p.
11. Mechanisms for the formation and implementation of socio-economic policies for the sustainable development of the regional system / S.V. Doholian, V.Z. Petrosyants, D.V. Petrosyants, K.K. Kurbanov, A.M. Sadykov; under the general editorship of Doctor of Economic Sciences, prof. S.V. Doholyana; RAS, the Dagestan Scientific Center. Institute of Social and Economic Research. - M. Publisher Perot, 2016. - 291 p.
12. Orlyanskaya A.A. Economy of rural areas in the reproduction system / A.A. Orlyanskaya // Vector of science TSU. Series: Economics and Management. 2013. No. 1 (12). -FROM. 108-110.
13. Petrosyants V.Z. Innovative aspect of the development of the agro-industrial complex of the problem region / V.Z. Petrosyants, A.A. Bashirova, A.D. Kidirniyazova // Regional problems of economic transformation. 2014. No. 6 (44). - P. 97-101.
14. Petrosyants V.Z. Prognoznye assessments and scenarios for regional development / V.Z. Petrosyants, S.V. Doholyan // Regional economy: theory and practice. 2011. № 27. - P. 2-10.
15. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2016: Stat. Sat. / Rosstat. M., 2016. - 1326 p.
16. Strategic regulation of balanced development of problem regions in the conditions of federalism / V.Z. Pe-

trotsyants, S.V. Doholian, D.V. Petrosyants, A.A. Bashirova, K.K. Kurbanov; under the general editorship of Doctor of Economic Sciences, prof. V.Z. Petrosyants; RAS, the Dagestan Scientific Center. Institute of Social and Economic Research. - M. Publisher Perot, 2016. - 172 p.

17. Khashtarov, BL Innovative way of agricultural development in the North Caucasus Federal District [Text] / BL Khashtarov // Problems and Prospects of Economics and Management: Materials II Intern. sci. Conf. (St. Petersburg, June 2013). - St. Petersburg: Renome. 2013. - P. 134-136.

18. Mensch G. Stalemate in technology: innovation overcome the depression. -Cambridge: Mass, 1979.

19. National Innovation Systems: Analytical Findings.// Organization for Economic Cooperation and Development: DSTI. 1998, REVI.

20. Numminen S. National Innovation Systems: Pilot Case Study of the Knowledge Distribution Power of Finland. VTT Group for Technology Studies. Helsinki, 1998.

УДК 330.59

ПЕТРОСЯНЦ ВИКТОР ЗАВЕНОВИЧ

д.э.н., профессор, главный научный сотрудник ФГБУН
«Институт социально-экономических исследований ДНЦ РАН»,
e-mail: vpetrosjanc@yandex.ru

ШАХТАМАНОВА ЛЕЙЛА ГАДЖИКУРБАНОВНА

младший научный сотрудник ФГБУН
«Институт социально-экономических исследований ДНЦ РАН»,
e-mail: leylashka-n@mail.ru

МЕТОДЫ И ИНСТРУМЕНТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ¹

Аннотация. *Цель* данного исследования заключается в рассмотрении и анализе инструментов регулирования развития региона как составной части механизма управления региональной экономикой. *Метод или методология проведения работы.* Методологическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых в вопросах регулирования регионального развития. *Результаты.* Определены место и значение инструментов регулирования регионального развития в региональной экономике. *Область применения результатов.* Полученные результаты представляют интерес для органов управления на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. *Выводы.* Для реализации региональной политики, обеспечивающей эффективное управление развитием региона, необходимо применение широкого спектра инструментов и методов регионального развития.

Ключевые слова: регулирование, региональное развитие, региональная политика, методы регулирования, проблемные регионы, инструменты региональной политики.

PETROSYANTS VICTOR ZAVENOVICH

Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Research Associate of FSBIS
“Institute of Social-Economic Studies of DSC of the RAS”,
e-mail: vpetrosjanc@yandex.ru

SHAKHTAMANOVA LEILA GAJIKURBANOVNA

Junior Research Associate of FSBIS
“Institute of Social-Economic Studies of DSC of the RAS”,
e-mail: leylashka-n@mail.ru

METHODS AND TOOLS OF REGULATION OF THE REGIONAL DEVELOPMENT

Abstract. *The goal* of the present study is in discussing and analysing the tools of regulation of the development of the region as the component of the mechanism of management of the regional economy. *The method or methodology of performing the study.* The methodological foundation of the study was the fundamental works of domestic and foreign scientists on the issues of regulating the regional development. *The results.* We have determined the place and importance of tools of regulating the regional development in the regional economy. *The area of application of the results.* The results achieved present an interest for administrative authorities at the federal, regional and municipal levels. *The conclusions.* In order to implement the regional policy providing an effective management of the development of the region, it is necessary to apply a wide spectrum of tools and methods of regional development.

Keywords: regulation, regional development, the regional policy, methods of regulation, problem regions, instruments of the regional policy.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-02-00093, проект № 16-02-00093.

Введение. Невозможно характеризовать региональную политику в полной мере, не описав методы и инструменты, с помощью которых она реализуется. К методам и инструментам реализации региональной политики относятся широкий арсенал средств и рычагов, посредством которых национальные и местные органы власти воздействуют на развитие регионов [6, 7].

Непосредственно методы регулирования развития и функционирования региональных социально-экономических систем подразделяются на три основные группы:

- административные (организационно-распорядительные, административно-правовые);
- экономические;
- социально-психологические.

Часто имеет место факт пересечения друг с другом экономических и административных мер воздействия (в частности, налогообложение, относящееся к экономическим факторам управления, базируется на соответствующем налоговом законодательстве, являющемся административно-правовым элементом управления) [6, 10, 11, 12].

Использование социально-психологических методов осуществляется как в экономически развитых демократических странах, так и в авторитарных экономически отсталых странах (психологическая и идеологическая обработка масс).

Исходя из других позиций, методы регулирования и управления социально-экономическими процессами вообще и на региональном уровне в частности можно разделить на:

1. Прямые и косвенные. К прямым методам регулирования относятся методы, предусматривающие непосредственное воздействие на процессы, происходящие в регионах посредством распределения средств, субсидий, дотаций, преференций, субвенций и установления запретительных и ограничительных пределов и норм. Под косвенным регулированием подразумевается изменение мотивации, побуждений, логики действий хозяйствующих субъектов. Различие между прямыми и косвенными методами заключается и в том, что косвенные методы регулирования являются преимущественно экономическим инструментом, в то время как прямые методы регулирования можно отнести как к административным, так и экономическим методам (см. рис. 1).

2. Активные и пассивные, которые по смыслу достаточно точно соответствуют прямым и косвенным методам.

3. Поощрительные (стимулируют) и сдерживающие (ограничивают), нацеленные на активизацию или снижение деловой активности в регионах.

На рисунке 1 представлены применяемые в странах с развитой экономикой инструменты регулирования и управления территориальным развитием [8, 13, 14, 15].

Инструменты регулирования регионального развития при всем их многообразии объединяются в две группы:

- средства макроэкономической политики;
- средства микроэкономической политики.

Из средств макроэкономического регулирования можно выделить три набора инструментов реализации целей государственной региональной политики (см. рис. 2).

Поставленные перед региональной политикой цели достигаются за счет применения широкого спектра инструментов. То, какие именно макроэкономические и микроэкономические инструменты используются для регулирования регионального развития, зависит от особенностей экономического устройства, практики и традиций, свойственных той или иной стране. К примеру, в структуре любого государства можно выделить проблемные регионы, нуждающиеся по разным причинам в государственной поддержке, и регионы помощи, уже ее получающие.

К макроэкономическим инструментам относятся монетарная, внешнеторговая и фискальная политики, используемые двояко: либо на уровне центрального правительства, если им обеспечивается дифференциация воздействий на регионы; либо на уровне отдельных регионов, когда им передается контроль по использованию тех или иных инструментов реализации региональной политики.

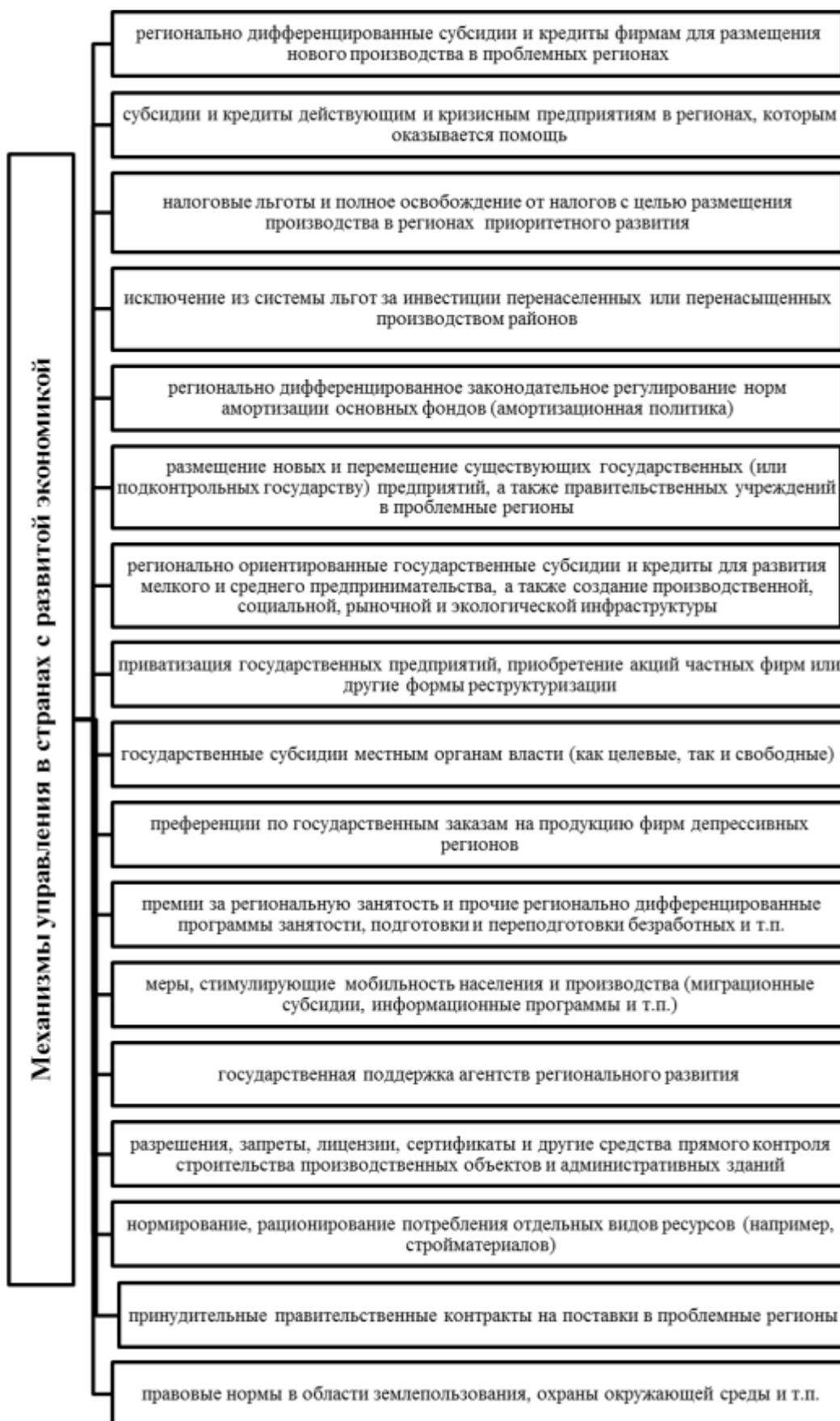

Рис. 1. Инструменты регулирования регионального развития.

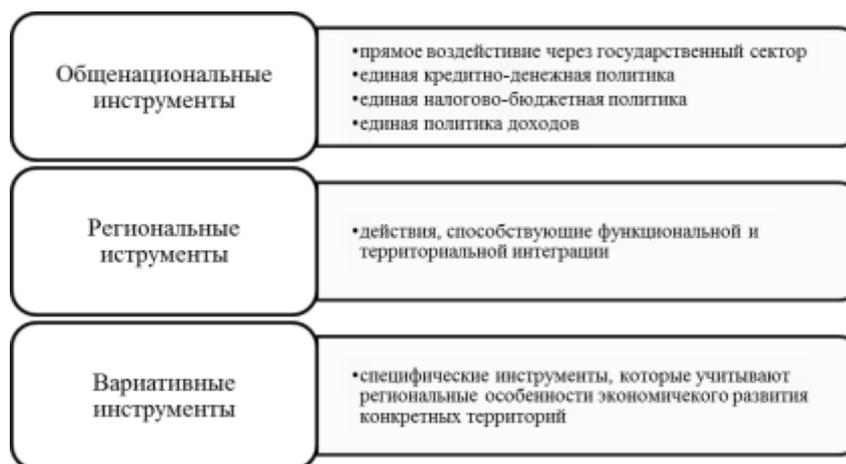

Рис 2. Средства макроэкономической политики.

Для кредитно-денежной политики традиционно определен национальный уровень. Попытки дифференцирования процентных ставок по различным регионам практически отсутствуют в связи с тем, что на рынке капиталов отдельные регионы выступают в качестве ценополучателей. Национальный уровень определен также и для осуществления внешнеэкономического регулирования, исключение составляют только случаи особого регулирования в некоторых регионах, в частности, относящихся к свободным экономическим зонам.

Наиболее распространенным инструментом макроэкономического регулирования является фискальная политика, которая используется на национальном уровне и на уровне отдельных регионов.

Суть государственной фискальной политики заключается в воздействии на уровень выпуска продукции и уровень доходов в хозяйственных структурах региона путем изменения государственных расходов и налоговых ставок [1]. Первая заключается в росте государственных расходов, увеличивающем совокупный спрос и ведущем к расширению объема выпуска продукции и уровня занятости. Вторая заключается в увеличении суммы налогов, сокращающем располагаемый доход и ведущем к сокращению расходов, снижению спроса, что приводит к уменьшению объема выпускаемой продукции и уровня занятости.

Использование инструментов фискальной политики как на национальном уровне, так и на региональном уровне осуществляется в двух формах: в качестве автоматических стабилизаторов и в качестве активных регулирующих мер.

К автоматическим стабилизаторам относятся экономические меры, уменьшающие реакцию производства в связи с изменением совокупного спроса. К главным экономическим стабилизаторам относятся подоходный налог и пособия по безработице. К особенностям их действия можно отнести то, что за счет подоходного налога и пособий по безработице смягчаются последствия изменений совокупного спроса и тем самым происходит стабилизация выпуска продукции. При этом действенность этих инструментов осуществляется в автоматическом режиме, что исключает необходимость в принятии конкретных решений по их использованию.

В то же время меры активной фискальной политики, состоящие в регулировании налоговых ставок и величине государственных расходов, используются повсеместно во многих странах, поскольку решение многих задач в рамках реализации экономической политикой не представляется возможным осуществить посредством автоматических стабилизаторов.

К формам государственных расходов, производимым на территории региона, относят государственные закупки и социальные выплаты (трансферты), осуществляемые федеральными, региональными правительствами и органами местного самоуправления.

Собственно, макроэкономическое влияние, оказываемое на развитие региона фискальной политикой, осуществляется посредством изменения величины конечного спроса в регионе и по этой причине идентично для всех государственных расходов и налогов вне зависимости от того, на каком уровне власти они осуществляются.

Величина этого влияния на региональные макроэкономические показатели оценивается

региональным мультипликатором. Ввиду того, что региональные мультипликаторы существенно различаются по регионам, то и идентичные меры фискальной политики по-разному влияют на различные регионы, т. е. идентичные меры, принятые в разных регионах, приводят к разным экономическим последствиям. К примеру, если в различных регионах произвести одинаковые по объему государственные закупки, то увеличение производства и занятости в регионах будет не одинаковым.

Посредством параметров фискальной экономической политики, задаваемых на уровне национальной экономики, осуществляется регулирование спроса для экономики в целом, но влияние, оказываемое ими на разные регионы, различается, в связи с чем и возникает необходимость в том, чтобы регионально дифференцировать экономическую политику.

Эта дифференциация происходит по двум направлениям — региональной дифференциации налоговых ставок и региональной дифференциации государственных расходов, связанных как с государственными закупками, так и социальными трансфертами.

На первый взгляд, региональная дифференциация является очень эффективным средством, позволяющим решить проблемы отдельных регионов, поскольку, действительно, дифференциацией ставок налогов можно добиться увеличения спроса в регионах, страдающих от недостаточного спроса, и, наоборот, уменьшения спроса в регионах, которые испытывают его избыточное давление.

Трансферты, направляемые государством в проблемные регионы для того, чтобы стимулировать их экономическую политику, приводят к тем же результатам. В то же время существует множество факторов, которые ограничивают влияние фискальной политики на региональное развитие.

Реализация попыток стимулирования производства в отдельных регионах за счет увеличения конечного спроса в регионе при помощи мер фискальной политики происходит посредством использования системы межрегионального и внутрирегионального взаимодействия. Насколько они эффективны зависит от того, каково соотношение региональных и межрегиональных мультипликаторов и каков вызываемый ими эффект распространения, т. е. насколько влияет изменение конечного спроса на поддерживаемый регион и опосредованно на остальные регионы.

В дополнение к проблемам, возникающим при межрегиональном перераспределении эффектов фискальной политики, горизонтальная дифференциация налоговых ставок приводит чаще всего к сильной политической оппозиции со стороны регионов, оказывающихся объектами налоговой дискриминации. В этом плане государственные расходы можно отнести к более гибким инструментам, способным дифференцироваться по регионам из центра, к тому же частично эти расходы относятся на региональные правительства и органы местного самоуправления, имеющие возможность и способные проводить самостоятельную политику.

Государственным устройством страны, а также тем, как распределены полномочия между властными органами — центральным, региональным правительствами, органами самоуправления — определяется, каковы у органов территориального управления различных уровней реальные возможности использовать средства фискальной политики для того, чтобы регулировать региональное развитие [16,17].

На рисунке 3 представлены инструментальные средства макроэкономической политики регулирования регионального развития.

Политика воздействия на труд. Когда имеет место географическое разделение рынков труда, существующие по регионам различия в уровне заработной платы не выступают в качестве главного стимула, который способствует межрегиональному перемещению рабочей силы. Целый набор факторов, ограничивающих действие механизмов на рынке труда, приводят к тому, что распределение рабочей силы в пространстве не всегда соответствует правилам экономической рационального поведения.

В идеальном случае региональной политикой используются меры, приводящие к перемещению труда в регионы и сферы экономической активности, в которых наиболее высокий предельный продукт.

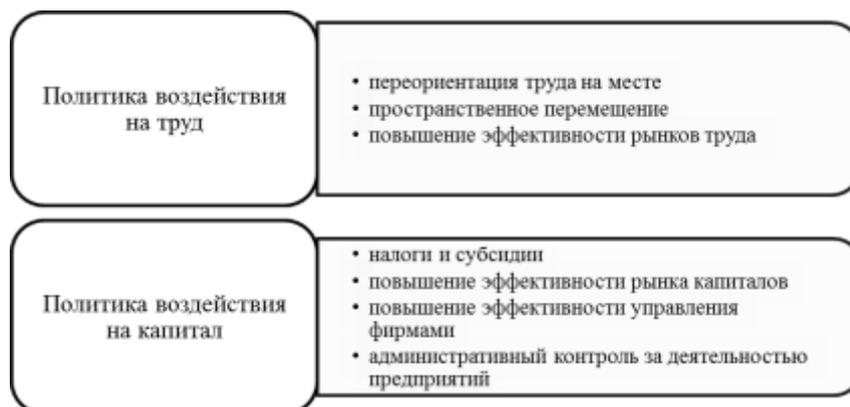

Рис 3. Средства микроэкономической политики.

Под этим подразумеваются два политических действия: стимулирование перемещения предложения труда между регионами и проведение политики, способствующей повышению внутрорегиональной миграционной активности работников, т. е. перемещению работников между секторами регионального хозяйства; достижение соответствия между профессионально-квалификационным составом работников и структурой рабочих мест в регионе.

Факторы, препятствующие межрегиональной миграции, можно подразделить на три основные группы:

– различия в предельной производительности труда, возникающие под воздействием несовершенной конкуренции на рынке труда, не соответствуют межрегиональным различиям в заработной плате;

– даже при несоответствии межрегиональных различий в заработной плате различиям предельной производительности труда, работники могут не реагировать на них вследствие несовершенной информации о региональных рынках труда, т. е. информации о наличии рабочих мест и уровне заработной платы, социальных условиях и т. д.;

– существование препятствий, мешающих миграции, в том числе финансового плана, которые заключаются в том, что миграция связана с высокими затратами на переезд и обустройство на новом месте, высокой степенью риска при поиске работы и обустройстве на новом месте, а также с препятствиями социального и морального свойства.

Ввиду этого на три группы делятся и меры экономической политики региона, нацеленные на их устранение. Их суть заключается в следующем:

– предоставление работникам «правильных» сигналов в отношении регионов и секторов хозяйства, которые имеют наиболее высокий уровень производительности труда, достигнутый благодаря специальным выплатам работникам (надбавкам, бонусам) в отдельных регионах и секторах;

– развитие информационной сети, которая поможет потенциальным мигрантам получить по возможности полную информацию относительно положения на региональных рынках труда в регионах, а также социально-экономических условий миграции;

– создание благоприятных финансовых условий и стимулов для мигрантов, которые заключаются в разработке специальных государственных миграционных программ и предполагают финансовую поддержку мигрантам.

Политика воздействия на капитал. В связи с тесной взаимосвязью экономической политики, проводимой в отношении регулирования регионального рынка труда, с политикой стимулирования перераспределения ресурсов капитала, обе эти политики должны совмещаться при их реализации.

Конечная цель политики повышения мобильности капитала — добиться соответствия спроса предложению, которое складывается на рынке труда за счет использования средств, позволяющих регулировать его предложение.

Спрос на труд, к которому относится квалификационный состав работников, а также пространственная и отраслевая структура занятости, предполагается при этом заданными. По

этой причине другая сторона, которая присуще проводимой экономической политике на рынке труда, тесно связана со стимулированием спроса на труд, что, прежде всего, касается регионов с высоким уровнем безработицы, и достигается это путем применения методов политики перемещения капитала [18].

Целями политики воздействия на капитал могут быть либо внутренние условия, в которых функционируют региональные хозяйственные структуры, либо повышение мобильности капитала и перемещения его из регионов с избыточным спросом на рабочую силу в регионы с избыточным предложением рабочей силы.

В первом случае перед региональной политикой ставятся следующие задачи: первая — повысить производительность фирм, которые уже существуют в тех или иных регионах; вторая — создать более эффективную внутрирегиональную структуру производства. С этой целью:

- воздействуют на структуру затрат предприятий, чтобы укрепить их финансовое положение, для чего вводят налоговые скидки на зарплату и прибыль, регулируют в административном порядке заработную плату и занятость посредством введения неполной рабочей недели, административных отпусков, сдерживания роста заработной платы и т. д.;

- повышают конкурентоспособность продукции, предоставляя гранты и субсидии предприятиям на улучшение организации производства и технологий;

- помогают предприятиям разрабатывать альтернативные планы дальнейшего функционирования, когда рабочих и предпринимателей связывают долгосрочные отношения. Такой способ является предпочтительным в тех случаях, когда закрывать предприятия в определенных местах нецелесообразно по социальным причинам [2–4];

- стимулируют структурные сдвиги в хозяйстве региона, нацеленные или на повышение доли отраслей с высокой добавленной стоимостью, или на повышение занятости;

- создают в регионе полюса роста, стимулируя развитие энергично развивающихся отраслей, которые дают положительный эффект, распространяемый в дальнейшем на другие отрасли в регионе, повышая инновационную активность, привлекая в регион менеджеров высокой квалификации.

Политика повышения мобильности частных капиталов выражается в трех основных формах — субсидиях, налогах и административном контроле.

Цель такой политики заключается в привлечении капитала в одни регионы и ограничение его поступления в другие. В связи с тем, что реализация политики, направленной на перемещение капитала, осуществляется чаще всего посредством предоставления субсидий на используемый капитал или на затраты труда, представляется целесообразным более подробно рассмотреть эти два инструмента региональной политики.

Субсидии могут реализовываться в двух формах. Первая форма заключается в постоянно действующих субсидиях, которые производят на экономику эффект, подобный тому, что возникает при девальвации, т. е. происходит относительное снижение издержек производства в регионе и повышается сравнительная конкурентоспособность производства. Целью таких субсидий является снижение цен на продукцию, производимую в проблемном регионе. Эти субсидии не оказывают прямого влияния на повышение заработной платы или прибыли, но вследствие роста конкурентоспособности продукции может вырасти региональный экспорт и, как следствие, региональные доходы и занятость.

Вторая форма заключается во временных субсидиях, направленных на покрытие первоначальных операционных издержек и поддержку вновь создаваемых производств. Они действуют до того момента, пока предприятие не начинает работать в стабильном режиме. Временные субсидии направлены на повышение конкурентоспособности вновь создаваемых или перемещаемых в проблемные регионы производств.

Формы субсидий, предоставляемых предприятиям и организациям для стимулирования капиталов к перемещению в определенные районы, могут быть различными — гранты, налоговые льготы, дешевые кредиты, снижение арендных ставок на землю и производственные помещения, субсидии на труд, общие субсидии на производственные затраты, снижение транспортных тарифов и др.

В реализации программ финансовой помощи при переезде принимают участие не только

государственные организации, но также и производственные структуры, создаваемые в различных регионах, у которых имеется собственная программа подготовки и переподготовки кадров для предприятий. Преодоление препятствий социально-морального характера является более сложным делом, для чего предоставляются финансовые льготы и гранты, а также информация о преимуществах регионов, в которые привлекаются потенциальные мигранты.

Таким образом, целью макроэкономической политики является воздействие на локационные решения предприятий, организаций и домашних хозяйств, иными словами — стимулирование труда и капитала с тем, чтобы они перемещались в те регионы, которые субъектами региональной политики определены как наиболее предпочтительные

Координация Центра и регионов в выборе инструментария макроэкономического регулирования. Центральные органы власти в первоочередном порядке, согласно стратегической цели, осуществляют косвенное государственное регулирование, используя денежно-кредитную и налогово-бюджетную системы. Осуществление денежно-кредитного регулирования является безусловной прерогативой Центрального банка. Им с использованием основных рычагов (учетной ставки, нормы обязательного резервирования, системы открытого рынка, валютного курса) определяется господствующее направление монетарной политики: денежно-кредитная экспансия или денежно-кредитная рестрикция. Это влияет на формирование на финансовом рынке оптовых процентных ставок — ставки рефинансирования, процентных ставок рынков ГКО, МБК, а далее — и розничных процентных ставок [19, 20].

Регионы оказывают косвенное влияние на проведение монетарной политики, которое заключается в стимулировании развития системы кредитных учреждений, чем в свою очередь определяется поведение региональных коммерческих банков (фактическая норма резервирования), а также то, как в экономическом плане поведет себя население в денежном секторе, в какой степени предпочтет наличность депозитам.

Отличие налогово-бюджетной политики от денежно-кредитной состоит в том, что она является рычагом совместной деятельности федеральных и региональных органов власти. В этом как раз и заключается целесообразность региональной дифференциации налоговой политики и политики расходов, с которой связана необходимость наибольшей координации Центра и регионов в проведении фискального регулирования [5, 10].

Вместе с тем существуют проблемы, концептуальное решение которых в условиях бюджетного федерализма невозможно без координации Центра и регионов при проведении фискального регулирования [5, 9]. К ним относятся:

- принципы, по которым целесообразно разделять расходы между Центром и регионом;
- порядок, в соответствии с которым происходит закрепление источников доходов между различными уровнями бюджетной системы;
- критерии, по которым необходимо осуществлять перераспределение средств между бюджетами разных уровней.

Кроме того, регионы располагают также рычагами селективного воздействия на территориальную экономику, а через нее и на макроэкономическое состояние экономики страны. К таким рычагам можно отнести:

- антимонопольную политику по отношению к предприятиям — монополистам, находящимся на данной территории;
- стимулирование внутреннего регионального развития, достигаемое прямым регулированием через государственный сектор;
- методы, которые стимулируют занятость и привлечение капитала;
- торговую политику, предполагающую территориальную дифференциацию тарифов и другие инструменты контроля.

Выводы. Методы и инструменты регулирования регионального развития, реализации государственной региональной политики оказывают активное влияние на динамику реального сектора экономики страны, связанного с воздействием на уровень совокупного спроса и совокупного предложения, а также на состояние рынка труда, что позволяет воздействовать на макроэкономическое равновесие в целом.

Литература

1. Алиев Б. Х., Алиев Х. Б. Налоговая политика и ее роль в регулировании экономики государства / Б. Х. Алиев, Х. Б. Алиев // *Вопросы структуризации экономики*. — 2012. — № 3. — С. 54–57.
2. Арсланов Ш. Д., Арсланова Х. Д., Ниналалова Л. Г., Гаджиева А. Г. Современная инвестиционная политика проблемного региона как элемент реализации стратегии его долгосрочного социально-экономического развития // *Актуальные проблемы развития финансового сектора. Материалы Международной научно-практической заочной конференции. Отв. ред. Я. Ю. Радюкова*. — 2015. — С. 5–11.
3. Багомедов М. А., Багомедов О. М. Социальное стратегирование в региональной политике государства / М. А. Багомедов, О. М. Багомедов // *Вопросы структуризации экономики*. — 2014. — № 1. — С. 223–225.
4. Баширова А. А. Инновационная составляющая сбалансированного развития проблемного региона (на примере субъектов Северо-Кавказского федерального округа) / А. А. Баширова // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. — 2014. — № 11–2. — С. 148–151.
5. Глазырин М. Системные факторы регионального развития / М. Глазырин // *Экономист*. — № 6. — 2013. — С. 90–96.
6. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики / А. Г. Гранберг // *Государственный университет — Высшая школа экономики*. — Москва: ГУ ВШЭ, 2001. — С. 495.
7. Кохужева С. Н. Программно-целевое управление социально-экономическим развитием региона: роль организационно-экономического механизма в разработке региональных целевых программ социально-экономического развития / С. Н. Кохужева // *Российское предпринимательство*. — № 8. — Вып. 1. — 2011. — С. 156–161.
8. Кулягина Е. А., Пронина М. Е. Использование зарубежного опыта финансового планирования на российских предприятиях / Е. А. Кулягина, М. Е. Пронина // *Апробация*. — 2016. — № 5 (44). — С. 127–129.
9. Лексин В., Швецов А. Общероссийские реформы и территориальное развитие. Статья 8. Депрессивные территории: прежние проблемы и новые варианты их решения / В. Лексин, А. Швецов // *Российский экономический журнал*. — № 9. — 2001. — С. 35.
10. Петросянц В. З. Концептуальные основы стратегии регионального развития / В. З. Петросянц, С. В. Дохолян // *Региональные проблемы преобразования экономики*. — 2011. — № 3.
11. Петросянц В. З., Ниналалова Л. Г. Программно-целевые методы в системе регулирования развития проблемных регионов / В. З. Петросянц, Л. Г. Ниналалова // *Региональные проблемы преобразования экономики*. — 2016. — № 5. — С. 63–70.
12. Петросянц В. З. Социально-экономическое развитие республики в условиях федерации (опыт моделирования) / В.З. Петросянц. — М.: Наука, 1993. — С. 112.
13. Региональные исследования за рубежом. М.: Наука, 1973.
14. Региональное развитие: опыт России и Европейского союза. Отв. редактор Гранберг А.Г. М.: Экономика, 2000.
15. Региональные проблемы переходной экономики: вопросы теории и практики. Под ред. профессора Алиева В. Г. М.: Экономика, 2002.
16. Хэзлитт Г. Типичные ошибки государственного регулирования экономики. М.: Экономика, 2000.
17. Шнипер Р. И. Регион: экономические методы управления. Новосибирск: Наука, 1991.
18. Штульберг Б. М. Регулирование территориального развития в условиях рыночной экономики. М.: Наука, 1993.
19. Штульберг Б. М., Введенский В. Г. Региональная политика России: теоретические основы, задачи и методы реализации. М.: Гелиос АРВ, 2000.
20. Klein L. The Specification of Regional Econometric Models. Papers of the Regional Science Association. V. XXIII, 1969.

References:

1. Aliev B. Kh., Aliev H. B. Tax policy and its role in regulating the economy of the state / B.Kh. Aliev, H.B. Aliev // *Issues of structuring the economy*. 2012. No. 3. P. 54–57.
2. Arslanov Sh. D., Arslanova Kh. D., Ninalalova L. G., Hajiyeva A. G. Modern investment policy of the problem region, as an element of implementing the strategy of its long-term socio-economic development // *In the collection: «Actual problems of financial sector development». Materials of the International Scientific and Practical Correspondence Conference. Otv. Ed. Y. Yu. Radyukova*. 2015. P. 5–11
3. Bagomedov M. A., Bagomedov O. M. Social strategy in the regional policy of the state / M. A. Bagomedov, O. M. Bagomedov // *Issues of structuring the economy*. 2014. No. 1. P. 223–225.
4. Bashirova A. A. Innovative component of the balanced development of the problem region (by the example of the subjects of the North-Caucasian Federal District) / A. A. Bashirova // *Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*. 2014. No. 11–2. P. 148–151.
5. Glazyrin M. System factors of regional development / M. Glazyrin // *Economist*, No. 6. 2013. P. 90–96.
6. Granberg A. G. Fundamentals of regional economy / A.G. Granberg // *State University — Higher School of Economics. Moscow: State University Higher School of Economics*, 2001. P. 495.
7. Kozhuzheva S. N. Program-oriented management of the socio-economic development of the region: the role of the organizational and economic mechanism in the development of regional targeted programs for socio-economic development / S.N. Kozhuyeva // *Russian Entrepreneurship*. No. 8. Issue. 1., 2011. P. 156–161.
8. Kulyagina E. A., Pronina M. E. Use of foreign experience of financial planning at Russian enterprises / E. A. Kulyagina, M. E. Pronina. // *Approbation*. 2016. No. 5 (44). P. 127–129.
9. Leksin V., Shvetsov A. All-Russian reforms and territorial development. Article 8. Depressive territories:

- former problems and new solutions. / V. Leksin, A. Shvetsov // Russian Economic Journal. No. 9. 2001. P. 35.*
10. Petrosyants V. Z. *Conceptual foundations of the regional development strategy / V. Z. Petrosyants, S. V. Doholyan // Regional problems of economic transformation. 2011. No. 3.*
11. Petrosyants V. Z. Ninalalova. L. G. *Program-target methods in the system of regulating the development of problem regions / V. Z. Petrosyants., L. G. Ninalalova // Regional problems of economic transformation. 2016. No. 5. P. 63–70.*
12. Petrosyants V. Z. *Socio-economic development of the republic in the conditions of federation (modeling experience) / V. Z. Petrosyants // Moscow: Nauka, 1993. P. 112.*
13. *Regional studies abroad. Moscow: Nauka, 1973.*
14. *Regional development: the experience of Russia and the European Union. Otv. editor Granberg A. G. Moscow: Economics, 2000.*
15. *Regional problems of the transition economy: theory and practice. Ed. Professor Aliev V. G. Moscow: Economics, 2002.*
16. Hazlitt G. *Typical errors of state regulation of the economy. Moscow: Economics, 2000.*
17. Schniper R.I. *Region: economic management methods. Novosi-birsk: Science, 1991.*
18. Shtulberg B. M. *Regulation of territorial development in a market economy. Moscow: Nauka, 1993.*
19. Shtulberg B. M. Vvedensky V. G. *Regional policy of Russia: theoretical bases, tasks and methods of implementation. M: Helios ARV, 2000.*
20. Klein L. *The Specifikation of Regional Ekonometric Models. Papers of the Regional Science Association. V. XXIII, 1969.*

УДК 338

КАЗИХАНОВ АДильХАН МАГОМЕД-ТАГИРОВИЧ
д.э.н., профессор кафедры “Экономика” ФГБОУ ВО
«Дагестанский государственный университет народного хозяйства»,
e-mail: cool.kazikhanov@mail.ru

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН

Аннотация. Предмет и цель работы. Предмет исследования — теоритические аспекты стратегических ресурсов экономики региона и эффективность использования природных факторов. Цель работы — анализ практических направлений реализации стратегических ресурсов и обоснование их эффективности на уровне АПК региона. **Методология проведения работы.** На практике возникает ряд противоречий, связанных с особенностями отраслей экономики, которые требуют своего решения. Даны основные принципы, которые должны преобладать при разрешении этих противоречий. Сегодня экономическая наука, создавая механизм их решения, в качестве фундамента общества должна способствовать росту благосостояния общества. Практический блок исследования состоит из двух частей: анализ импортозамещения, создания экспортного потенциала и роли кластеров в подкомплексе. Импортозамещение рассматривается как фактор и условие обеспечения продовольственной безопасности и повышения конкурентоспособности отрасли. Показана роль АПК в формировании экспортного потенциала республики. Даны основные направления государственной поддержки, необходимые для его формирования. Показана роль и преимущество кластерной структуры исследуемого подкомплекса. **Результаты работы.** В результате проведенного исследования показана необходимость возрождения политической экономии как фундаментальной науки. Его методологическая функция реализуется путем создания единой концепции рыночной экономики. Результатом роли роста государства является переход к планируемой рыночной экономике. Импортозамещение является основным направлением развития экономики, обеспечивающей продовольственную безопасность, и основой его доктрины. Конкретизированы элементы системного подхода к инновационному развитию производства и его основные направления. Формирование экспортного потенциала — важнейшее направление развития АПК республики. На данном этапе приоритетной отраслью, формирующей экспортный потенциал республики, является развитие исследуемого подкомплекса в направлении роста производства коньячных виноматериалов и развитие кластерной структуры отрасли. **Область применения результатов.** Результаты исследования могут быть использованы при разработке программ импортозамещения, продовольственной безопасности и кластеризации отрасли. Использование результатов позволит конкретизировать направления развития экономики региона с разнообразными природными условиями, обеспечить рациональное размещение производств, направления прикладных исследований. Используется и при формировании кластерных структур. **Выводы.** Политическая экономия как фундаментальная наука является и методом практических действий людей. Методологические функции экономической науки реализуются и через взаимодействие с другими науками. Импортозамещение и решение его проблем — актуальная задача экономики России и регионов — является одним из направлений продовольственной безопасности. Экспортный потенциал региона становится решающим фактором его стратегического развития, в формировании которого большую роль играет и технический уровень производства.

Ключевые слова: стратегические ресурсы, импортозамещение, потенциал, безопасность, кластер.

KAZIKHANOV ADILKHAN MAGOMED-TAGIROVICH
Doctor of Economics, Professor of the Department of
“Economics” of FSBEI of HE “Dagestan State Institute of the Economy”,
e-mail: cool.kazikhanov@mail.ru

STRATEGIC RESOURCES OF THE ECONOMY OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN

Abstract. The subject and goal of the study. The subject of the study are theoretical aspects of strategic resources of the economy of the region and effectiveness of use of natural factors. The goal of the study is an analysis of practical areas of focus of implementation of strategic resources and substantiation of their effectiveness on the level of the AIC of the region. **The methodology of performing the study.** In practice there is a set of contradictions that arises that is related to the typical features of economic industries that require to be solved. The main principles are presented that have to be prevalent when resolving these contradictions. Today the Economic Science by creating a mechanism of solving these issues, and as the foundation of the society, has to assist in growth of welfare of the society. The practical section of the study consists of two parts: analysis of import substitution, creating export potential and the role of clusters in the sub-complex. Import substitution is discussed as a factor and condition of providing for food security and improving the competitiveness of the industry. The role of the AIC is shown in forming the export potential of the Republic. We have provided the main areas of focus of governmental support necessary for its formation. We are showing the role and advantage of the cluster system of the subcomplex being studied. **The results of the study.** As a result of the study performed, we have shown a need to revive the political economy as the fundamental science. Its methodological function is implemented through creating an integrated concept of market economy. The result of the role of the state is a transition towards a planned market economy. Import substitution is the main area of focus of development of the economy providing for food security, and it is the foundation of its Doctrine. We have specified the elements of a systemic approach to the innovative development of production and its main areas of focus. The formation of the export potential is the most important area of focus of development of the AIC of the Republic. At this stage the priority industry that forms the export potential of the Republic is the development of the subcomplex being studied. This development is moving towards the growth of production of cognac and wine products and also includes the development of the cluster structure of the industry. **The area of application of the results.** The results of the study may be used when developing import substitution programs, food security and clusterization of the industry. The use of the results will allow to specify the areas of focus of the development of the economy of the region with varied natural conditions, provide for a rational placement of production, area of focus of applied studies. It is also used in forming cluster structures. **The conclusions.** Political economy as a fundamental science is a method of practical actions of people. Methodological functions of the economic science are implemented also through interaction with other sciences. Import substitution and solving its problem is a relevant task of the economy of Russia and the regions, and is one of the areas of focus of food security. The export potential of the region is becoming the deciding factor of its strategic development where the technical level of production plays a big role as well. **Keywords:** strategic resources, import substitution, a potential, security, a cluster.

Введение. Обратимся к некоторым теоретическим аспектам нашего исследования, которые вытекают из особенности предмета и метода политической экономии. Политическую экономию можно рассматривать как единство всех экономических наук, которая включает и различающиеся направления. Единство экономических наук позволяет обнаружить одновременно и различие между этими направлениями, которые коренятся в многообразных аспектах процесса производства и системы отношения человека к природе. Много ли общего в бухгалтерском учете, статистике, сельском хозяйстве и экономике других отраслей? Их единство проявляется через взаимодействие противоположных сторон этих отраслей, которые, наоборот, укрепляют систему, максимально учитывая особенности этих наук. Такое противоречие носит объективный характер, характеризует систему экономических наук как единое целое и одновременно является методологической основой экономических наук. Оно получило название, как известно, политическая экономия. Политическая экономия играет определяющую роль в системе экономических наук и не может быть сравнима с ролью любой другой общественной науки. При этом необходимо иметь в виду и учитывать различие между фундаментальными и прикладными исследованиями и науками. К примеру, «Капитал» Маркса относится к фундаментальным исследованиям, но он стал и методом практического действия для многих людей.

Имеет место противоречие фундаментального и прикладного аспектов экономической науки. При этом экономическая наука должна решать эти противоречия и давать практике конкретные рекомендации.

Методы исследования. Рассмотрим возможность и необходимость такого подхода на примере АПК. С точки зрения НТП и возможности его реализации на практике расширение площадей виноградников создает условия для роста ВВП в отрасли. В то же время реальная и практическая потребность отрасли на данном этапе совершенно иная. Это связано со следующими обстоятельствами:

1. Изменились потребности и структура населения, которая привела к сокращению потребления продукции виноделия в результате роста влияния религиозного фактора.

2. Структура площадей виноградников (соотношение столовых и технических сортов) остается прежней:

3. В связи с переходом к рыночной экономике и открытой системе экономических отношений выход продукции отрасли на международный уровень становится наиболее эффективным направлением его развития.

Здесь мы имеем дело с противоречивым единством фундаментального и прикладного аспектов науки, которая требует своего конкретного решения с четкими ориентирами. Если нет такого единства, нет и науки [1, с. 20].

Все науки должны подчиняться принципу «фундаментальные- прикладные», и очень важно четко представлять эту связь. Недоучет этой двойственности политической экономии приводит к тому, что ее практическое значение ограничивается общими положениями и потерей практической направленности. На основе этого принципа становится понятным и основное отличие, и особая роль политической экономии в системе экономических наук.

Для практики это означает необходимость повышения влияния государства в рамках государственного регулирования экономики в целом, в том числе и АПК со всей его инфраструктурой.

Из изложенного следует, на наш взгляд, что в экономической науке должны преобладать следующие принципы:

- принцип, определяющий роль политической экономии в системе экономических наук;
- принцип деления наук на фундаментальные и прикладные следует рассматривать как объективный процесс развития НТП;
- необходимость исходить из открытости системы взаимодействия экономических наук с другими общественными науками;
- необходимость учитывать возможность дифференциации и интеграции экономических наук.

Таким образом, особая роль политической экономии в системе экономических наук определяется ее реальным участием в развитии экономической системы в целом. Ее методологическая функция реализуется через взаимодействие с другими экономическими науками, конечная цель которого создание единой концепции современной рыночной экономики.

Сегодня экономическая наука, которая базируется на методологии политической экономии, справедливо претендует на центральное место среди всех общественных наук, и, действительно, в современном обществе именно экономическая наука становится фундаментом общества, у истоков которого была политическая экономия.

Вышеизложенное является теоретической частью данного исследования. Практическая часть работы посвящена двум проблемам:

1. Проблеме импортозамещения как фактору обеспечения продовольственной безопасности.

2. Проблеме формирования экспортного потенциала и роли кластеров в АПК.

Таким образом, данное исследование состоит из двух блоков: теоретического и практического. Рассмотрим основные аспекты практической части исследования.

1. Импортозамещение как фактор обеспечения продовольственной безопасности.

Выбор именно этих проблем в качестве практической части исследования объясняется тем, что они стали актуальными для России в связи с событиями последних лет, произошедших на уровне международных экономических отношений, где просматривается стремление Запада

удержать Россию в рамках сырьевого придатка и зависимости его экономики от ведущих стран мира.

АПК Республики Дагестан является одной из ведущих традиционных отраслей экономики республики. В процессе рыночных реформ для него было характерно падение объемов производства, деформация межхозяйственных связей, рост импорта продовольственных ресурсов, рост социальной напряженности, которые привели в итоге к снижению уровня жизни населения.

Но современная реальность такова, что можно утверждать, что созданы и реализованы основы рыночной экономики. Сегодня речь идет о проблеме совершенствования рыночной экономики, восстановлении утраченного потенциала и переходе на совершенно новую экономику на основе новых теоретических положений экономической науки (новой политической экономии) [19, с. 85].

Новые этапы развития АПК России и его регионов характеризуются ростом роли государства и государственной поддержки на уровне правительства и принятием ряда законодательных актов.

Все это свидетельствует о начале перехода аграрного сектора экономики к планируемой рыночной экономике. Данная проблема обострилась после введения санкций России и ответных мер Запада в виде запрета на импорт сырья и продовольствия в Россию. В результате этого на всех уровнях АПК и других отраслей экономики идут дискуссии по проблеме импортозамещения, рассчитанной на долгосрочный период, и роли импортозамещения в обеспечении продовольственной безопасности как одном из стратегических направлений в развитии экономики государства.

Сложившуюся ситуацию можно рассматривать двояко: как положительный фактор, стимулирующий развитие собственного производства и укрепляющий конкурентные позиции на рынке; как отрицательный фактор, который приведет к возникновению ряда дополнительных проблем (имеет ли АПК России потенциал для самообеспечения; достаточны ли в современных условиях финансовые возможности страны для обеспечения импортозамещения и другое).

Анализ тенденции в развитии АПК показывает, что его восстановительный этап начался после 1998 года. Намечился незначительный рост ВВП в аграрном секторе. Так, за 2000–2012 годы затраты на один рубль сельскохозяйственной продукции снизились на 30–35 % [10, с. 20]. После 2012 года усиливается неустойчивость в развитии АПК, что привело к снижению уровня самообеспечения по продовольственным товарам и увеличению импорта. В результате этого проблема продовольственной независимости впервые была зафиксирована на уровне правительства. В 2010 году была принята Доктрина продовольственной безопасности России, где были обозначены пороговые значения самообеспечения по основным видам продовольствия. Продовольственный анализ фактического потребления по основным продуктам питания показывает, что удельный вес отечественной продукции в общем объеме потребления ниже порогового значения Доктрины. Так, доля отечественной продукции в общем потреблении продовольственных товаров в Республике Дагестан составила, в % [7, с. 110]:

	2010 год	2014 год
по мясу	60	56
по молочным продуктам	55	45
по картофелю	90	91
по фруктам	41	40
по овощам	40	38

Приведенные данные показывают, что стабильность рынка продовольственных товаров в настоящее время обеспечивается в основном за счет импорта продовольствия. В наибольшей степени это характерно для фруктов и овощей, для производства которых в республике имеются благоприятные природно-климатические условия.

Многие регионы России и Республики Дагестан продолжают оставаться импортерами про-

довольствия. Только за 2010–2014 годы импорт продовольствия вырос более чем в 2 раза, сохраняется низкий уровень самообеспечения, что отрицательно сказывается на решении проблемы продовольственной безопасности [7, с. 125].

С 2010 года в Республике Дагестан начинается возрождение экономики, в том числе и АПК, которое уже дает свои положительные результаты. Принимается ряд приоритетных проектов и нормативных актов.

Это привело к заметному оживлению в АПК республики. В результате реализации этих программ валовой сбор винограда в республике составил в 2016 году 150 тыс. тонн (в 1991 году — 35 тыс. тонн). Выросли инвестиции в АПК за последние два года (2014–2015 годы), инвестиции на развитие виноградно-винодельческого подкомплекса увеличились более чем в 2 раза, а на развитие садоводства — в 4 раза. Широко используются различные формы государственной поддержки [6, с. 128].

Проблема продовольственной безопасности особенно обострилась в связи с введением санкций на импорт продовольствия в Россию. По данным статистики, сокращение импорта продовольственных товаров в результате санкций западных стран составило 39 % в 2014 году. Решение проблемы восполнения такого сокращения может быть обеспечено за счет импортозамещения, что будет стимулировать мобилизацию внутренних ресурсов АПК, которые используются в настоящее время недостаточно эффективно и не в полном объеме. Например, в Республике Дагестан потенциал АПК используется, по разным оценкам, не более чем на 15–20 %. Проведенный нами анализ возможностей решения этой проблемы, исходя из динамики темпов роста АПК Республики Дагестан за 2000–2014 годы, показал, что для этого потребуются: по мясу и молоку — 9 лет, по фруктам — 8 лет, по овощам — 7 лет.

Поэтому импортозамещение надо рассматривать как важнейший фактор и условие обеспечения продовольственной безопасности, рассчитанный на долгосрочный период на основе модернизации всего АПК и повышения его конкурентоспособности. На первом этапе это приведет к росту цен на продовольствие. Но в долгосрочном периоде будет обеспечено наполнение рынка продовольственными товарами отечественного производства, что приведет к росту уровня жизни, платежеспособного спроса и устойчивому обеспечению потребностей населения в продовольствии.

Необходим системный подход, реализация которого в условиях Дагестана предполагает:

1. Возрождение на начальном этапе традиционных отраслей экономики (виноградарства, садоводства, консервной промышленности, виноделия).

2. Организация производства средств производства АПК на базе машиностроительного комплекса республики.

Доля импортной сельскохозяйственной техники составляет порядка 20–60 %, что говорит о низком уровне продовольственной безопасности с точки зрения технического потенциала.

3. Создание комфортных условий для развития собственного производства (переход на щадящий режим налогообложения, повышение доступности к кредитным ресурсам за счет снижения ставки кредитования и др.).

4. Расширение налогооблагаемой базы за счет стимулирования «обеления экономики».

5. Создание условий для закрепления молодежи на селе за счет материального стимулирования молодых специалистов и улучшения социально-экономических условий проживания.

Состояние труда ресурсной базы АПК оставляет желать лучшего. Перелив сельского населения в город обусловлен в первую очередь низкими доходами сельчан. Здесь необходимо разработать схему развития и размещения агропромышленного производства с учетом специализации производства на отдельные виды сельскохозяйственной продукции.

2. Проблемы формирования экспортного потенциала АПК РД и роль кластеров.

Не менее важной проблемой развития АПК является формирование его экспортного потенциала по отдельным видам продукции, для производства которых в регионе имеются благоприятные природно-климатические условия. Импортозамещение, как было отмечено, решает важные проблемы экономики. Поставить вопрос о полном отказе от импорта как одного из направлений экономической политики неоправданно, и это привело бы к нарушению экономических отношений между государствами, что в современных условиях неприемлемо с точки зрения развития цивилизованных отношений на уровне мировой экономики. Точно также

недопустим перевес в сторону импорта, который, как было сказано выше, сформирует специфическую форму зависимости от страны импортеров. Это и произошло с Россией, особенно по продукции АПК, оказались заброшенными огромные площади пашни и сельскохозяйственных угодий [6, с. 115].

Таким образом, возникает объективная необходимость и обоснованность обеспечения одновременного роста импортозамещения и экспортного потенциала по отдельным видам сельскохозяйственной продукции.

В результате реализации приоритетных проектов «Эффективный АПК» и государственной программы «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2014–2020 годы» в АПК республики достигнут некоторый рост производства основных видов сельскохозяйственной продукции в 2014 году на 8 % и в 2015 году — на 9 %. Наиболее значительные успехи достигнуты в виноградно-винодельческом подкомплексе. Так, в 2016 году по сравнению с 2014-м рост составил: по винограду — 14 %, а по фруктам и овощам — соответственно 12 и 10 %. Экономическая ситуация в АПК республики на современном этапе характеризуется, таким образом, более устойчивым ростом традиционных для нее отраслей: садоводства, виноградарства и картофеля.

Анализ показывает, что садоводство и виноградарство могут составить основу экспортного потенциала республики на ближайшую перспективу.

Поэтому целесообразно развивать как раз эти отрасли в рамках формирования экспортного потенциала АПК республики. Именно данных отраслей характерен более устойчивый рост урожайности сельскохозяйственных культур. Так, урожайность производства винограда за 2005–2016 годы выросла более чем в 2,5 раза, по плодам — в 1,5 раза. В этих условиях необходима государственная поддержка данных отраслей в рамках кредитования, субсидирования процентных ставок, возмещения части затрат по приобретению и модернизации технических средств и др. Необходимо упростить доступ предприятий этих отраслей к кредитованию и субсидированию, исключив излишне бюрократические требования при их получении. Надо оптимизировать систему налогообложения в направлении роста экспортного потенциала. Для этого необходимо:

1. Ввести налоговое стимулирование для предприятий формирующих экспортный потенциал АПК.

2. На начальном этапе снизить налоговые ставки на прибыль предприятий, производящих продукцию и технические средства для АПК.

В формировании экспортного потенциала АПК принципиальным является вопрос совершенствования земельных отношений, не претендуя на полное обеспечение продовольствием своего населения за счет собственного производства, возможности республики, на наш взгляд, достаточны, чтобы значительно облегчить решение этой проблемы за счет собственных ресурсов. При этом совершенствование земельных отношений имеет немаловажное значение, а импорт будет сосредоточен в основном на цитрусовых культурах и незначительно на другой сельскохозяйственной продукции.

Одним из ключевых элементов формирования экспортного потенциала является техническое обеспечение АПК. Необходимо ликвидировать техническую зависимость, которая в результате роста импорта техники стала одной из форм проявления зависимости экономики республики от импорта техники для АПК и сельского хозяйства.

Необходимо стимулировать освоение производства техники для АПК на базе своего машиностроительного комплекса в рамках импортозамещения, увеличить затраты на НИОКР с ориентацией на производство техники для АПК. Эти затраты сегодня по России не превышают 3 %, что значительно ниже аналогичных затрат в европейских странах. В результате этого замедляется внедрение инноваций в производство сельскохозяйственной техники. В современных условиях в развитии АПК единственно экономически обоснованным является формирование его инновационной модели, теоретические аспекты которого даны в нашем исследовании (ж. «Фундаментальные исследования», № 8, ч. 2, 2016 год).

Выбор виноградно-винодельческого подкомплекса определяется тем, что именно этот подкомплекс исторически был наиболее развитым, а в настоящее время имеет наибольшие потенциальные возможности для своего быстрого возрождения. Поэтому развитие этого подком-

плекса, который обладает наибольшим экспортным потенциалом, может стать основой стратегического развития АПК республики на ближайшую перспективу.

В рамках решения поставленных задач возникает вопрос: «Какая продукция агрокомплекса может сформировать экспортный потенциал подкомплекса?».

В поисках ответа на поставленный вопрос нами проведен анализ АПК с позиций указанных теоретических положений на примере виноградно-винодельческого подкомплекса как наиболее типичного и одного из приоритетных направлений развития экономики республики. Традиционно в своем развитии подкомплекс прошел периоды подъема и спада, обусловленные экономическим и политическим факторами.

В результате реализации приоритетных проектов созданы благоприятные условия для обеспечения устойчивого развития отрасли и, наконец, возможности выхода продукции исследуемого подкомплекса на международный уровень с коньячной продукцией, который в перспективе станет основой экспортного потенциала подкомплекса.

Современное состояние производства коньячной продукции в республике представлено ординарной продукцией. Доля марочных коньяков низкая, что практически означает невозможность выхода на внешний рынок. Более того, в общей динамике роста объемов производства преобладает тенденция к снижению с 15 % в 2000 году до 0,5 % в 2014 году.

Экономика России характеризуется преобладанием в внешнеэкономических отношениях экспортом сырьевых ресурсов. Экспорт готовой продукции пока еще занимает незначительное место [20, с. 50]. В увеличении экспорта готовой продукции ключевую роль должен сыграть кластерный подход. Его обоснование для АПК региона предполагает решение следующих задач: оценка конкурентоспособности, формирование теоретической базы «кластерной экономики», использование современных методов анализа отрасли применительно к исследуемому подкомплексу. Кластерный подход можно рассматривать как стратегический ресурс региона, обеспечивающий наиболее эффективное использование природного потенциала. Конечная цель кластерного подхода применительно к исследуемому подкомплексу — переход на готовую продукцию, каким является, например, коньячная продукция. Для этого предварительно необходимо решить ряд задач, среди которых первоочередными являются: изменение сортамента виноградников в сторону увеличения площадей под коньячные сорта, в рамках импортозамещения — модернизация технической базы отрасли, повышение роли государственного управления и сохранение за государством собственности на земли сельскохозяйственного назначения. Из современных методов анализа нами использован SWOT-анализ, результаты которого подтверждают вывод о необходимости выхода на внешний рынок. Наконец, кластеризация обеспечивает снижение транзакционных издержек и переход на инновационные технологии и цифровую экономику, которая является новым революционным этапом развития экономики в целом и важнейшим стратегическим ресурсом.

Результаты. Дан понятийный аппарат стратегических ресурсов региона применительно к конкретной отрасли. Импортозамещение рассматривается как важнейший фактор обеспечения продовольственной безопасности. Конкретизированы направления внешнеэкономической деятельности исследуемого подкомплекса и показаны его преимущества. Рассмотрены вопросы экспортного потенциала и роль кластеров. Даны рекомендации по использованию экспортного потенциала.

Выводы. Экономическая наука и ее фундамент — политическая экономия — не потеряли свою основную методологическую функцию и являются методом практических действий людей. Импортозамещение рассматривается как фактор ускоренной модернизации экономики. Использование экспортного потенциала является велением времени и обеспечивает эффективное использование природных ресурсов. SWOT-анализ отрасли показал наличие значительных стратегических ресурсов отрасли. Кластеризация экономики на данном этапе является одним из основных направлений повышения эффективности использования потенциала региона.

Литература

1. Абалкин, Л. И. Возвращение в политическую экономию // ЭКО. — 2009.
2. Бабаев Б. Д., Бабаев Д. Б. Повышение интереса к политической экономии — вызов времени // Проблемы новой политической экономии. — 2004. — № 4. — С. 14–20.

3. Беляя Н. В. Формирование человеческого капитала в АПК: Проблемы и перспективы // Вестник Алтайского аграрного государственного университета. — 2013. № 6. — С. 113.
4. Долгов С. И. Глобализация экономики. М., 1998.
5. Казиханов А. М., Султанов Г. С., Курбанов Г. К. Экономические проблемы развития АПК в РД // Экономика и предпринимательство. — № 12. — 2015.
6. Казиханов А. М. Земельная собственность и новый земельный строй в России // Региональные проблемы преобразования экономики. — № 5. — 2016. — ДНЦ РАН.
7. Казиханов А. М. Роль инвестиционных приоритетов в стратегических направлениях развития региона // Региональные проблемы преобразования экономики. — № 5. — 2014. — ДНЦ РАН.
8. Кузьминский А. И. Модели развития экономики: зарубежный опыт // Экономика и жизнь. — № 29. — 1995.
9. Лизунов В. В. и др. Кластеры и кластерные стратегии // ИП Скорнякова Е. В. — 2012. — С. 280.
10. Магомедов А. М., Бучаев А. Г. Повышение эффективности использования сельскохозяйственного потенциала региона и управление экономическими системами // Электр. науч. журнал. — № 2. — 2015. — С. 30.
11. Прыкин Б. С. Новейшая теоретическая экономика. — М. 2010. — С. 20.
12. Румянцев Е. Е. Новая экономическая Энциклопедия. — 3-е изд. — М.; ИНФРА, 2008. — С. 615.
13. Скаржинский Н. И. Теория факторов производства в новой политической экономике // Проблемы новой политической экономики. — 2000. — № 1. — М. — С. 40–46.
14. Стратегия социально-экономического развития РФ до 2025 года.
15. Трескова Е. А., Семин А. Н. Концепция развития сельских территорий: два базовых подхода // Аграрный вестник Урала. — № 12. — 2012. — С. 60.
16. Хуажева А. Ш. Организационно-институциональная модель управления региональным АПК на основе выделения экономических кластеров // Вестник Адыгейского государственного университета. — № 2007. — С. 220.
17. Цихан Т. В. Кластерная теория экономического развития // Теория и практика управления. — 2003. — № 5. — С. 15.
18. Чекмарев В. В. Новая политическая экономика: истоки и итоги. — М.: Центр общественных наук МГУ. — 2009. — С. 45.
19. Шарипов Ш. И. Рыночная трансформация аграрного сектора Дагестана // Махачкала, ООО «Планета-Сервис». — 2007.
20. Юрьева Т. В., Социальная рыночная экономика. — М. — 2012. — С. 113.
21. Ali Sasani. Investigating the Effect of Human Capital and Social Capital on Innovation Using the Fuzzy AHP Method // New York Science Journal. 2012. No. 5(11).
22. Bendell T. Quality Mentors. Sat. Short essays on the most famous foreign figures in the field of quality // Trans. With the English. M: Standards and quality, 2000. 274 p.
23. Hegel G. V. F. Science of Logic: In 3 vols., T. 1. M.: publ. Of the socio-economic literature «Thought», 1970. 501 p.

References:

1. Ban. L. I. the Return to political economy // ECO. — 2009.
2. Baba B. D., Baba, D. B. the Increasing interest in political economy — call time // Problems of new political economy. — 2004. — No. 4. — P. 14-20.
3. White N. V. In human capital Formation agriculture: Problems and prospects // vest Alice Graph state University. — 2013. No. 6. — P. 113.
4. With Debt. And ... of Economy globalization. M., 1998.
5. Khan A. M., Sultanov G. S., Corban, G. K. Economic problems of agricultural development in the RD // Economics and entrepreneurship. — No. 12. — 2015.
6. Khan, A. M. the Subject property and a new land system in Russia // Regional problems of transformation of the economy. — No. 5. — 2016. — DNTS RAN.
7. Khan A. M. the Role of inversion in the narrow priority of the development strategy of the region // Regional problems of transformation of the economy. — No. 5. — 2014. — DNTS RAN.
8. Kuzmin A. I. Model of economic development: serb experience // Economics and life. — No. 29. — 1995.
9. In Lin. V. I. Cluster and cluster strategy // IE Scorn E. V. — 2012. — P. 280.
10. Magomedov A. M., And Bochev. G. increasing the efficiency of use of agricultural potential of the region and the management of economic systems // Elect. scientific. log. — No. 2. — 2015. — S. 30.
11. PR B. S. Ways theoretical Economics. — M. 2010. — S. 20.
12. E Rummyantsev. E. New economic encyclopedia. — 3rd ed. — M.; INFRA 2008,. — S. 615.
13. Ann N. I. the Theory of factors of production in the new political economy // Problems of new political economy. — 2000. — No. 1. M. S. 40-46.
14. Socio-economic development Strategy of the Russian Federation until 2025.
15. E Way. A. Sin, A. N. Development of concept sells territory: bash the two approaches // Agar vest URL. — No. 12. — 2012. — P. 60.
16. And Huajia. Š Organizational-institutional model of management of regional agriculture based on the allocation of economic clusters // vest Adyghe state University. No. 2007. — P. 220.
17. Chan T. V. Cluster theory of economic development // Theory and practice of management. — 2003. — No. 5. — S. 15.
18. In Chekmarev. V. the New political economy: results and actions. — Moscow: Center of social Sciences MG. — 2009. — S. 45.

19. Ø Sharp. *I. turning Ranch Grand sector of the Dagestan // Makhachkala, ООО Planeta-SERVIS*— 2007.
20. Yurieva T. V., *Social ranch economy. — М. -2012. — P. 113.*
21. Ali Sasani. *Examines the influence of human capital and social capital on innovation using the Fuzzy AHP method // new York scientific journal. 2012. No. 5 (11).*
22. Bendall T. *Tutors on the quality. Stranded. Short essays about the most famous foreign personalities in the field of quality // TRANS. with the British. M: the standards and quality, 2000. 274 p.*
23. Hegel G. V. F. *Science of logic: in 3 volumes. Vol. 1. M.: Izd. The socio-economic literature "thought," 1970. 501 S.*

УДК: 332.13 332.14 332.142.2

АХМЕДУЕВ АБАС ШАПИЕВИЧ

д.э.н., профессор, главный научный сотрудник ФГБУН
«Институт социально-экономических исследований ДНЦ РАН»,
e-mail: achmeduev@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ЧРЕЗМЕРНОЙ ПОЛЯРИЗАЦИИ УРОВНЯ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ И ИМПЕРАТИВЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. *Цель работы.* В статье рассматриваются современные проблемы совершенствования государственной региональной политики, сокращения чрезмерной дифференциации уровня социально-экономического развития территорий, макрорегионов и субъектов Российской Федерации. *Метод или методология проведения работы.* Проведен сравнительный статистический анализ дифференциации уровня социально-экономического развития регионов России. *Результаты.* Последние десятилетия в России сложилась устойчивая тенденция поляризации уровня социально-экономического развития, резкого имущественного расслоения и дифференциации уровня жизни населения по регионам страны. Это является следствием отсутствия четкой и системной государственной политики пространственного размещения производительных сил, устойчивого и симметричного развития отсталых территорий, выравнивания уровня экономического и социального развития регионов. Указ президента РФ от 16 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» совершенно не отвечает современным реалиям и не решает ни одну из многочисленных проблем территориального развития России, выравнивания уровня социально-экономического развития регионов и сокращения чрезмерных различий в уровне и качестве жизни населения. Проведённый анализ показал, что цели и задачи, поставленные в Указе президента РФ от 3 июня 1996 г. № 803 по сбалансированному территориальному размещению производительных сил и выравниванию уровня социально-экономического развития регионов страны, не реализованы. Чрезмерно глубокие различия в уровне социально-экономического развития, поляризация уровня и качества жизни населения регионов не только не сокращаются, но и усиливаются, что свидетельствует о неэффективности проводимой органами власти государственной региональной, экономической, инвестиционной и социальной политик. *Область применения результатов.* Результаты проведённого исследования могут быть использованы при разработке новой концепции пространственной организации экономики и совершенствовании государственной политики регионального развития Российской Федерации. *Выводы.* В результате исследования обоснован вывод о чрезвычайной актуальности разработки и реализации концептуально новой эффективной государственной региональной политики Российской Федерации, направленной на рациональное территориальное размещение производительных сил, сбалансированное пространственное развитие страны, устойчивый рост экономики и выравнивание уровня социально-экономического развития регионов, сокращение имущественного расслоения граждан, предотвращение снижения уровня жизни и обнищания населения. *Ключевые слова:* регион, макрорегион, дифференциация развития регионов, государственная региональная политика, уровень жизни населения, выравнивание уровня развития регионов.

AKHMEDUEV ABAS SHAPIEVICH

Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Research Associate of FSBIS
“Institute of Social-Economic Studies of DSC of the RAS”,
e-mail: achmeduev@mail.ru

PROBLEMS OF EXCESSIVE POLARIZATION OF THE LEVEL OF SOCIAL-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGIONS OF RUSSIA AND IMPERATIVES OF MODERNIZATION OF THE STATE REGIONAL POLICY

Abstract. The goal of the study. The manuscript discusses modern problems of improving the state regional policy, reduction of excessive differentiation of the level of social-economic development of territories, macroregions and entities of the Russian Federation. **The method or methodology of completing the work.** We have completed a statistical analysis of differentiation of the level of the social-economic development of the regions of Russia. **The results.** Over the last dozen of years in Russia, a stable tendency has been formed of polarization of the level of social-economic development, an abrupt property-based segregation and differentiation of life of the population in different regions of the country. This is a consequence of the absence of a clear and systemic state policy of spatial placement of production forces, a stable and symmetric development of lagging territories, evening out the level of economic and social development of the regions. The Decree of the President of Russia as at January 16, 2017 No. 13 "On the Adoption of the Foundations of the State Policy of Regional Development of the Russian Federation for the period up to 2025" does not at all correspond to the modern realities, and does not solve even one of many problems of the territorial development of Russia, smoothing out the level of social-economic development of regions and reduction of excessive differences in the level and quality of life of the population. The analysis performed showed that the goals and tasks have not been implemented the way they were set in the Decree of the President of the Russian Federation as at June 3 1996 No. 803 on the balanced territorial placement of production forces and evening out the level of the social-economic development of the regions of the country. Excessively deep differences in the level of the social-economic development, polarization of the level and the quality of life of the population of the regions not only do not get reduced, but are in fact strengthening which evidences the ineffectiveness of the state regional, economic, investment and social policy that the governmental authorities are following. **The area of application of the results.** The results of the study performed may be used when developing a new concept of spatial organization of economics and improvement of the state policy of the regional development of the Russian Federation. **The conclusions.** As a result of the study, a conclusion has been substantiated on the relevance of developing and implementation of a conceptually new effective state regional policy of the Russian Federation directed towards a rational territorial placement of production forces, a balanced spatial development of the country, a sustainable growth of the economy and evening the level of the social-economic development of the regions, reduction of the property-based segregation of citizens, prevention of lowering of the standard of living and impoverishment of the population.

Keywords: a region, a macroregion, differentiation of the development of the regions, state regional policy, the standard of living of the population, evening out the level of development of the regions.

В современных условиях глобализации, перманентных общественно-политических и экономических кризисов роль государства и государственной политики во всех сферах жизнедеятельности общества постоянно возрастает. Государственная политика — это модель управления, система принципов и ценностей, формирующих цели государственного управления в определённой области жизнедеятельности и соответствующих управленческих решений и мероприятий, осуществляемых для достижения этих целей [1, с. 25].

Одна из ключевых функций государства — создание условий и формирование механизма, обеспечивающие устойчивое и сбалансированное социально-экономическое развитие регионов и территорий страны. Основным инструментом осуществления этой функции является региональная политика, направленная на регулирование пространственного и территориального размещения производительных сил в стране, равномерное сбалансированное социально-экономическое развитие регионов, выравнивание уровня развития субъектов Российской Федерации.

Одной из острейших экономических, социальных, политических и нравственных проблем

современности стал раскол общества по имущественному положению, расширение и углубление экономического неравенства регионов, резкая дифференциация уровня и качества жизни населения. В современных условиях России «... на передний план в экономической и политической повестке выходит рост неравенства — и как фактор, напрямую влияющий на уровень социально-политической стабильности, и как возможный ограничитель экономического роста» [2, с. 12]. Нарастание в течение нескольких десятилетий неравенства, которое не вызывало особой тревоги в условиях устойчивого и динамичного роста, на наших глазах становится источником экономической и политической нестабильности. Теперь неравенство рассматривается как значимый фактор, препятствующий экономическому росту в современном (и будущем, посткризисном) мире. Экономическое неравенство в долгосрочной перспективе приведёт к концентрации богатства и экономической нестабильности [3].

В России проблемы пространственного развития страны и социально-экономического неравенства регионов затрагивают фундаментальные основы федерализма и конституционного устройства государства. В Конституции Российской Федерации [4] определены политические основы федеративного устройства государства. Федеративное устройство Российской Федерации основано на его государственной целостности, единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, равноправии и самоопределении народов в Российской Федерации (Ст. 5 Конституции РФ). Но государственная политическая организация общества как бы повисает в воздухе, так как не имеет единого консолидированного экономического фундамента объединения территориальных образований в статусе субъектов Российской Федерации.

По Конституции Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (Ст. 7). При этом государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от места жительства (Ст. 17). Равенство прав и свобод человека в социальном государстве без экономического равенства невольно превращается всего лишь в политический лозунг. Социализация федеративного государства, на наш взгляд, предполагает органичное построение и неразрывную связь политики и экономики в целом, прежде всего, активную экономическую и социальную политику государства, направленную на сбалансированный динамичный рост и выравнивание уровня развития территорий и субъектов Федерации.

Однако в Конституции ни в ведении Российской Федерации (Ст. 71), ни в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (Ст. 72) функция регионального социально-экономического развития страны вообще не обозначена. Такая задача также не определена в полномочиях конкретных законодательных и исполнительных органов власти Российской Федерации. По Конституции Правительство Российской Федерации обеспечивает проведение единой финансовой, кредитной и денежной политики, единой государственной политики в области культуры, науки, образования, здравоохранения, социального обеспечения, экологии и т. д. (Ст. 114). Но обеспечение сбалансированного и равномерного регионального развития экономики, рационального территориального размещения производительных сил в его конституционные полномочия не входит. Возможно, именно поэтому проблемами сбалансированного регионального развития и сокращения дифференциации уровня социально-экономического развития регионов последние десятилетия никто серьезно не занимается.

Указом президента Российской Федерации от 3 июня 1996 г. № 803 [5] были утверждены Основные положения региональной политики в Российской Федерации (далее Основные положения). В Основных положениях в числе главных целей региональной политики были определены:

- обеспечение экономических, социальных, правовых и организационных основ федерализма в Российской Федерации, создание единого экономического пространства;
- обеспечение единых минимальных социальных стандартов и равной социальной защиты, гарантирование социальных прав граждан, установленных Конституцией РФ, независимо от экономических возможностей регионов;
- выравнивание условий социально-экономического развития регионов.

При этом, как одна из основных целей и масштабных задач региональной экономической

политики, было определено сокращение чрезмерно глубоких различий в уровне социально-экономического развития регионов, поэтапное создание условий для укрепления в них собственной экономической базы повышения благосостояния населения, рационализация систем расселения.

Однако эти основополагающие цели и положения Указа президента РФ в части региональной экономической политики на практике не реализованы. «Опыт показывает, что недостаточно определить концептуальные основы, цели и задачи государственной политики регионального развития. Крайне важно определить и задействовать эффективный механизм и инструменты реализации региональной политики» [6, с. 40]. Отсутствие действенного механизма и эффективных инструментов реализации Указа президента привело к тому, что глубокие различия в уровне социально-экономического развития регионов РФ не только не сокращаются, но и усиливаются [7, 8, 9, 10]. Так, валовой региональный продукт (ВРП) на душу населения в среднем по федеральным округам (макрорегионам) России (без учета Крымского округа) различается в 4 раза (см. табл. 1). Поляризация между десятью регионами с самыми высокими и десятью с самыми низкими показателями размера ВРП на душу населения составляет 6,6 раза, а самым авангардным регионом (Ненецкий автономный округ) и самым отстающим (Чеченская Республика) достигает 41 раза (см. табл. 2).

Такие колоссальные различия размера ВРП на душу населения свидетельствуют о соответствующей дифференциации регионов по уровню социально-экономического развития. Обусловлено это проводимой последние десятилетия противоречащей Указу президента РФ № 803 региональной политикой, прежде всего, отсутствием четкой инвестиционной политики, ориентированной на рациональное территориальное размещение производительных сил и сокращение глубоких различий в уровне социально-экономического развития регионов. Именно отсутствие пространственно-сбалансированной инвестиционной политики и низкая инвестиционная активность неизбежно воспроизводит будущее неравенство регионов [11, с. 11].

Таблица 1

Валовой региональный продукт, инвестиции в основной капитал и основные фонды в расчете на душу населения по РФ и федеральным округам, 2015 г.*

Регион	ВРП на душу населения (2014 г.)		Инвестиции в основной капитал на душу населения		Основные фонды в экономике			
					на душу населения		на 1 занятого в экономике	
	тыс. руб.	в % к РФ	тыс. руб.	в % к РФ	тыс. руб.	в % к РФ	тыс. руб.	в % к РФ
Российская Федерация — всего	403,2	100	99,4	100	1096,8	100	2350	100
Федеральные округа:								
Центральный	535,4	132,8	94,1	94,7	1279,9	116,7	2639	112,3
Северо-Западный	427,9	106,1	103,9	104,5	1256,0	114,5	2596	110,5
Южный	280,3	69,5	86,1	86,6	736,4	67,1	1684	71,7
Северо-Кавказский	164,9	40,9	52,4	52,7	414,9	37,8	1163	49,5
Приволжский	308,5	76,5	82,4	82,9	776,2	70,8	1647	70,1
Уральский	652,9	161,9	204,5	205,7	2348,2	214,1	4809	204,6
Сибирский	316,4	78,5	71,6	72,0	737,9	67,3	1595	67,9
Дальневосточный	518,2	128,5	142,8	143,7	1716,1	156,5	3270	139,1
Крымский	68,5	17,0	15,8	15,9	893,1	81,4	2219	94,4

*Рассчитано по: Регионы России : социально-экономические показатели. 2016 : стат. сб. / Росстат. — М., 2016. С. 18–21, 516–517, 1234–1235.

Об опасном и неуправляемом характере инвестиционного процесса в России свидетельствуют колоссальные различия между регионами страны по размерам инвестиционных вложений в экономику и человеческий капитал, последствием которых является такая же их дифференциация по уровню социально-экономического развития. Для социального государства и, соответственно, социально ориентированной рыночной экономики не приемлем рост экономики за счёт чрезмерной эксплуатации природных ресурсов. Такая природоресурсно-ориентированная модель экономики приводит к тому, что инвестиции постоянно тяготеют и направляются в те регионы, где находятся богатые и легко доступные природные ресурсы, а не в регионы, где сосредоточен социум и накоплены человеческие ресурсы. Именно поэтому российская модель экономики и реальная проводимая инвестиционная политика неизбежно приводят к углублению асимметрии социально-экономического развития регионов. Сказанное наглядно можно видеть при сравнении основных фондов и инвестиций на душу населения по федеральным округам, представляющим крупные экономические зоны России (см. табл. 1).

Таблица 2

Ранжирование субъектов Российской Федерации (без учета Крымского округа) по размеру валового регионального продукта на душу населения, 2014 г.*

Регион	Место, занимаемое в РФ	ВРП на душу населения, тыс.руб.	% к среднему размеру по РФ
Российская Федерация — всего		403	100
Субъекты РФ с самым высоким размером ВРП на душу населения:			
Ненецкий автономный округ	1	4252	1055
Ямало-Ненецкий автономный округ	2	2985	741
Ханты-Мансийский автономный округ	3	1761	437
Сахалинская область	4	1620	402
Чукотский автономный округ	5	1119	278
г. Москва	6	1054	262
Республика Саха (Якутия)	7	690	171
Магаданская область	8	650	161
Республика Коми	9	554	137
г. Санкт-Петербург	10	514	128
Средний размер по 10 субъектам	...	1007	...
Субъекты РФ с самым низким размером ВРП на душу населения:			
Республика Дагестан	76	181	45
Республика Северная Осетия-Алания	77	180	45
Республика Адыгея	78	174	43
Республика Калмыкия	79	164	41
Республика Тыва	80	149	37
Карачаево-Черкесская Республика	81	147	36
Ивановская область	82	145	36
Кабардино-Балкарская Республика	83	137	34
Республика Ингушетия	84	114	28
Чеченская Республика	85	104	26
Средний размер по 10 субъектам	...	153	...

*Рассчитано по: Регионы России: социально-экономические показатели. 2016 : стат. сб. / Росстат. — М., 2016. С. 39–40, 516–517.

Фондовооружённость населения четырёх округов (Уральского, Центрального, Дальневосточного и Северо-Западного) выше среднероссийского показателя (в 1,2–2,1 раза) и, соответственно, в них выше показатель вновь созданной стоимости. Остальные федеральные округа

существенно отстают от среднероссийского показателя фондовооружённости и, соответственно, валового регионального продукта на душу населения. Причём, совершенно очевидно из данных табл. 1, это отставание детерминировано ограниченностью основных фондов, следовательно, инвестиционных вложений в экономику. Особого внимания заслуживает, что разрыв фондовооружённости населения, например, Уральского и Северо-Кавказского федеральных округов достигает 5,7 раза и инвестиций на душу населения — почти 4 раз. Причём, тенденция такова, что асимметрия федеральных округов существенно возрастает. Например, Северо-Кавказский федеральный округ по показателю фондовооружённости населения отставал от уровня среднероссийского в 1990 г. на 1,6 раза и Уральского федерального округа — 2,5 раза, а в 2015 г. этот разрыв составил уже 2,6 раза и 5,7 раза соответственно.

Необходимость переориентации экономического роста и, прежде всего, инвестиций от эксплуатации природных ресурсов на развитие человеческого капитала обусловлено многими современными объективными условиями. Во-первых, долгосрочный устойчивый экономический рост предполагает бережное отношение к окружающей среде и максимально рациональное использование природных ресурсов, особенно не возобновляемых. К этому обязывают не только международные соглашения, рекомендации Организации Объединённых наций, Декларация конференции в Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию (1992 г.) и т. д., но и то, что природные ресурсы даже в России не безграничны и необходимо их сохранить и для будущих поколений россиян.

Во-вторых, теперь уже стало общепризнанной истиной, что основным фактором развития современной экономики знаний является человеческий капитал [12]. Эта истина, очевидная всем и признанная во всём мире, пока остаётся недоступной для понимания государственных деятелей, определяющих инвестиционную и региональную политику России. Казалось бы, туда, где сосредоточено население и имеется потенциал для формирования и развития человеческого капитала, туда и надо направлять инвестиции для создания материальной базы с целью эффективного использования человеческого и всего экономического потенциала. Общепризнанной является также истина, что вложения в человека, в развитие человеческого капитала являются самыми эффективными. Однако, как показано выше, это не делается, и во многих регионах, особенно на Северном Кавказе, человеческие ресурсы не трансформируются в человеческий капитал, и именно поэтому имеет место резкое отставание их социально-экономического развития.

В-третьих, согласно Концепции социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г., повышение уровня жизни населения является абсолютным приоритетом. Чтобы обеспечить каждому гражданину конституционное право на труд, собственным трудом создавать своё материальное благосостояние и достойный уровень жизни, необходимо, прежде всего, формировать материальную базу для занятости экономически активного населения и, соответственно, направлять инвестиции в основной капитал и формирование современного человеческого капитала.

Уровень занятости и безработицы, соответственно численность безработного населения во многом обусловлены общим состоянием экономики. По состоянию на 2015 г. общий уровень занятости в России составляет 65,3% населения, а уровень безработицы 5,6%. В 10 регионах РФ уровень безработицы от 5 до 30%, а занято в экономике менее 60% населения (см. табл. 3). Особую тревогу должен вызывать высокий уровень хронической безработицы в республиках Северного Кавказа. По Указу президента РФ № 803 с целью обеспечения занятости населения предусматривалось в слаборазвитых регионах, где ситуация осложняется наличием избытка трудовых ресурсов, оказывать поддержку развитию мелкотоварного производства, стимулировать развитие предпринимательства. Именно в слаборазвитых регионах продолжается высокий уровень хронической безработицы. Следовательно, цели и требования названного Указа президента РФ не реализованы.

В Указе президента РФ № 803 в основных задачах региональной социальной политики предусматривалось активное участие федеральных органов государственной власти в предотвращении обнищания населения и минимизации отрицательных последствий безработицы, особенно в слаборазвитых регионах, а также сдерживании процесса имущественного расслоения в наиболее «бедных» и наиболее «богатых» регионах. В решении этих масштабных и ост-

рых социальных проблем требовалось активное участие федеральных органов государственной власти. Однако неэффективность региональной и всей социальной политики федеральных органов власти привели не только к чрезмерно глубоким различиям в уровне социально-экономического развития и резкой дифференциации, но и отставанию общего уровня и качества жизни населения в регионах Российской Федерации. «В настоящее время уровень благосостояния в России составляет 23% от уровня жизни в богатых странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)» [13, с. 60].

Таблица 3

Субъекты РФ (без учета Крымского округа) с уровнем занятости менее 60% населения, 2015 г.*

Регион	Уровень занятости населения, %	Численность безработных, тыс. чел.	Уровень безработицы, %
Российская Федерация — всего	65,3	4264	5,6
Республика Ингушетия	50,2	68	30,5
Карачаево-Черкесская Республика	53,5	33	15,1
Республика Дагестан	55,0	140	10,8
Республика Адыгея	55,7	18	8,8
Республика Северная Осетия-Алания	58,4	31	9,3
Республика Бурятия	58,6	42	9,2
Чеченская Республика	58,8	106	17,1
Томская область	59,1	40	7,7
Рязанская область	59,2	25	4,7
Забайкальский край	59,4	56	10,4

*Регионы России : социально-экономические показатели. 2016 : стат. сб. / Росстат. — М., 2016. С. 180–181, 184–185, 194–195.

В СКФО среднедушевые денежные доходы ниже на 32% среднероссийского уровня и на 68%, чем в Центральном округе (см. табл. 4). Различия в среднемесячной номинальной заработной плате по федеральным округам достигают 2 раз (см. табл. 4). Поляризация среднедушевых денежных доходов населения по 10 высокоразвитым и 10 экономически отсталым субъектам РФ достигает 3,3 раз, а среднедушевые денежные доходы населения в Ненецком автономном округе (70,9 тыс. в месяц) выше, чем в Республике Калмыкия (14,2 тыс. в месяц) в 5 раз (см. табл. 5).

Таблица 4

Среднедушевые денежные доходы населения и среднемесячная номинальная заработная плата работников по федеральным округам РФ (без учета Крымского округа), 2015 г.*

Регион	Среднедушевые денежные доходы (в месяц)			Среднемесячная номинальная з/пл.		
	занимаемое место	тыс. руб.	в % к РФ	занимаемое место	тыс.руб.	в % к РФ
Российская Федерация — всего	...	30,5	100	...	34,0	100
Федеральные округа:						
Центральный	1	38,8	127,2	2	42,0	123,5
Северо-Западный	4	32,4	106,2	4	37,9	111,5
Южный	5	27,0	88,5	7	25,5	75,0
Северо-Кавказский	8	23,0	75,4	8	21,7	63,8
Приволжский	6	26,3	86,2	6	25,6	75,3
Уральский	3	32,8	107,5	3	39,1	115,0
Сибирский	7	23,6	77,4	5	29,6	87,1
Дальневосточный	2	36,3	119,0	1	43,2	127,1

*Регионы России : социально-экономические показатели. 2016 : стат. сб. / Росстат. — М., 2016. С. 18, 20.

**Ранжирование субъектов Российской Федерации по уровню
среднедушевых денежных доходов населения, 2015 г.***

Показатели	Место, занимаемое в РФ	Среднедушевые денежные доходы в месяц, тыс. руб.
Субъекты РФ с самыми высокими среднедушевыми денежными доходами:		
Ненецкий автономный округ	1	70,9
Ямало-Ненецкий автономный округ	2	66,9
Чукотский автономный округ	3	61,7
г. Москва	4	59,9
Мурманская область	5	50,3
Сахалинская область	6	49,7
Ханты-Мансийский автономный округ	7	44,5
Камчатский край	8	41,1
г. Санкт-Петербург	9	39,9
Республика Саха (Якутия)	10	37,8
Средний размер по 10 субъектам		52,5
Субъекты РФ с низкими среднедушевыми денежными доходами:		
Республика Марий Эл	76	18,5
Чувашская Республика	77	18,5
Республика Алтай	78	18,3
г. Севастополь	79	17,9
Республика Мордовия	80	17,9
Карачаево-Черкесская Республика	81	17,3
Республика Крым	82	15,7
Республика Тыва	83	15,3
Республика Ингушетия	84	14,7
Республика Калмыкия	85	14,2
Средний размер по 10 субъектам		15,9

*Регионы России : социально-экономические показатели. 2016 : стат. сб. / Росстат. — М., 2016. С. 228–229.

Еще одним наглядным свидетельством резкой дифференциации состояния экономики и социальной сферы регионов, соответственно и уровня жизни является показатель удельного веса населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума. Удельный вес такого по существу нищенствующего населения в России составляет 13,3%, а в восьми субъектах страны он составляет от 21% (Кабардино-Балкарская Республика) до 38,2% (Республика Тыва) (см. табл. 6). Невозможно объяснить, тем более оправдать, что в социальном государстве, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (Ст. 7 Конституции), около 19,5 млн человек живут на доходы ниже прожиточного минимума, а удельный вес такого нищенствующего населения достигает в Республике Тыва 38,2%, Республике Калмыкия — 33,6%, Республике Ингушетия — 31,9% и т. д.

Таким образом, федеральным органам государственной власти не удалось реализовать требования Указа президента РФ № 803 о предотвращении обнищания населения и сдерживании процесса имущественного расслоения в регионах России. А о достижении одной из основных целей региональной политики — обеспечение единых минимальных социальных стандартов и равной социальной защиты, гарантирование социальных прав человека, установленных Конституцией РФ независимо от экономических возможностей регионов, — вовсе говорить не приходится.

**Удельный вес и численность населения с денежными доходами ниже
величины прожиточного минимума по отсталым субъектам РФ, 2015 г.
(в % от общей численности населения)**

Регион	Удельный вес, в %	Численность населения, тыс. чел.
Российская Федерация — всего	13,3	19490
Республика Тыва	38,2	121
Республика Калмыкия	33,6	94
Республика Ингушетия	31,9	151
Республика Алтай	24,3	52
Еврейская автономная область	24,3	40
Карачаево-Черкесская Республика	23,6	110
Республика Крым	23,0	439
Кабардино-Балкарская Республика	21,0	181

В Указе президента РФ № 803 особое значение придавалось дальнейшему совершенствованию финансовых и налоговых отношений между Российской Федерацией и её субъектами. Ведущим в этой сфере должен был стать курс на последовательное повышение уровня бюджетного самообеспечения субъектов РФ и муниципальных образований. Предусматривалось обеспечить бездефицитность бюджетов большинства субъектов Российской Федерации.

Однако эти основополагающие положения региональной и вообще экономической политики не были реализованы. По состоянию на 2015 г. сохраняется практически полная зависимость большинства как федеральных округов, так и субъектов РФ от безвозмездной помощи из федерального бюджета. Так, в доходах консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации только в Уральском федеральном округе безвозмездные поступления составляют 9,3%, что можно считать допустимым, так как бюджетам субъектов РФ из федерального бюджета выделяются средства (субсидии, субвенции и т. д.) для финансирования исполнения отдельных полномочий и поручений федеральных органов власти. Можно также считать допустимым размер безвозмездных поступлений в консолидированные бюджеты Центрального (11,2%) и Северо-Западного (12,3%) округов. По остальным федеральным округам безвозмездные поступления в консолидированные бюджеты превышают среднероссийский уровень (18,1%) и составляют от 20,1% (Приволжский федеральный округ) до 66,2% (Крымский федеральный округ) (см. табл. 7), что означает их полную финансовую зависимость от федерального бюджета.

В такой финансовой зависимости находятся 75 из 85 субъектов Российской Федерации. Только по 10 субъектам РФ безвозмездные поступления в доходах консолидированных бюджетов составляют менее 10% (см. табл. 8). Это означает, что 75 из 85 субъектов РФ (88,2%) имеют дефицитный бюджет, а по 55 субъектам РФ безвозмездные поступления из федерального бюджета превышают среднероссийский уровень (18,1%). Поляризация субъектов РФ по уровню бюджетной самодостаточности наглядно видна из табл. 8. Вполне благополучную бюджетную обеспеченность имеют десять экономически развитых субъектов РФ, а по 10 самым отсталым регионам безвозмездные поступления в доходах консолидированных бюджетов составляют от 55,4% (Республика Северная Осетия – Алания) до 84,8% (Республика Ингушетия).

Таблица 7

Уровень бюджетной самодостаточности субъектов РФ в среднем по федеральным округам, 2015 г., млрд руб.*

Регион	Доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ, млрд руб.	В т. ч. безвозмездные поступления		Место, занимаемое округом
		млрд руб.	% к доходам	
Российская Федерация — всего	9308,2	1683	18,1	
Федеральные округа:				
Центральный	3090,5	345,9	11,2	2
Северо-Западный	1019,5	125,0	12,3	3
Южный	574,8	118,7	20,7	5
Северо-Кавказский	358,8	216,3	60,3	8
Приволжский	1365,0	274,3	20,1	4
Уральский	974,1	90,2	9,3	1
Сибирский	1013,1	244,5	24,1	7
Дальневосточный	791,8	189,4	23,9	6
Крымский	117,0	77,4	66,2	9

* Рассчитано по: Регионы России: социально-экономические показатели. 2016 : стат. сб. / Росстат. — М., 2016. С. 1059, 1061.

Таблица 8

Ранжирование субъектов РФ по уровню бюджетной самодостаточности по состоянию на 2015 г.

Показатели	Доходы консолидированных бюджетов — всего, млрд руб.	В т. ч. безвозмездные поступления		Место, занимаемое в РФ
		млрд. руб.	% к доходам	
Российская Федерация — всего	9308,2	1683,0	18,1	—
Субъекты РФ с высокими показателями:				
Сахалинская область	223,4	5,2	2,3	1
Ямало-Ненецкий автономный округ	137,7	3,9	2,8	2
г. Москва	1673,5	75,3	4,5	3
Ненецкий автономный округ	18,5	0,9	4,9	4
Тюменская область	151,5	7,7	5,1	5
г. Санкт-Петербург	447,4	24,1	5,4	6
Ханты-Мансийский автономный округ	275,3	15,7	5,7	7
Ленинградская область	132,5	11,7	8,8	8
Республика Коми	67,4	6,6	9,8	9
Московская область	531,3	52,2	9,8	10
Субъекты РФ с самыми низкими показателями:				
Республика Северная Осетия-Алания	24,9	13,8	55,4	76
Камчатский край	65,2	39,6	60,7	77
г. Севастополь	21,2	13,0	61,3	78
Карачаево-Черкесская Республика	22,6	14,8	65,5	79
Республика Крым	95,8	64,4	67,2	80
Республика Дагестан	90,6	62,1	68,5	81
Республика Алтай	17,0	12,3	72,4	82
Республика Тыва	21,2	15,7	75,0	83
Чеченская Республика	73,7	61,4	83,3	84
Республика Ингушетия	24,4	20,7	84,8	85

* Рассчитано по: Регионы России : социально-экономические показатели. 2016 : стат. сб. / Росстат. — М., 2016. С. 1059–1061.

Особого внимания с точки зрения обеспечения равенства прав, свобод и социальной защиты населения заслуживает огромная поляризация расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ в расчёте на душу населения. Средний размер бюджетных расходов на одного человека по России в целом составляет 64,8 тыс.руб. в год, а по 10 передовым регионам колеблется от 516,0 тыс. руб. (в 8 раз больше среднероссийского) до 88,4 тыс. руб. (в 1,4 раза больше средней величины по стране) (см. табл. 9). В 10 отстающих субъектах-аутсайдерах размер расходов консолидированных бюджетов ниже среднероссийского от 1,6 раза (40,4 тыс. руб.) до 2,1 раза (31,5 тыс. руб.). Совершенно невозможно найти объяснения, тем более оправдания тому, что делают подконтрольные федеральным органам власти: по существу определяемые ими бюджетные расходы на душу населения страны различаются от 516,0 тыс. руб. (Чукотский автономный округ) до 31,5 тыс. руб. (Республика Дагестан) или в 16,4 раза. И это при условии, что величина официально установленного прожиточного минимума в Чукотском автономном округе (16845 руб.) выше всего в 1,9 раза, чем в Республике Дагестан (8658 руб.). В этих пределах (в 1,9 раза) разрыв затрат консолидированных бюджетов на душу населения, как и среднедушевых денежных доходов и размера средней зарплаты, был бы вполне оправдан. Конечно, это касается не только этих двух регионов. Поскольку консолидированные бюджеты — единственный реальный источник содержания социальной сферы и развития человеческого капитала, — такая дифференциация означает соответствующую поляризацию уровня и качества жизни населения в субъектах РФ, что не только противоречит конституционным требованиям обеспечения равенства прав и свобод граждан независимо от места проживания, но и представляет угрозу общественно-политической стабильности, целостности и национальной безопасности Российской Федерации.

Таковы общие итоги реализации, а точнее — нереализации основных целей и задач Указа президента РФ от 3 июня 1996 г. № 803, соответственно состояние и уровень дифференциации социально-экономического развития макрорегионов и субъектов Российской Федерации. Из всего проведённого выше сравнительного анализа можно сделать несколько весьма важных выводов.

1. В Конституции Российской Федерации чётко не определены экономические основы федерализма, социализации государственного устройства, условия и механизмы экономических отношений федерального центра и субъектов Федерации, территориального размещения производительных сил, выравнивания социально-экономического развития регионов, уровня и качества жизни граждан.

2. В стране и её регионах не был сформирован целостный и взаимоувязанный федеральный и региональные механизмы реализации Основных положений региональной политики в Российской Федерации, утвержденных Указом президента РФ № 803.

3. Неуправляемый, а по существу хаотичный отраслевой принцип организации и размещения производительных сил с ориентацией на сырьевые опорные регионы и точки роста привел к чрезмерной и ничем не оправданной поляризации уровня социально-экономического развития макрорегионов и субъектов Российской Федерации.

4. Следствием глубокой дифференциации экономического и социального развития стало резкое и опасное расслоение населения регионов по уровню и качеству жизни, образованию совершенно неоправданных для России социальных слоев с условиями жизни и доходами ниже прожиточного минимума.

5. В создавшихся реальных условиях разработка и реализация сильной и эффективной государственной политики регионального развития, рациональное территориальное размещение производительных сил, постепенное и поэтапное преодоление диспропорций и выравнивание уровня социально-экономического развития и благосостояния населения становится одной из важнейших стратегических задач, от решения которой зависит общественно-политическая стабильность, целостность и национальная безопасность Российской Федерации.

Выравнивание уровня социально-экономического развития регионов в принципе не проблема рынка, и только на рыночной основе она не может быть решена ни при каких обстоятельствах. На наш взгляд, регулирование территориального размещения производительных сил, выравнивание уровня социально-экономического развития и постоянное поддержание симметрии субъектов в социальном федеративном государстве, каким по Конституции долж-

на быть Российской Федерация, — это одно из важнейших непреходящих функций государства. Именно долгосрочные федеральная и региональные стратегии, соответственно, экономическая, прежде всего, региональная и инвестиционная политики государства должны ставить и решать задачи сбалансированного и рационального территориального размещения производительных сил, устойчивого развития страны и всех субъектов Федерации, преодоления отставания и выравнивания уровня развития регионов и территорий [14, 15, 16].

Таблица 9

Ранжирование субъектов РФ по уровню расходов консолидированных бюджетов на душу населения, 2015 г.*

Показатели	Расходы консолидированных бюджетов на душу населения в год		
	тыс. руб.	% к РФ	Занимаемое место
Российская Федерация — всего	64,8	100	
Субъекты РФ с наивысшим показателем:			
Чукотский автономный округ	516,0	796,3	1
Сахалинская область	435,8	672,5	2
Ямало-Ненецкий автономный округ	258,0	398,1	3
Магаданская область	223,0	344,1	4
Камчатский край	206,5	318,7	5
Республика Саха (Якутия)	199,2	307,4	6
Ханты-Мансийский автономный округ	165,6	255,6	7
г. Москва	124,7	192,4	8
Мурманская область	89,0	137,3	9
Республика Коми	88,4	136,4	10
Субъекты РФ с наименьшим показателем:			
Республика Адыгея	40,4	62,3	76
Тюменская область	38,8	59,9	77
Ивановская область	38,7	59,7	78
Чувашская Республика	38,2	59,0	79
Пензенская область	38,1	58,8	80
Кабардино-Балкарская Республика	37,9	58,5	81
Саратовская область	37,2	57,4	82
Ставропольский край	37,0	57,1	83
Республика Северная Осетия-Алания	36,5	56,3	84
Республика Дагестан	31,5	48,6	85

*Рассчитано по: Регионы России: социально-экономические показатели. 2016 : стат. сб. / Росстат. — М., 2016. С. 39–40, 1074–1075.

Мировой опыт показывает, что только активная государственная политика может решить проблему устойчивого и сбалансированного развития, а также выравнивания уровня развития регионов [17, 18]. Межрегиональные неравенства и диспаритеты, пространственная дифференциация присущи многим странам мира, особенно крупным странам с обширной территорией и естественными природно-климатическими различиями входящих в их состав регионов. Более того, мировая практика показывает, что усиление пространственной дифференциации — неизбежная цена всех экономических реформ и структурных преобразований в экономике. Опыт Китая, Индии, Бразилии, других стран свидетельствует, что их бурный рост в последние десятилетия неизбежно сопровождался усилением поляризации в их региональном развитии [19, с. 43].

В этих и других странах на определённом этапе бурного роста и нарастания диспропорций разрабатывалась и активно реализовывалась государственная региональная политика опере-

жающего социально-экономического развития отстающих территорий и постепенного выравнивания уровня развития регионов. Так, феноменальный экономический рост Китая на протяжении нескольких последних десятилетий сопровождался существенным усилением различий в уровнях развития экономики и благосостояния населения, с одной стороны, южных и ряда центральных провинций и, с другой стороны, северных и северо-восточных провинций [20]. В начале нового тысячелетия правительством Китая была поставлена и решена задача «подтягивания» этих отстающих регионов до уровня передовых. Основным инструментом государственной политики в выравнивании уровней развития китайских провинций стали крупные государственные программы, реализуемые на принципах государственно-частного партнерства [21, с. 80]. В результате принятых мер и реализации государственной программы темпы экономического роста на северо-востоке КНР стали устойчиво превышать среднекитайские, с 2004 по 2011 г. ВРП этого макрорегиона увеличился в 3 раза. Опыт Китая, в принципе, доказывает достаточно высокую эффективность традиционных для СССР (и для современной России) централизованных методов и механизмов государственного регулирования территориального развития на основе использования крупномасштабных государственных программ [20].

Бесспорный интерес для России представляет активная и весьма эффективная региональная политика Бразилии [22]. На территории Бразилии выделяются пять регионов, объединяющих 27 штатов. Два региона из пяти — Северный и Северо-восточный — значительно отставали от средних показателей социально-экономического развития. Объем ВВП на душу населения в Северо-восточном регионе составил 47%, а в Северном 66% от среднего показателя по стране. Такие различия в уровне развития макрорегионов, конечно, существенно ниже чем в России, но тем не менее в Бразилии с 1960-х гг. успешно реализуется региональная политика, четко ориентированная на выравнивание уровня развития макрорегионов и штатов страны.

На первом этапе (1960–1980-е гг.) были созданы региональные фонды венчурного капитала для целевого финансирования новых инвестиций в беднейших регионах страны. Средствами этих фондов управляли региональные агентства развития. На втором этапе (1988–2003 гг.) были созданы три новых региональных фонда финансовой поддержки, из которых предоставлялись субсидированные кредиты для финансирования инвестиций в отсталых регионах, а также разработаны многочисленные программы по выплате денежных пособий бедному населению. В настоящее время разработана новая региональная программа, предусматривающая инвестиции в население бедных регионов, увеличение объема инвестиций в инфраструктуру, а также предоставление субсидированных кредитов для финансирования новых инвестиций в отстающих регионах. Такая логически выстроенная концепция государственной региональной политики, взаимоувязанная система мер её ресурсного обеспечения и реализации, бесспорно, дают позитивный результат и позволяют фундаментально решить эту острейшую социально-экономическую проблему.

Одной из основных целей Европейского Союза (ЕС) является содействие экономическому и социальному прогрессу путем создания открытого экономического пространства и сближения уровня социально-экономического развития регионов. Стратегическая программа ЕС реализуется в рамках политики экономического и социального сплочения, в которой центральное место занимает региональная политика, направленная на сближение уровня развития регионов [23, с. 185]. Снижение отсталости в уровнях развития регионов стало ключевой стратегической целью ЕС с момента его формирования, и самое главное — на эти цели тратится около 40% общеевропейского бюджета [24, с. 111].

Из проведенного выше анализа вытекает чрезвычайная актуальность разработки и активной реализации новой государственной региональной политики в Российской Федерации. Поэтому можно было бы считать весьма своевременным Указ Президента Российской Федерации от 16 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 г.» [25]. Однако этот Указ, на наш взгляд, совершенно не отвечает современным реалиям и не решает ни одну из многочисленных проблем пространственного развития России и выравнивания уровня развития регионов. Вместе с тем этим же Указом Президента РФ признан утратившим силу Указ Президента Российской Федерации от 3 июня 1996 г. № 803 «Об Основных положениях региональной поли-

тики в Российской Федерации», цели и задачи которого практически не реализованы.

Следует особо подчеркнуть, что, согласно Ст. 20 Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ о стратегическом планировании в Российской Федерации, стратегия пространственного развития Российской Федерации, следовательно, приоритеты, цели и задачи регионального развития, а также меры по их достижению и решению разрабатываются в соответствии с основами государственной политики регионального развития Российской Федерации. Это означает, что утвержденные Указом Президента РФ № 13 Основы государственной политики регионального развития (далее — Основы) будут определять перспективы решения острых проблем пространственного развития Российской Федерации. Но эти Основы принципиально, можно сказать, концептуально, отличаются от Основных положений региональной политики, утвержденных Указом Президента РФ № 803, и вовсе не ориентированы на дальнейшее экономическое и социальное развитие отсталых регионов, территорий и субъектов страны, сокращение и постепенное преодоление чрезмерной дифференциации уровня их социально-экономического развития.

К такому выводу, к сожалению, подводит сравнительный анализ целей и задач этих двух указов, которые направлены на решение одной единой животрепещущей проблемы страны. Основы государственной политики регионального развития РФ на период до 2025 г. вообще не ставят цели и задачи ускорения развития отсталых регионов, сокращения чрезмерно глубоких различий в уровне социально-экономического развития, преодоления поляризации размера среднедушевых денежных доходов, дифференциации уровня и качества жизни населения в регионах страны и т. д.

Поэтому с учетом успешного опыта ЕС, Китая, Бразилии и других стран представляется необходимым на новой концептуальной основе разработать современную стратегию и соответствующую государственную политику регионального развития Российской Федерации, и эффективный механизм ее реализации.

Литература

1. Ахмедуев, А. Ш. Стратегическое управление социально-экономическим развитием региона / А.Ш. Ахмедуев, А.А. Рабаданова / РАН ; Дагестан. науч. Центр ; Ин-т соц.-экон. исследований. — М. : Экономика, 2013.
2. Медведев, Д. А. Новая реальность : Россия и глобальные вызовы // Вопросы экономики. 2015. № 10. С. 5–29.
3. Пикетти, Т. Капитал в XXI в. — М. : Ad Marginem. 2015.
4. Конституция Российской Федерации. — М. : Омега-Л., 2004.
5. Указ Президента Российской Федерации от 3 июня 1996 г. № 803 «Об Основных положениях региональной политики в Российской Федерации».
6. Дохолян, С. В., Петросяни, В. З., Садыкова, А. М. Инструменты реализации региональной социально-экономической политики в современных условиях // Региональные проблемы преобразования экономики. 2014. № 7. С. 4–47.
7. Кузнецова, О. В. Пирамида факторов социально-экономического развития регионов // Вопросы экономики. 2013. № 2. С. 121–131.
8. Volkov, S. K. Social and Economic Disproportion of Development of Russian Territories // Regional and Sectoral Economic Studies. 2015. Vol. 15–2. P. 137–144. — URL : <http://www.usc.es/economet/journals2/eers/eers15210.pdf>.
9. Чуракова, М. М., Зенченко, С. В. Анализ показателей социально-экономического развития регионов с позиций асимметрии // Региональные проблемы преобразования экономики. 2010. № 4. С. 13–18.
10. Леонов, С. Н. Эмпирический анализ поляризованного развития субъекта Российской Федерации // Региональная экономика : теория и практика. 2017. Т. 15. № 3(438). С. 449–458.
11. Лапочкина, Л. В. Характеристика и оценка тенденций социально-экономического развития регионов России // Региональные проблемы преобразования экономики. 2010. № 4. С. 6–13.
12. Martinez-Vazquez, J., Vaillancourt, F. Public policy for regional development // Routledge Taylor & Francis Group, 2008. — URL : <http://ru.bookzz.org/book/819459/e356a8>.
13. Григорьева, О. П. Экономико-статистическая оценка уровня жизни населения макрорегионов Российской Федерации // Экономика предпринимательства. 2012. № 4. С. 57–60.
14. Plotnikov, V., Fedotova, G., Popkova, E., Kastyurina, A. Harmonization of Strategic Planning Indicators of Territories' Socioeconomic Growth // Regional and Sectoral Economic Studies. 2015. Vol. 15–2. P. 105–114. — URL : <http://www.usc.es/economet/journals2/eers/eers1527.pdf>.
15. Гонтмахер, Е. Ш. Российские социальные неравенства как фактор общественно-политической стабильности // Вопросы экономики. 2013. № 4. С. 68–81.
16. Авраимова, Е. М., Мамова, Т. М. О причинах воспроизводства социально-экономического неравенства : что показывает ресурсный подход? // Вопросы экономики. 2014. № 7. С. 144–160.
17. Cruz, José Manuel García de la, Bo, Feng. Reform and Openness Of The Chinese Economy : Effects On

- Regional Convergence. (Beta and Sigma Convergence, 2000–2010) // Regional and Sectoral Economic Studies. 2016. Vol. 16–1. P. 89–110. — URL : <http://www.usc.es/economet/journals2/eers/eers1617.pdf>.*
18. Кузнецова, О. В. Мировой и российский опыт региональной экономической политики // *Мировая экономика и международные отношения*. 2003. № 10. С. 60–69.
19. Луковников, Е. В. Региональное развитие в системе приоритетов государственной политики современной России // *Власть*. 2013. № 7. С. 42–45.
20. Уварова, Г. Г., Поташов, С. В., Торгашова, И. А. Государственная политика регионального развития : проблемы и решения. — URL : http://kazanfed.ru/publications/kazanfederalism/n_10/13/.
21. Мельникова, Л. Долгосрочные стратегии регионального развития : перспективы роста и ограничения // *Проблемы теории и практики управления*. 2013. № 1. С. 79–88.
22. Региональная политика в Бразилии. — URL : http://revolution.allbest.ru/international/00048247_o.html.
23. *Экономическая энциклопедия*. — М. : ОАО «Издательство «Экономика». 1999.
24. Нешчадин, А. Приоритеты государственной политики в сфере регионального развития Российской Федерации // *Общество и экономика*. 2013. № 1–2. С. 108–123.
25. Указ Президента Российской Федерации от 16 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 г.».

References:

1. Akhmeduyev, A. Sh. *Strategic management of social and economic development region / A.Sh. Akhmeduyev, A. A. Rabadanova / RAS ; Dagestan. science center; Institute of social and economic researches*. — М. : Economy, 2013.
2. Medvedev, D. A. *New reality : Russia and global challenges // Questions of economy*. 2015. No. 10. P. 5–29.
3. Piketty, T. *Capital in the XXI century*. — М. : Ad Marginem, 2015.
4. *Constitution of the Russian Federation*. — М. : Omega-L., 2004.
5. *The decree of the President of the Russian Federation of June 3, 1996 No. 803 «About Basic provisions of regional policy in the Russian Federation»*.
6. Dokholyan, S. V., Petrosyants, V. Z., Sadykova, A. M. *Instruments of realization of regional social and economic policy in modern conditions // Regional problems of transformation of economy*. 2014. No. 7. P. 4–47.
7. Kuznetsova, O. V. *Pyramid of factors of social and economic development of regions // Economy Questions*. 2013. No. 2. P. 121–131.
8. Volkov, S. K. *Social and Economic Disproportion of Development of Russian Territories // Regional and Sectoral Economic Studies*. 2015. Vol. 15–2. P. 137–144. — URL : <http://www.usc.es/economet/journals2/eers/eers15210.pdf>.
9. Churakova, M. M., Zenchenko, S. V. *The analysis of indicators of social and economic development of regions from asymmetry positions // Regional problems of transformation of economy*. 2010. No. 4. P. 13–18.
10. Leonov, S. N. *The empirical analysis of the polarized development of the subject of the Russian Federation // Regional economy : theory and practice*. 2017. T. 15. No. 3(438). P. 449–458.
11. Lapochkina, L. V. *Characteristic and assessment of tendencies of social and economic development of regions of Russia // Regional problems of transformation of economy*. 2010. No. 4. P. 6–13.
12. Martinez-Vazquez, J., Vaillancourt, F. *Public policy for regional development // Routledge Taylor & Francis Group, 2008*. — URL : <http://ru.bookzz.org/book/819459/e356a8>.
13. Grigorieva, O. P. *Economical and statistical assessment of the standard of living of the population of macroregions of the Russian Federation // Economy business*. 2012. No. 4. P. 57–60.
14. Plotnikov, V., Fedotova, G., Popkova, E., Kastyurina, A. *Harmonization of Strategic Planning Indicators of Territories' Socioeconomic Growth // Regional and Sectoral Economic Studies*. 2015. Vol. 15–2. P. 105–114. — URL : <http://www.usc.es/economet/journals2/eers/eers1527.pdf>.
15. Gontmakher, E. Sh. *Russian social inequalities as factor of social and political stability // Economy Questions*. 2013. No. 4. P. 68–81.
16. Avraamova, E. M., Mamova, T. M. *About the reasons of reproduction of social and economic inequality : what shows resource approach? // Economy questions*. 2014. No. 7. P. 144–160.
17. Cruz, José Manuel García de la, Bo, F. *Reform And Openness Of The Chinese Economy: Effects On Regional Convergence. (Beta And Sigma Convergence, 2000–2010) // Regional and Sectoral Economic Studies*. 2016. Vol. 16–1. P. 89–110. — URL : <http://www.usc.es/economet/journals2/eers/eers1617.pdf>.
18. Kuznetsova, O. V. *International and Russian experience of regional economic policy // World economy and international relations*. 2003. No. 10. P. 60–69.
19. Lukovnikov, E. V. *Regional development in system of priorities of state policy of modern Russia // the Power*. 2013. No. 7. P. 42–45.
20. Uvarova, G. G., Potashov, S. V., Torgashova, I. A. *State policy of regional development : problems and decisions*. — URL : http://kazanfed.ru/publications/kazanfederalism/n_10/13/.
21. Melnikova, L. *Long-term strategy of regional development : prospects of growth and restriction // Problems of the theory and practice of management*. 2013. No. 1. P. 79–88.
22. *Regional policy in Brazil*. — URL : http://revolution.allbest.ru/international/00048247_o.html.
23. *Economic encyclopedia*. — М. : of JSC Economy Publishing House. 1999.
24. Neshchadin, A. *Priorities of state policy in the sphere of regional development of the Russian Federation // Society and economy*. 2013. No. 1–2. P. 108–123.
25. *The decree of the President of the Russian Federation of January 16, 2017 No. 13 «About the statement of Bases of state policy of regional development of the Russian Federation for the period till 2025»*.

УДК 330.59

АРСЛАНОВА ХАДИЖАТ ДЖАВАДОВНА

к.э.н., научный сотрудник ФГБУН

«Институт социально-экономических исследований ДНЦ РАН»,

e-mail: ars_nauka@mail.ru

ИНВЕСТИЦИОННЫЕ РИСКИ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ В ПРОБЛЕМНЫХ РЕГИОНАХ (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНОВ СКФО)¹

Аннотация. Цель работы. В статье представлена попытка выявить основные инвестиционные риски, присущие регионам СКФО, и обозначить основные пути снижения инвестиционных рисков в проблемных регионах с целью улучшения инвестиционного климата. **Метод.** Дается оценка инвестиционных рисков регионов СКФО на основе сравнительного анализа с использованием статистических данных. **Результаты работы.** Изложены основные направления нивелирования существующих инвестиционных рисков проблемных регионов на примере регионов СКФО. **Область применения результатов работы.** Результаты работы могут быть использованы при разработке. **Выводы.** Решение проблемы высоких инвестиционных рисков в регионах СКФО возможно лишь через призму преодоления политической нестабильности, сложившегося отрицательного имиджа региона, превалирования неформальной составляющей ведения деловых отношений. Ставка на открытость, прозрачность и формирование среды максимального благоприятствования для бизнеса позволит привлечь внешние инвестиции и, как следствие, послужит основой в решении внутренних социально-экономических проблем регионов и средством для реализации внутреннего их потенциала.

Ключевые слова: федеральный округ, инвестиции, инвестиционный климат, инвестиционные риски.

ARSLANOVA KHADIJAT JAVADOVNA

Candidate of Economic Sciences, Research Associate of FSBIS

"Institute of Social-Economic Studies of DSC of the RAS",

e-mail: ars_nauka@mail.ru

INVESTMENT RISKS AND WAYS TO OVERCOME THEM IN PROBLEM REGIONS (ON AN EXAMPLE OF THE REGIONS OF THE NCFD)

Abstract. The goal of the study. The manuscript presents an attempt to discover the main investment risks that are typical for the regions of the NCFD, and to specify the main ways to reduce investment risks in problem regions in order to improve the investment climate. **The method.** An evaluation is given to the investment risks of the NCFD regions based on a comparative analysis using statistical data. **The results of the study.** The main areas of focus of smoothing out the existing investment risks of problem regions on an example of the regions of the NCFD have been described. **The area of application of the results of the study.** The results of the study may be used when developing. **The conclusions.** Resolving the problem of high investment risks in the regions of the NCFD is only possible through the prism of overcoming political instability, the negative image of regions that got formed, the prevalence of the informal component of having business relations. Reliance on openness, transparency and formation of the maximum favorable for business environment will allow to attract outside investments, and, as a consequence, will serve as the basis in solving internal social-economic problems of the regions and a means to implement their internal potential.

Keywords. The Federal District, investments, the investment climate, investment risks.

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант №16-02-00093а «Организационно-экономический механизм регулирования процессами развития проблемных регионов в условиях федерализма и современных вызовов общественно-политической среды».

Введение. Инвестиционный климат в условиях рыночной экономики выступает базовой характеристикой региона, определяющей степень его внутренней привлекательности для потенциальных инвесторов (внутренних или внешних). Для Российской Федерации характерен значительный разброс качественной характеристики инвестиционного климата от региона к региону. Вызвано это различием стартовых условий, в которых оказались регионы в перестроенный период, нарастающей социально-экономической дифференциацией в процессе дальнейших реформ и неэффективным управлением. Таким образом, в общей совокупности регионов РФ можно выделить проблемные регионы, характеризующиеся высокими инвестиционными рисками. Традиционно к таким проблемным регионам относятся регионы СКФО. Высокий уровень инвестиционных рисков, отпугивающий потенциальных инвесторов, выступает препятствием для притока финансовых ресурсов, которые позволили бы решить ключевые проблемы данных регионов, как экономического, так и социального характера.

Проводимое исследование направлено на анализ и оценку существующих инвестиционных рисков проблемных регионов за последние годы с целью формирования необходимых рекомендаций, направленных на улучшение инвестиционного климата за счёт их нивелирования как одного из элементов механизма регулирования проблемных регионов [1,8,12]. Сглаживание инвестиционных рисков в проблемных регионах может послужить импульсом для их развития и экономического роста.

Методы исследования. Категория «инвестиционный риск» — достаточно ёмкая и включает в себя совокупность факторов, которые определяют лёгкость, открытость, прозрачность ведения деловых отношений, как в коммерческих, так и некоммерческих сферах. Единой методики оценки инвестиционных рисков на сегодняшний день не существует. Как правило, используется система интегральных показателей, которые позволяют получить основную информацию по состоянию наиболее интересующих сфер в регионе или стране для потенциальных инвесторов. Оценивая инвестиционный риск, инвестор стремится понять, насколько защищёнными окажутся его инвестиции и его права.

Зарубежной практикой накоплен большой опыт оценки инвестиционного климата, в рамках которого анализируется и инвестиционный риск. К наиболее известным относятся методики Rund, ICRG, BERI, Frost&Sullivan [17,19,21], которые получили широкое распространение. В российской практике также существует множество методик, но наиболее известная и распространённая — это методика, разработанная рейтинговым агентством «Экспер Ра».

Согласно данной методике, инвестиционный риск — качественно-количественная характеристика, которая отражает некоммерческие риски среды, с которыми приходится сталкиваться предпринимателям в субъекте, а также общее состояние бизнеса в регионе [2,4,10]. Инвестиционный риск субъекта складывается из шести базовых составляющих: экономический риск, социальный риск, финансовое состояние региональных органов власти; управленческий риск — или уровень управления в регионе оценивается на базе; экологический риск — оценивает уровень загрязнения окружающей среды; криминальный риск — характеризует уровень преступности в регионе с учетом тяжести преступлений, количества преступлений экономической направленности и преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков [3,10,11].

Таким образом, при оценке инвестиционного риска используются статистические данные, экспертные оценки, методы сравнительного анализа, моделирование и т. д. Однако в силу невозможности точной формализации данной величины она практически всегда будет несколько субъективна. Оценка инвестиционных рисков дает возможность разработать более объективную систему мер, направленную на их снижение, так как будет основываться на понимании главных проблем региона.

За последние несколько лет уровень инвестиционных рисков в регионах СКФО (за исключением Ставропольского края) не претерпел значительных изменений и по-прежнему характеризуется как достаточно высокий и неприемлемый для инвесторов (рис.).

Как видно из графика, все регионы СКФО по его величине находятся практически на одном уровне, за исключением Ставропольского края, где инвестиционные риски в разы меньше, и Чеченской Республики, где они в силу понятных причин немного выше.

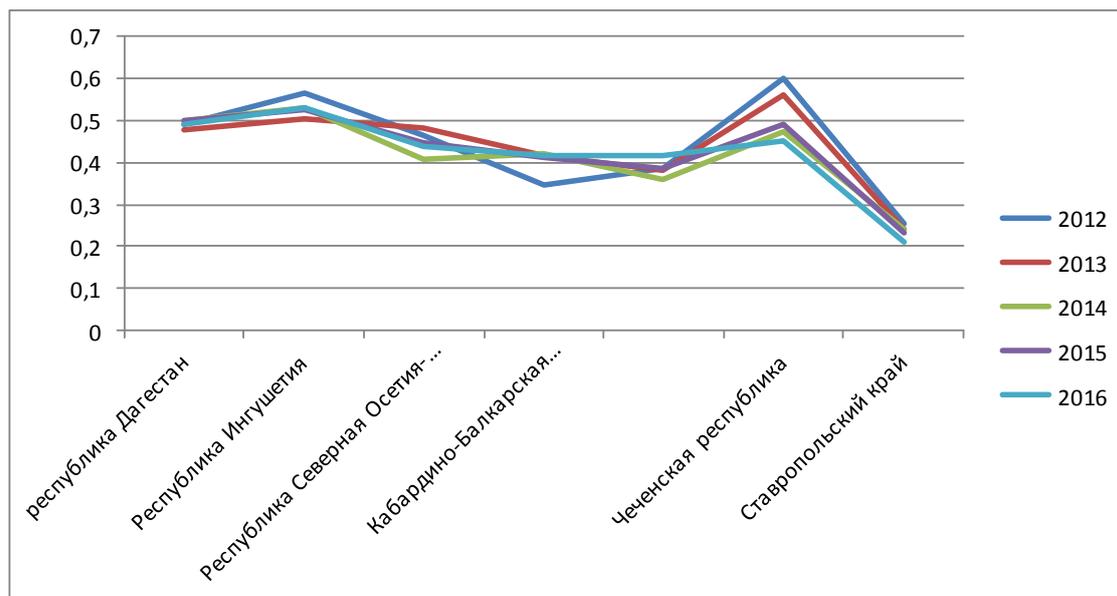

Рис. Динамика средневзвешенного индекса инвестиционного риска регионов СКФО²

Высокие показатели инвестиционных рисков во многом объясняются следующими факторами. На фоне других округов РФ регионы СКФО (за исключением Ставропольского края) наименее развиты. По основным показателям социально-экономического развития характеризуются отставанием от среднероссийского уровня. Данное отставание носит хронический характер и устойчивую тенденцию на протяжении длительного периода времени. Если рассматривать вклад регионов СКФО в общероссийские экономические показатели за последние годы, то эти величины ничтожно малы и практически не менялись (табл.).

Таблица

Доля регионов СКФО в основных экономических показателях РФ, %*

Регион	ВРП	ОПФ в экономике	Обрабатывающие пр-ва	С/х	Оборот розничной торговли	Инвестиции в основной капитал
2015 г.						
РФ	100	100	100	100	100	100
СКФО	2,6	2,5	1,09	7,9	5,5	3,5
2010 г.						
РФ	100	100	100	100	100	100
СКФО	2,5	2,5	1,18	7,9	4,86	3,1

*Таблица составлена на основе данных Федеральной службы государственной статистики [4].

Для регионов СКФО характерна проблема высокой безработицы и незанятости большей части молодого населения. В 2015 г. уровень безработицы в целом по СКФО составил 11,1%, тогда как в других округах не превышает 6–7%. Высокий уровень безработицы приводит к увеличению на территории округа численности населения с доходами ниже прожиточного минимума. В 2015 г. в среднем по семи регионам СКФО данная величина составила 18,6%, что значительно выше аналогичного показателя в других регионах страны.

Регионы СКФО характеризуются низкими показателями объема произведённой продукции на душу населения, что свидетельствует о неразвитости реального сектора экономики, который мог бы рассматриваться не только в качестве источника налогооблагаемой базы, но и позволил бы решить проблему с растущей безработицей.

² Диаграмма составлена на основе данных рейтингового агентства «Эксперт РА».

Таким образом, можно констатировать что «фактически местный бизнес оказался неспособен в том своём состоянии предложить масштабные проекты для внедрения. Одним из следствий примитивизации и низкой диверсифицированности экономик северокавказских республик является то, что такие экономики не могут эффективно осваивать выделяемые инвестиции и поэтому неспособны самостоятельно провести модернизацию [5,9,15,20].

В регионах СКФО инвестиционные риски напрямую связаны с уровнем и качеством государственного управления. Низкое качество государственного управления в данных регионах проявляется в низком уровне доверия общества к власти, несоответствия власти общественным ожиданиям, ростом уровня коррупции, теневой экономики и экономической преступности.

В целом отношение населения к государственной власти в СКФО нельзя назвать однозначным, и его оценка значительно варьирует от полного одобрения до непризнания ее эффективности. По мнению Дзугцева Х.В., недовольство руководством республик СКФО проявляется большей частью населения данных регионов и имеет тенденцию к усилению. Вызвано это, по мнению исследователя, тем, что в социуме существует устойчивое мнение о том, что управленческой элите СКФО присущи все самые отрицательные характеристики: клановость, организованная преступность, казнокрадство, финансовые махинации, полная безнаказанность и т. д.

В 2015 г. по СКФО в целом было зарегистрировано 4797 преступлений экономической направленности. В целом по регионам СКФО с 2011 г. по 2015 г. прослеживается устойчивая динамика снижения зарегистрированных преступлений по статьям 290 и 291 — получение и дача взятки соответственно. Столь значительное снижение официальных показателей на общем негативном фоне может свидетельствовать о росте латентного характера преступлений. Кроме того, необходимо учитывать, что по статистике лишь 1/3 всех выявленных дел доводится до судебного разбирательства с привлечением к уголовной ответственности [2, с. 84, 6,7].

Коррупция тесно связана с теневой экономикой, которая в регионах СКФО по оценкам различных экспертов составляет от 25 до 40% от уровня ВРП.

Столь высокий показатель теневой экономики свидетельствует о недоработках как в законодательной, так и в исполнительной сфере. Потому как не всегда наличие того или иного нормативно-правового акта гарантирует его исполнение. Наличие коррупции и теневой экономики выступает серьёзным сдерживающим фактором, препятствующим притоку инвестиций в экономику регионов СКФО. Сталкиваясь с коррупционной системой, потенциальный инвестор не только не желает нести дополнительные финансовые расходы в виде «откатов» и взяток, но и осуществлять свою деятельность в условиях высокой степени неопределённости и нестабильности, что подтверждается крайне низким объёмом иностранных инвестиций в регионе. В 2015 г. объём иностранных инвестиций на одного жителя СКФО составил 36,3 долл., что на порядок ниже аналогичных показателей динамично развивающихся округов России.

Растущая коррупция в регионах СКФО чревата серьёзными социальными последствиями, усиливающимися этническими и религиозными проблемами. Возрастающее недовольство населения условиями жизни и дальнейшая невозможность реализовать свой потенциал может привести к широкой волне протестных настроений.

Результат. Решение обозначенных проблем в долгосрочной перспективе может привести к значительному снижению инвестиционных рисков в регионах СКФО. С их решением возможно достижение самой важной цели в борьбе за привлечение инвестиций в регионы СКФО на сегодняшний день — это изменение восприятия СКФО в сознании людей, проживающих за его пределами. «В обывательской формуле “Кавказ не Россия” и отделение Кавказа от “не Кавказа” [13, с. 113,14], пожалуй, можно сформулировать главную преграду и нежелание инвесторов вкладываться в экономику данных регионов». Сегодня регионы СКФО для большинства инвесторов остаются достаточно закрытыми в плане информационной доступности, открытости и «дружелюбия». Информация, которая идет из средств массовой информации, в большинстве своём отражает лишь негативные стороны, формируя образ постоянного «иждивенца», требующего финансовые вливания из центра.

Снижение инвестиционных рисков может вестись регионами СКФО в нескольких направ-

лениях, но акцентировать внимание необходимо на следующие моменты.

Улучшение инвестиционного климата — это практически всегда долгосрочная политическая стабильность, которой сегодня так не хватает регионам СКФО. Именно стабильность задаст необходимые условия для дальнейшего реформирования инвестиционной сферы и ориентацию на достижение результата, позволит правильно расставить приоритеты во времени и обеспечит их исполнение. Политическая стабильность — выступает и гарантией для потенциального инвестора, сигнализируя о невозможности резкой смены курса развития и связанной с этим потерей финансовых средств. Здесь нельзя не согласиться с выражением экономиста Джозефа Стиглица, который отмечал, что процесс реформы и, особенно, её «осуществление и политическая устойчивость — это не побочный момент, а основной пункт в повестке дня реформы» [18, с. 556; 9, с. 8]. Достижение политической стабильности в результате баланса внутрорегиональных сил, поиск объединяющих целей в сложившейся клановой системе сегодня невозможен без внимания центра.

Другой элемент снижения инвестиционных рисков — сведение к минимуму коррупционной составляющей и формирование благоприятного делового климата (за счёт упрощения процедур регистрации, лицензирования и т. д., снижения числа проверок со стороны государственных органов). Борьба с коррупцией в регионах СКФО возможна лишь при полной прозрачности деятельности государственных органов и развития институтов гражданского общества.

Все это позволит снизить транзакционные издержки ведения бизнеса, на что особо чутко реагирует инвестор и что, в свою очередь, не только повысит эффективность северокавказских экономик, но создаст предпосылки для ускорения выстраивания институциональной структуры и повышения благосостояния населения [16, с. 7; 6, с. 136]. Доработка на региональном уровне пакета законопроектов о поддержке инвестиционных проектов, закрепление мер государственной поддержки предпринимателей позволит сформировать необходимые гарантии защиты инвестиций и прав инвесторов. Однако наличие разработанной нормативно-правовой базы инвестиционного процесса должно дополняться независимой правоохранительной и судебной системами, выступающими гарантами защиты прав инвестора и его собственности.

Выводы. Состояние инвестиционной сферы в регионах СКФО переживает сложный период. Приток внешних инвестиций незначителен в силу объективного превалирования инвестиционных рисков над возможной выгодой вложений. Решение проблемы кроется в глобальной перестройке существующей системы. Ключевым моментом должно стать достижение политической стабильности и определение чётких ориентиров развития. Политическая стабильность, открытость, прозрачность и свободный доступ информации со стороны государственных органов и учреждений в совокупности с гарантией защиты прав и интересов инвестора позволит обеспечить для потенциальных инвесторов наиболее комфортные условия ведения дел.

Литература

1. Арсланов, Ш. Д. К вопросу оценки качества управления региональной инвестиционной политикой // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2015. №10-3. С. 547–549.
2. Арсланова, Х. Д. Коррупция как сдерживающий фактор развития экономики региона // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2012. № 4. С. 83–85.
3. Арсланов, Ш. Д., Идзиев, Г. И., Арсланова, Х. Д., Рабаданова, А. А. К вопросу развития инвестиционной политики в Республике Дагестан // *Вопросы структуризации экономики*. 2013. № 4. С. 48–49.
4. Арсланов, Ш. Д., Идзиев, Г. И., Арсланова, Х. Д., Рабаданова, А. А. Современная государственная политика в области поддержки инвестиционной деятельности в Республике Дагестан // *Вопросы структуризации экономики*. 2014. № 3. С. 84–86.
5. Бабанов, А. В., Зинкович, С. В. Развитие поддержки инвестиционной деятельности в моногородах // *Вестник университета (Государственный университет управления)*. 2013. № 3. С. 5–14.
6. Барсукова, А. В. Развитие инвестиционного процесса в СКФО : институциональный анализ / А.В. Барсукова // *Журнал институциональных исследований*. 2012. Т. 4. № 4. С. 133–143.
7. Гордеев, О. И. Формирование и проведение экономической политики региона на современном этапе постиндустриального общества // *Апробация*. 2015. № 3 (30). С.13–17.
8. Дохолян, С. В., Петросяни, В. З., Садыкова, А. М. Организационно-экономические основы формирования и реализации социально-экономической политики региона // *Экономика и предпринимательство*. 2014. №10(51). С. 469–481.
9. Кикери, С., Кэньон, Т., Палмад, Т. Совершенствование инвестиционного климата : уроки для практиков / *Всемирный банк ; пер. с англ. — М. : «Весь Мир», 2007.*

10. Методика составления рейтинга инвестиционной привлекательности регионов России компании «РАЭКС-Аналитика». Рейтинговое агентство [Электронный ресурс]. — URL : <https://raexpert.ru/docbank/109/d31/3e8/5564b5d35605a92af9b47c6.pdf>.
11. Ниналова, Л. Г., Арсланова, Х. Д., Гаджиева, А. Г. Анализ современной инвестиционной политики в регионах СКФО // Актуальные проблемы развития финансового сектора : материалы Международной научно-практической заочной конференции ; отв. ред. Я.Ю. Радюкова. 2015. С. 17–26.
12. Регионы России : социально-экономические показатели - 2016. [Электронный ресурс]. — URL : http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_14p/Main.htm.
13. Соколов, Д. В. Укрощение Мордора /Д.В. Соколов // Региональные проблемы преобразования экономики. 2012. № 4. С.113–118.
14. Хархаров, А. М. Развитие региона в условиях кризиса // Вопросы структуризации экономики. 2013. № 2. С. 56–58.
15. Энеева, М. Н. и Ульбашева, А. Р. Проблемы и парадоксы социально-экономического развития Северного Кавказа и пути повышения управляемости территории / М.Н. Энеева, А.Р. Ульбашева // Экономические науки. 2010. № 9 (70). С. 153.
16. Нуреев, Р. М. Россия : резервы институционального развития (как предпосылка и условие выхода из экономического кризиса /Р.М. Нуреев // Журнал институциональных исследований. 2009. Т. 1. № 1. С. 6–19).
17. ICRG Methodology [Электронный ресурс]. — URL : <https://www.prsgroup.com/wp-content/uploads/2014/08/icrgmethodology.pdf>.
18. Stiglitz, J. Reflections on the Theory and Practice of Reform ; A. O. Krueger (ed.) // Economic Policy Reform : The Second Stage. — Chicago : University of Chicago Press, 2000.
19. Landeta, J. Current validity of the Delphi method in social sciences // Technological Forecasting and Social Change. 2006. Vol. 73. No. 5. P. 467–482.
20. Mendoza, E., Quadri, V., Rios-Rull, J.-V. Financial Integration, Financial Development, and Global Imbalances // Journal of Political Economy. 2009. Vol. 117. No. 3. P. 371–416.
21. Molnar, A. Economic forecasting. — New York: Nova Science Publishers, 2010.

References:

1. Arslanov, Sh. D. To the question of assessing the quality of management of regional invasion and politics // international journal eliminates and fundamental research. 2015. No. 10-3. P. 547-549.
2. Arslanov, Sh. D. Corrupt as the limiting factor for development of economy of region // Regional problems of transformation of the economy. 2012. No. 4. S. 83-85.
3. Arslanov, Sh. D., II, G. I., Arslan, H. D., Radar, A. A. the development of the invasion policy in the Republic of Dagestan, the structure of the economy. 2013. No. 4. P. 48-49.
4. Arslanov, Sh. D., II, G. I., Arslan, H. D., Radar, A. A., Modern state policy in support of Invasion operations in the Republic of Dagestan, the structure of the economy. 2014. No. 3. P. 84-86.
5. Babanov, A. V., Zinkovich S. V. the Invasion activity in the manor // vest University (State University of management). 2013. No. 3. P. 5-14.
6. Barsukova, A. V. Development of investment processes in Kazakhstan : an institutional analysis /A. V. Bask // Journal of institutional studies. 2012. Vol. 4. No. 4. S. 133-143.
7. Horde, O. I. Formation and implementation of economic policy in the region at the present stage the capacity of society // Probation. 2015. No. 3 (30). S. 13-17.
8. Dokholyan, S. V., Petrosyan V. Z., KFOR, A. M. Organizational-economic bases of formation and implementation of socio-economic policy of the region // Economics and entrepreneurship. 2014. No. 10(51). P. 469-481.
9. Query, S., Canyon, T., Palma, T. Improving the investment climate : lessons for practice / comment the Bank ; transl. from English. — M. : The Whole World"2007.,
10. Methodology assessment of the invasion alone regions of Russia company REX-Analytics."The Rating Agency [Electronic resource]. — URL : <https://raexpert.ru/docbank/109/d31/3e8/5564b5d35605a92af9b47c6.pdf>.
11. Nina, L. G., Arslan, H. D., Gaga, A. G. the analysis of the current invasion policy SKO // Actual problems of financial sector development : materials of International scientific-practical SEO conference ; TV. red. Y. Y. Radu. 2015. P. 17-26.
12. Regions of Russia : socio-economic indicators in 2016. [Electronic resource]. — URL : http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_14p/Main.htm.
13. Sokolov, D. V. the taming of Mordor /D. V. Sokolov // Regional problems of transformation of the economy. 2012. No. 4. P. 113-118.
14. Haha, A. M. development of the region in the conditions of crisis // Issues of economy structure. 2013. No. 2. P. 56-58.
15. HP, mn. and Ulbasheva, A. R. Problems and paradoxes of socio-economic development seven reasons and ways to improve the manageability of the territory / M. N. NR, A. R. Ulbasheva // Economic science. 2010. No. 9 (70). P. 153.
16. Nureev R. M. Russia : reserves of institutional development (both the offer and the condition of recovery from the economic crisis /R. M. Nureev // Journal of institutional studies. 2009. Vol. 1. No. 1. P. 6-19).
17. ICRG methodology [Electronic resource]. — URL : <https://www.prsgroup.com/wp-content/uploads/2014/08/icrgmethodology.pdf>.
18. Stiglitz, J. reflections on the theory and practice reform ; A. O. Krueger (ed.) // Economic policy reform : the second stage. Chicago : University of Chicago press, 2000.

19. Landeta, J. *Current validity of the Delphi method in the social Sciences // Technological forecasting and social change*. 2006. Tom. 73. P. 5. P. 467-482.
20. Mendoza E., Quadri V., Rios-Rull George.-V. *Financial integration, financial development and global imbalances // Political economy*. 2009. Tom. 117. Number 3. P. 371-416.
21. Molnar, A. *economic forecasting*. - New York: Nova Science Publishers, 2010.

УДК 338.23, 330.87

САЛИН ПАВЕЛ БОРИСОВИЧ

к.ю.н., директор Центра политологических исследований,
старший преподаватель Департамента политологии
ФГОБУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ,
e-mail: PSalin@fa.ru

ПЕТРОСЯНЦ ДАНИЭЛ ВИКТОРОВИЧ

к.э.н., доцент Департамента Политологии, ФГОБУ ВО
«Финансовый университет при Правительстве РФ»,
e-mail: dan-basa@yandex.ru

ГОТОВНОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ К ВОСПРИЯТИЮ СОВЕТСКОГО ОПЫТА МОБИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ¹

Аннотация. *Цель работы.* Проанализировать советский опыт мобилизационного развития на различных этапах развития советской экономики и советского общества. Изучить степень применимости советских сценариев мобилизационного развития как напрямую, так и опосредованно к такой социальной группе, как современная российская студенческая молодежь. **Методология исследования** основана на общих и специальных методах научного познания: методах эмпирического исследования (наблюдение, сравнение, сбор и изучение данных), текущего и перспективного анализа и синтеза теоретического и практического материала, сравнительной политологии, геополитики, этнопологии, многофакторного системного анализа, социологии, статистического анализа и т.п. **Результаты.** В ходе исследования был рассмотрен и проанализирован опыт трех советских мобилизационных сценариев — двух сталинских и одного андроповско-горбачевского. Сделан вывод об успешности реализации первых двух и неуспешности третьего в силу того, что советское общество к моменту начала его трансформации претерпело существенные изменения. Запросы современной российской студенческой молодежи существенно расходятся с запросами социальных групп, которые стали основной для реализации двух успешных советских мобилизационных сценариев. Область применения. Результаты настоящей работы могут иметь применение в деятельности Министерства образования и науки РФ, при разработке концепции учебно-воспитательной работы в российских вузах, с целью введения социальной и политической активности студенческой молодежи в конструктивное русло. **Выводы.** Современная российская студенческая молодежь вряд ли позитивно воспримет попытку реализовать, даже опосредованно, один из трех мобилизационных сценариев времен СССР. При этом отдельные элементы мобилизационного сценария при должном технологическом оформлении и «осовременивании» вполне коррелируют с запросами студенческой молодежи
Ключевые слова: молодежная политика, студенческая молодежь, мобилизационный сценарий.

SALIN PAVEL BORISOVICH

Candidate of the Science of Law, Director of the Center of Political Science Studies,
Senior Lecturer of the Department of Political Science of FSEBI of HE
“Financial University affiliated with the Government of the Russian Federation”,
e-mail: PSalin@fa.ru

PETROSYANTS DANIEL VICTOROVICH

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science, FSEBI of
HE “Financial University affiliated with the Government of the Russian Federation”,
e-mail: dan-basa@yandex.ru

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета 2017 года.

READINESS OF STUDENT YOUTH TO THE PERCEPTION OF THE SOVIET EXPERIENCE OF MOBILIZATION DEVELOPMENT

Abstract. A brief abstract: The goal of the study. Analysing the Soviet experience of mobilization development at different stages of development of the Soviet economy and the Soviet society. Studying the degree of usability of Soviet scenarios of mobilization development both directly, and indirectly to the modern Russian student youth social group. **The methodology of the study** is based on general and special methods of scientific knowledge: methods of empirical studies (observation, comparison, collection and research of data), current and forward-looking analysis and synthesis of theoretical and practical material, comparative Political Science, Geopolitics, Ethno-Political Science, Multi-factor Systemic Analysis, Sociology, Statistical Analysis, etc. **The results.** In the process of the study we have researched and analyzed the experience of three Soviet mobilization scenarios - two from the Stalin times, and one from the Andropov-Gorbachev times. We have made a conclusion about the success of implementation of the first two and the failure of the third one due to the fact that the Soviet society at the moment of the beginning of its transformation underwent significant changes. The needs of the modern Russian student youth are significantly different from the needs of the social groups that became the foundation for implementation of two successful Soviet mobilization scenarios. **The area of application.** The results of the present study may be used in the activity of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, when developing a concept of educational activity in Russian Universities, in order to put the social and political activity of student youth into constructive application. **The conclusions.** Modern Russian student youth would hardly positively react to the attempt to implement, even if indirectly, one of three mobilization scenarios of the USSR times. At the same time, separate elements of the mobilization scenario with the appropriate technological approach and a more modern context are quite well correlating with the needs of the student youth. **Keywords:** youth policy, student youth, a mobilization scenario

Введение. Исчерпанность ресурса модели социально-экономического развития России, существовавшая на протяжении всего постсоветского времени, в настоящий момент является очевидной. В течение всего этого периода экономическая модель носила ярко выраженный долговой характер. В 1990-е годы основным российским заемщиком по отношению к внешним контрагентам выступало государство, в 2000-е и 2010-е, до принятия антироссийских санкций в 2014 году, — частный сектор в лице крупнейших компаний. Однако этот де-юре частный долг, де-факто являлся государственным.

К середине 2010-х годов заемная модель экономики перестала быть функциональной как минимум по двум причинам. Во-первых, принятие пакета антироссийских санкций западными странами фактически закрыло для российских компаний западные рынки заемного капитала, а восточные рынки, в первую очередь китайский, по ряду причин альтернативой им не стали. Во-вторых, снижение цен на энергоносители и устойчивый низкий уровень их стоимости с середины 2010-х годов поставили под вопрос кредитоспособность российской экономики в целом — ранее неформальным обеспечением выдававшихся российским компаниям кредитов являлись как раз их сырьевые активы.

В открывшемся новом контексте перед российской экономикой встал вопрос о поиске новых, несырьевых источников роста. Другими словами, речь идет о поиске варианта развития, который в той или иной степени может быть назван мобилизационным. В связи с этим высокой степенью актуальности обладают ответы на два вопроса — возможно ли использование исторического российского опыта реализации мобилизационных сценариев и как к этому отнесется основная социальная группа, на которую и ложится существенная нагрузка по реализации такого сценария, — молодежь? С учетом того, что высшим образованием охвачено больше половины российской молодежи и учащихся вузов, что они являются наиболее активной стратой в своем социуме, речь в данной статье пойдет именно о студенческой молодежи. Что касается более подробного анализа советского опыта реализации мобилизационных сценариев, то он приведен в одной из более ранних публикаций одного из авторов данной статьи

[6].

Реализация первого «сталинского» мобилизационного сценария

Причиной запуска первого «сталинского» мобилизационного сценария послужило исчерпание рыночных механизмов перераспределения продовольствия между деревней и городом. Так, зимой 1927–28 годов, несмотря на хороший урожай, поставили в города по программе хлебозаготовок лишь 300 млн пудов зерна, что на 130 млн пудов меньше, чем в предыдущий год, когда урожай был меньше. Причиной стал растущий уровень жизни населения, что, в свою очередь, вызвало рост потребления в городах и желание крестьян повышать рыночные цены, по которым у них закупалось зерно. Иначе говоря, рыночная экономика времен НЭПа (по крайней мере, ее сельскохозяйственная составляющая) оказалась в ловушке эскалации потребностей. В итоге для реализации мобилизационного сценария руководство СССР сделало ставку на изменение социальной структуры советского общества вплоть до постепенной ликвидации некоторых групп, а также на изменение структуры потребностей различных групп населения [4].

Советская власть в социально-политическом отношении при реализации мобилизационного сценария сделала ставку на следующие аспекты.

Во-первых, приведение идеологического дискурса к общему знаменателю. Другими словами, точки зрения, альтернативные официальной, сначала маргинализировывались, а потом и вовсе оказались под запретом из-за страха уголовного преследования. Если 1920-е годы были временем дискуссий о будущих вариантах развития советской государственности (активно выступал Н. Бухарин и «крестьянская» партия, А. Рыков, менее активно — Г. Зиновьев и Л. Каменев), то в 1930-е годы установился общий идеологический курс, инакомыслие преследовалось по Уголовному кодексу.

Второе направление — ужесточение трудовой дисциплины, что было закреплено в уголовном законодательстве. Примечательно, что составы преступления, добавленные в 1937 году, предусматривали гораздо более суровое наказание (вплоть до конфискации с расстрелом), чем более ранние. Таким образом, «закручивание гаек» в области трудовой дисциплины проводилось постепенно, чтобы население могло адаптироваться к новым правилам.

Наконец, в преддверии войны, когда уже стало ясно, что в ближайшие годы начнется масштабное столкновение с участием СССР (сразу после начала кампании Германии против Франции), произошел очередной виток ужесточения трудового законодательства. Процесс «закрепощения» городского населения стартовал еще в начале 1930-х годов, когда в СССР формально была полностью ликвидирована безработица. Подобные нормы в рамках мобилизационного сценария недавно были введены в Белоруссии (запрет на увольнение без разрешения бюрократических инстанций), правда, он касается лишь отдельных отраслей.

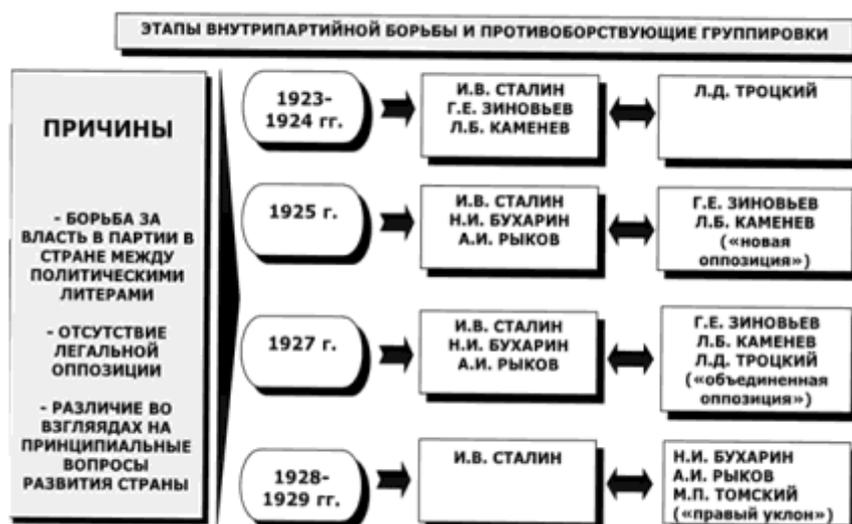

Рис. 1. Внутривнутрипартийная борьба за власть в 20-е годы.

Источник: [5].

Третье направление деятельности советских властей в рамках реализации мобилизационного сценария — ротация элиты, замена кадров на более молодые и активные, но при этом менее самостоятельные. Предыдущее поколение кадров, которое зачастую имело еще дореволюционный партийный стаж, привыкло к атмосфере дискуссий и существованию различных мнений [6, с. 126].

Наконец, нельзя не остановиться на таком моменте, как информационно-идеологическая обработка населения. В стране в отличие от 1920-х годов культивируется образ «человека труда», искусственно создаются герои, образцы для подражания (самый яркий пример — Стаханов и движение стахановцев). В этом направлении работают не только СМИ, но и в широком смысле творческий цех. Выходит много «производственных» книг и фильмов.

В целом сценарий сталинской «мобилизации-1» с точки зрения поставленных целей можно считать успешным. С экономической точки зрения удалось создать механизм, который оперативно позволил перебросить мощности на восток и быстро наладить там производство продукции для нужд фронта. С социально-политической — была достигнута гомогенность общества (как в политическом, так и, менее, социальном плане). Эти два фактора внесли решающий вклад в победу СССР в Великой Отечественной войне.

Однако при этом следует помнить, что СССР в то время находился в состоянии демографического подъема, на что наложился процесс урбанизации (отчасти естественный, отчасти — инициированный властями). Это привело к появлению в городах масс сельских жителей с низким уровнем потребительских претензий, которые и стали основным человеческим капиталом для реализации мобилизационного сценария. Большинство из них стало рабочими и низшим менеджментом, наиболее «продвинутые» поступали в средние и высшие учебные заведения и делали карьеру на высшем уровне. Наиболее типичный карьерный путь руководителя СССР образца 1965–90 годов следующий: выходец из сельской местности поступает в высшее или среднее учебное заведение, после окончания начинает работу на производстве, потом переходит на партийную работу и начинает делать там карьеру.

Реализация второго «сталинского» мобилизационного сценария

Второй тип мобилизационного сценария — сталинская мобилизация № 2 (послевоенная). Она несколько отличается от первой как по причинам, так и по механизмам.

Во-первых, она носила вынужденный характер, чем предыдущая (по крайней мере, более вынужденный — страна стояла перед необходимостью восстановления после войны).

Во-вторых, предпосылки для реализации мобилизационного сценария уже существовали — вся система была выстроена и отточена в пред- и военные годы.

В-третьих, речь шла не о переходе к мобилизационному сценарию, а о его «конверсии» — переходе от военного типа к мирному.

Социальным фоном для реализации сценария сталинской мобилизации № 2 стала победа в Великой Отечественной войне. Это породило среди населения волну эйфории, которая ждала повышения количественных (уровень доходов и потребления) и качественных (безопасность, здравоохранение и т. п.) показателей жизни и готова была мириться с временными трудностями при условии, если тренд на повышение уровня жизни будет очевидным.

В целом власти СССР были готовы удовлетворить такой запрос, который к тому же объективно совпадал с трендом по демилитаризации экономики. Были сняты некоторые ограничения «режима военного времени»: восстановлен 8-часовой рабочий день, отменены обязательные сверхурочные, восстановлены ежегодные отпуска. Подтверждался принцип сдельной оплаты труда.

Важным фактором послевоенного (как и довоенного) мобилизационного сценария стала постановка сверхцели. По оценкам западных экспертов, восстановительный период в СССР должен был продлиться около 15–20 лет. Между тем в феврале 1946 года Сталин заявил о необходимости в течение трех пятилеток добиться трехкратного превышения уровня объемов промышленного производства предвоенного времени.

Под реализацию сверхцели(лей) производилась масштабная обработка общественного мнения с помощью конструирования социальной реальности и общественных проектов. С помощью реализации комплекса мероприятий, среди которых первостепенное значение имела экс-

плуатация энтузиазма победителей в войне (например, неостыхановское движение «скоростников»), мобилизационные меры руководства (включая принудительный труд заключенных), репарации из Германии, за четвертую пятилетку довоенный экономический потенциал фактически был восстановлен.

При этом власти СССР пытались удовлетворить запрос населения на повышение качества уровня жизни, несмотря на то, что реально это было трудно сделать. Так, хотя в 1947 году карточки на продукты питания в СССР были отменены (в первой из стран, существенно пострадавших от войны), твердые цены повысились в 2,5–3,5 раза. После этого регулярно осуществлялись акции по снижению цен на товары массового потребления, что широко освещалось в СМИ. Главной задачей властей было создание у населения ощущения неуклонного роста уровня жизни.

Важным политическим ходом власти (он был осуществлен еще во время войны, но действие его пролонгировано и на период послевоенной мобилизации) стала реабилитация Русской православной церкви. Таким образом власть заручилась поддержкой тех слоев населения, кто не относил себя к атеистам. Точной статистики, по понятным причинам, не существует (социологические замеры, даже закрытые, тогда не проводились), но представляется, что это были широкие массы, особенно за пределами крупных городов и в сельской местности [2, с. 226].

Подводя итог подразделу, можно отметить следующее. Итоги реализации сценария «сталинской мобилизации № 2» также можно считать успешными. Однако в отличие от предыдущей ее успех во многом был предопределен уже существующим порядком вещей. С одной стороны, после войны страна фактически лежала в руинах, был существенно подорван ее экономический и человеческий потенциал. С другой — базовые условия для реализации сценария были уже готовы. Еще до войны была создана и налажена плановая модель экономики (во время войны она была «протестирована» в режиме «перегрузок») и, выражаясь современным языком, «вертикаль власти». Кроме того, была эйфория от победы над внешним врагом, что стало дополнительным стимулирующим фактором. Наконец, свою роль сыграл «эффект низкой базы». Если во время реализации сценария № 1 речь шла об ограничении как уровня потребления, так и прав граждан, то во время реализации сценария № 2 — наоборот. Уровень потребления по сравнению с военным временем повысился (зачастую власть с помощью пропаганды создавала иллюзию этого, что, в принципе, неважно), а уровень ограничения прав граждан снизился. Так, в экономике многие предприятия вернулись к 8-часовому рабочему дню и т. п., на короткое время была отменена смертная казнь (1947–50 годы).

Реализация андроповско-горбачевского сценария

Еще одной попыткой реализации мобилизационного сценария, правда, на этот раз неудачной, можно считать «андроповско-горбачевский» сценарий. Его отличие от двух предыдущих, помимо неудачной реализации, заключается еще и в том, что его по типологии можно отнести скорее к «мягкому», чем к «жесткому» типу. Однако это все равно был мобилизационный сценарий, так как ставка делалась на административные (принудительные) механизмы, а не рыночные [8, с. 5–6].

Речь идет о так называемом «ускорении». Принято считать, что авторство этого термина принадлежит М. Горбачеву, хотя впервые его использовал Ю. Андропов в ноябре 1982 года на Пленуме ЦК КПСС: «Намечено ускорить темпы развития экономики, увеличить абсолютные размеры прироста национального дохода... [1, с. 101]. Напряженные задания должны быть выполнены при сравнительно меньшем увеличении материальных затрат и трудовых ресурсов».

Причина реализации мобилизационного сценария была вполне прозрачна — растущее отставание СССР от стран Запада [7, с. 92]. Стране была необходима стратегия. Уже при Брежневем стало заметно техническое отставание СССР от Запада, где проходила новая научно-техническая революция. Ее характер, связанный с ускорением обмена информацией, внедрением гибких сетевых структур, не был осознан советским руководством. Оно пока не было склонно менять социальную структуру, систему управления, а надеялось централизованно «внедрить» современную технику. В итоге СССР уперся в НТР, как в барьер, который не мог

преодолеть. А без этого отставание СССР становилось все более очевидным даже в главном — в военной технике. Андропов считал, что необходимо напрячь все силы, мобилизовать резервы, чтобы преодолеть кризисную черту. Фактически уже в вышеуказанной речи была сформулирована политика ускорения [3].

В рамках «андроповского» мобилизационного сценария были выбраны три ключевых направления деятельности: укрепление трудовой дисциплины, борьба с коррупцией, усиление правопорядка.

В первом случае в июле 1983 года был принят ряд документов, направленных на укрепление трудовой дисциплины. Нововведения в целом носили гораздо более гуманный характер, чем во время первой мобилизации. За нарушения были предусмотрены не меры уголовного или административного воздействия, а трудового (депремирование, сокращение отпуска и т. п.). В то же время был предусмотрен ряд стимулирующих мер за надлежащее исполнение своих обязанностей и различного рода выслугу лет. Принятие новых мер сопровождалось комплексом мер по их имплементации — облавами в рабочее время в местах досуга и торговли и т. п. [10, с. 14–15].

Что касается второго направления деятельности, то оно в целом носило точечный и показательный характер. С помощью антикоррупционной кампании команда Андропова боролась не столько с проблемой, сколько со своими политическими и аппаратными оппонентами из брежневской команды. Именно поэтому андроповская антикоррупционная кампания запомнилась не столько системной борьбой с коррупцией, сколько громкими делами («дело гастронома № 1 и ряда других московских торговых предприятий, отставка и самоубийство Щелокова, ряд громких дел на южных курортах и т. п.). Скорее всего, команда Андропова делала ставку на то, что элита «считает» сигналы, идущие от нового руководства страны, и сама начнет ограничивать свои коррупционные потребности [11, с. 16].

В любом случае антикоррупционная кампания захлебнулась, так как с середины 1983 года Андропов постоянно находился в больнице, и представители элиты это знали. У его сменщика К. Черненко не было воли и желания продолжать курс Андропова (хотя заведенные при нем дела коррупционеров продолжали расследоваться, а приговоры по ним были вынесены только при М. Горбачеве).

При этом власть делала масштабную ставку на продвижение тезисов составляющих мобилизационного сценария через различные каналы коммуникации. Следует сказать, что творческий цех также чувствовал необходимость «мягкого» сценария мобилизации. В частности, режиссер В. Абдрашитов еще до вышеуказанных постановлений, направленных на повышение дисциплины труда, снял фильм «Остановился поезд», который как раз посвящен проблемам падения качества управления и дисциплины труда в современном советском обществе.

М. Горбачев после прихода к власти попытался продолжать курс Ю. Андропова. На пленуме ЦК КПСС в апреле 1985 года было принято постановление, содержащее ряд пунктов. В частности, первым пунктом шло ускорение научно-технического прогресса, а вторым — интенсификация труда. Однако реализация «горбачевского» варианта мобилизационного сценария вылилась, прежде всего, в антиалкогольную кампанию, эффект от которой оценивается противоречиво. В итоге власть была вынуждена отказаться от административных рычагов воздействия на ситуацию и сосредоточиться на рыночных. В ноябре 1986 года был принят закон «Об индивидуальной трудовой деятельности», что положило начало новому сценарию действий власти, который условно можно назвать «рыночным» — перестройке. В связи с этим сценарий «андроповско-горбачевской» мобилизации можно считать законченным [9, с. 28].

В целом следует отметить, что неудача третьего сценария мобилизации заключалась в состоянии советского общества, которое, с одной стороны, находилось в апатии, а с другой — желало новых, более высоких потребительских стандартов. Власть вложила колоссальные средства в закупку нового, более совершенного оборудования, однако у работников и их руководства не было стимулов его использовать. Таким образом, основная причина неудачи «мобилизационного сценария № 3» заключается в том, что власть не смогла эффективно воздействовать на сознание населения с целью перевода его на мобилизационные рельсы.

Выводы. Подводя итог, можно отметить следующее. В целом в России в течение XX века было реализовано три мобилизационных сценария: сталинский довоенный, сталинский после-

военный и андроповско-горбачевский (сценарий военной сверхмобилизации 1941–44 годов не в счет). Все они имели две составляющие: состояние материально-технической базы и человеческого капитала (квалификация, психологические установки). Первые два можно считать успешно реализованными (цели достигнуты), так как власть смогла достичь целевых параметров по обоим составляющим. Третий был неуспешен, так как власти, несмотря на наличие материально-технической базы, не удалось достичь целевых установок по второй составляющей — перестроить сознание населения на мобилизационные рельсы. Таким образом, для успешной реализации мобилизационного сценария в современной России необходимо уделять повышенное внимание не только его финансово-экономическим параметрам, но и «гуманитарным», социально-политическим.

Что же касается восприятия советского опыта российской студенческой молодежью, то в случае даже его опосредованного применения (о буквальном речи, по понятным причинам, быть не может), власть может столкнуться с серьезными проблемами. Например, как было указано выше, одним из условий успешности реализации мобилизационного сценария является приведение идеологического поля страны к единообразию. Однако даже сейчас студенческая молодежь скептически относится к идеологическому спектру страны, считая его скудным.

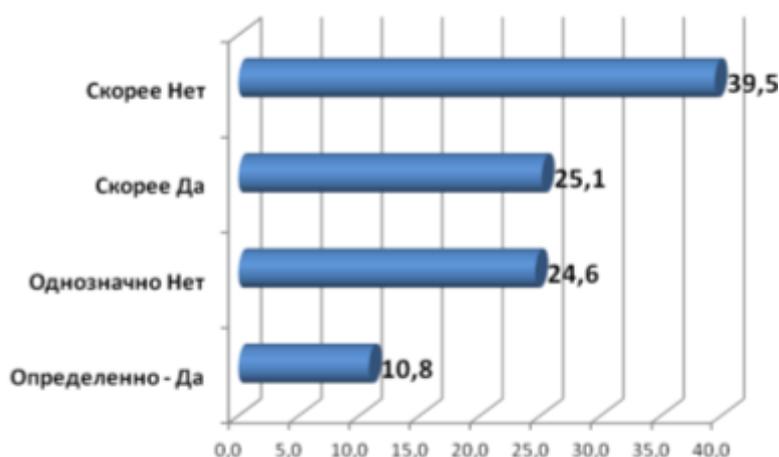

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Достаточно ли, на Ваш взгляд, представлена оппозиция в политической системе России?», %.

Источник: результаты исследования в рамках НИР Финансового университета 2017 года.

Таким образом, предлагая студенческой молодежи в случае такой необходимости элементы мобилизационных проектов из истории страны XX века, необходимо учитывать, что социально-психологический профиль этой группы претерпел заметные изменения. Следует признать, вряд ли буквальное, пусть и с учетом произошедших технологических изменений, следование «работоспособным» советским рецептам принесет успех применительно к такой группе, как студенческая молодежь.

Литература

1. Артемов А. В. Символы перестройки в риторике М. С. Горбачева в 1985–1987 годы // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. — 2014. — Т. 14. — № 1. — С. 100–102.
2. Гончаров Г. А., Баканов С. А., Гришина Н. В., Пасс А. А., Фокин А. А. Мобилизационная модель развития российского общества в XX веке: монография. — Челябинск: Энциклопедия, 2013. — 128 с.
3. Иноземцев В. Л. Модернизация России в контексте глобализации // Современные проблемы развития. Материалы теоретического семинара в ИМЭМО РАН. Отв. ред. д.и.н. В.Г. Хорос. М.: ИМЭМО РАН, 2010. — 284 с.
4. Корнейчук Б. В. Мобилизационные сценарии развития: источники и последствия // Terra Eсоnотісus. — 2017. — Т. 15. — № 1. С. 79–88.
5. Портал «Структурно-логические схемы и таблицы» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://схемо.рф/shemy/istorija/jastremskii-a-m-albom-shem-po-kursu-otechestvenaja-istorija-2008-g/218.html>, свободный. — Загл. с экрана.
6. Салин П. Б., Осинина Д. Д. Советский опыт мобилизационного развития: политологический анализ //

- Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2015. — № 4 (20). — С. 20–27.
7. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М. Прогресс-Традиция, 2004. — 480 с.
8. Ясин Е. Г. Развитие постсоветской экономики: из прошлого в будущее // Вопросы экономики. — 2017. — № 6. — С. 5–21.
9. Яшкова П. С., Цветков В. Ж. Концепция «социализма с человеческим лицом» в перестроечной идеологии СССР / П.С. Яшкова, В.Ж. Цветков // Аprobация. — 2016. — № 10 (49). С. 26–29.
10. Chermukhin Anton and Golosov, Mikhail and Guriev, Sergei M. and Tsyvinski, Aleh. Was Stalin Necessary for Russia's Economic Development? September 2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ssrn.com/abstract=2325798>, свободный. — Загл. с экрана.
11. Ivan Krastev. Paradoxes of the New Authoritarianism // Journal of democracy. April 2011. Vol. 22. No. 2. P. 14–15.

References:

1. Salin P. B., Osinina D. D. Soviet experience of mobilization development: political analysis // Humanities. Bulletin of the Financial University. 2015. No. 4 (20). P. 20–27.
2. Korneichuk B. V. Mobilization scenarios of development: sources and consequences // Terra Economicus. 2017. T. 15. No. 1. P. 79–88.
3. Portal «Structural-logical schemes and tables» [An electronic resource]. Access mode: <http://shemo.rf/shemy/istorija/jastremskii-a-m-albom-shem-po-kursu-otechestvenaja-istorija-2008-g/218.html>, free. Heading from the screen.
4. Goncharov G. A., Bakanov S. A., Grishina N. V., Pass A. A., Fokin A. A. Mobilization model of the development of Russian society in the twentieth century: monograph. Chelyabinsk: Encyclopedia, 2013. 128 p.
5. Yasin E. G. Development of the post-Soviet economy: from the past to the future // Issues of economics. 2017. No. 6. P. 5–21.
6. Artemov A. V. The symbols of perestroika in the rhetoric of M.S. Gorbachev in 1985-1987 // Bulletin of South Ural State University. Series: Social and Human Sciences. 2014. T. 14. No. 1. P. 100–102.
7. Huntington C. Political Order in Changing Societies. M. Progress-Tradition, 2004. 480 p.
8. Inozemtsev V.L. Modernization of Russia in the context of globalization // Modern problems of development. Materials of the theoretical seminar at IMEMO RAS. Otv. Ed. Ph.D. V. G.Khoros. Moscow: IMEMO RAS, 2010. 284 p.
9. Chermukhin Anton and Golosov, Mikhail and Guriev, Sergei M. and Tsyvinski, Aleh. Was Stalin Necessary for Russia's Economic Development? September 2013 [An electronic resource]. Access mode: <http://ssrn.com/abstract=2325798>, free. Heading from the screen.
10. Ivan Krastev. Paradoxes of the New Authoritarianism // Journal of democracy. April 2011. Vol. 22. No. 2. P. 14–15.
11. Yashkova P.S. The concept of «socialism with a human face» in the perestroika ideology of the USSR / P.S. Yashkov, V.Zh. Tsvetkov // Approbation. 2016. No. 10 (49). P. 26–29.

УДК 330.341:314.17

АЛКЛЫЧЕВА УМУКЮСЮМ АЛКЛЫЧЕВНА

аспирант ФГБУН

«Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН»,
e-mail: au-post@mail.ru

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ И САМООЦЕНКА КАЧЕСТВА
ОБРАЗОВАНИЯ: ВЫБОРОЧНОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ СТУДЕНТОВ
ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН**

Аннотация. Цель работы. Профессиональное самоопределение имеет важнейшее значение в формировании образовательного потенциала регионов, что, в конечном итоге, сказывается на качестве человеческого потенциала. В статье представлены результаты самообследования 500 студентов шести ведущих вузов Республики Дагестан в целях выяснения мотивов выбора профессии, степени вовлеченности в учебный процесс, удовлетворенности качеством получаемых профессиональных знаний, заинтересованности в продолжении образования, субъективных предположений о собственном профессиональном будущем и карьерных перспективах. **Метод или методология проведения работы.** В самообследовании, проведенном методом анкетирования, приняли участие 213 юношей и 287 девушек в возрасте 17–25 лет, принадлежащих к 14 национальностям и семьям с различным количеством детей. Эти характеристики важны для многонационального региона с традиционными большими семьями, исторической национальной специализацией в профессиональной деятельности. Опрос позволил проследить формирование образовательных и профессиональных траекторий студентов от принятия решения о поступлении в вуз до окончания школы. **Результаты.** В результате самообследования выяснено, какие факторы влияют на принятие решения о выборе будущей профессии, и выявлены проблемы, с которыми сталкиваются будущие специалисты в начале своего пути. **Область применения результатов.** Результаты данного самообследования могут послужить для усовершенствования профориентационной работы в школах и при вузах, а также для составления программ, нацеленных на раскрытие потенциала молодежи в различных профессиональных областях. **Выводы.** По результатам анализа ответов респондентов, проведенного в данной статье, автор пришел к выводам относительно того, как в общих чертах формируются направления профессионально-трудовой траектории студентов. Условно эти направления разделены на «оптимистичные», «реалистичные» и «пессимистичные». «Оптимисты» не испытывали особых колебаний при выборе будущей профессии, «реалисты» сделали выбор сами или по совету старших, академически серьезны, но не фанатичны. «Пессимисты» не видят перспектив в выбранной профессии на родине и даже рассматривают возможность перейти на иностранные рынки труда.

Ключевые слова: образовательный потенциал, профессиональное самоопределение, образовательные и профессиональные траектории, удовлетворенность качеством образования, молодежь на рынке труда, профориентация.

ALKLYCHEVA UMUKYUSYUM ALKLYCHEVNA

Doctoral Student of FSBIS

“Institute of Social-Economic Problems of Population of the RAS”,
e-mail: au-post@mail.ru

**CAREER GUIDANCE AND SELF-EVALUATION OF THE QUALITY OF EDUCATION:
A SELECTIVE SURVEY OF STUDENTS OF HIGHER EDUCATIONAL
ESTABLISHMENTS OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN**

Abstract. The goal of the study. Personal career planning has the most important significance in the formation of the educational potential of regions, which, in the end, impacts the quality of human potential. The manuscript presents the results of a self-imposed survey of 500 students of

six leading Universities of the Republic of Dagestan held in order to find out the reasons for choosing a certain profession, the degree of involvement in the study process, satisfaction with the quality of professional knowledge received, interest in continuing education, subjective speculations about their own professional future and career prospects. **Method or methodology of completing the study.** 213 young men and 287 young women between the ages of 17-25 of 14 nationalities from families with different number of children participated in this self-imposed survey completed through a questionnaire. These characteristics are important for a multi-national region with traditionally large families, historical national specialization in professional activity. The survey allowed to follow the formation of educational and professional trajectories of students from making a decision about entering the University before they have graduated high school. **The results.** As a result of the self-imposed survey it has been found what factors impact making a decision of choosing the future profession and the problems have been found that future specialists face at the beginning of their journey. **The area of application of the results.** The results of this self-imposed survey may be used to improve the career guidance work at school and Universities, as well as to create programs directed towards finding the potential of young people in different professional spheres. **The conclusions.** Based on the results of an analysis of answers of respondents that was done in this manuscript, the author came to the conclusions regarding how overall the areas of focus of professional-work trajectory of students are formed. These areas of focus are conditionally divided into the "optimistic", "realistic" and "pessimistic" ones. "Optimists" did not feel any specific doubts in choosing their future profession. "Realists" made the choice themselves or based it on advice they got from older people. They are academically serious but are not study fanatics. "Pessimists" do not see any prospects in their chosen profession in their native country, and they are even considering moving abroad joining foreign labor markets.

Keywords: educational potential, personal career planning, educational and professional trajectories, satisfaction with the quality of education, youth in the labor market, career guidance

Введение. Необходимость ориентации современной стратегии образовательной политики в Российской Федерации на активное стимулирование инвестиций в человеческий капитал обусловлена, в первую очередь, тесной взаимосвязью экономического роста и уровня образования. Высокую значимость образования как основного фактора формирования человеческого капитала отмечали Т. Шульц и Г. Беккер [20;21]. Позже в экономической науке выделяется категория интеллектуального капитала, обосновывающая значимость продукта интеллектуального труда и носителей знания как главных ценностей в экономике знаний [22]. Образование рассматривается как очевидная ценность и ресурс, открывающий дорогу к благосостоянию и повышению качества жизни. В результате различные группы молодых людей дифференцированно вовлечены в улучшение своего интеллектуального развития, накопления, расширения и совершенствования необходимых умений и навыков. Знание особенно важно в контексте того, что именно оно определяет образовательную и профессиональную ориентацию молодежи с разным уровнем базовой подготовки [6].

Согласно Докладу о человеческом развитии ПРООН за 2016 г. Российская Федерация находится на 49-м месте в рейтинге, входя в число стран с высочайшим уровнем человеческого развития. Уровень грамотности в России составляет 99,8%, что является одним из высочайших показателей в рейтинге [23].

Образовательный уровень населения Республики Дагестан в его экономически активной части несколько ниже средних показателей по Российской Федерации. Так, 26,2% общей численности населения составляет занятое население, имеющее высшее образование (по Российской Федерации — 27,1%), среднее профессиональное образование имеют 22,2% от общей численности населения (в то время как по Российской Федерации — 26,7%).

В ходе Всероссийской переписи населения 2010 г. было учтено 2004,2 тыс. человек в возрасте 15 лет и старше, имеющих основное общее образование и выше, которые составили 92,1% этой возрастной группы (1650,0 тыс. человек за 2002 г. и 90,0% соответственно). Таким образом, за межпереписной период их численность увеличилась на 21,5%.

По данным ВПН 2010 г., основное общее образование и выше имеют 922 человека из 1000 в возрасте 15 лет и более (в 2002 г. — 895). В Дагестане из 1000 человек населения 6 человек

имеют послевузовское образование, т. е. закончили аспирантуру, докторантуру, ординатуру, их число составило 12,7 тыс. человек. По итогам же ВПН 2002 г. только 3 человека из 1000 человек населения имели послевузовское образование. Таких в республике было 5,1 тыс. человек (табл. 1) [17].

Таблица 1

**Население Республики Дагестан по полу и уровню образования
(на 1000 человек в возрасте 15 лет и более, указавших уровень образования)***

Годы	Имеющие образование											Не имеющие общего начального образования
	профессиональное						общее					
	после-вузовское	высшее	В т. ч. по ступеням			неполное высшее	среднее	начальное	среднее (полное)	основное	начальное	
бакалавр			специалист	магистр								
2002	3	121				47	166	61	324	173	89	16
2010	6	181	27	142	12	57	184	29	319	146	65	13
Мужчины												
2002	3	142				52	171	83	315	165	62	7
2010	6	203	30	161	12	59	185	34	316	140	49	8
Женщины												
2002	2	102				43	162	41	332	181	113	24
2010	5	161	25	125	11	55	183	25	321	151	80	19
Городское население												
2002	5	176				79	205	55	297	128	47	8
2010	9	269	32	221	16	89	229	33	230	95	37	9
Мужчины												
2002	6	192				85	201	66	287	126	33	4
2010	10	295	35	243	17	90	226	36	216	91	30	6
Женщины												
2002	4	162				72	209	45	306	130	60	12
2010	8	246	30	202	14	88	231	31	242	98	44	12
Сельское население												
2002	1	76				22	134	66	347	210	122	22
2010	3	104	23	73	8	30	145	26	395	190	90	17
Мужчины												
2002	2	100				26	146	96	338	197	85	10
2010	3	125	25	91	9	33	150	33	400	181	65	10
Женщины												
2002	1	54				18	123	38	354	222	156	34
2010	3	85	20	58	7	27	141	19	391	198	112	24

* По результатам Всероссийской переписи населения-2010.

Очевидно, что процесс социального и трудового (профессионального) самоопределения каждого человека зависит не только от общественно-экономических условий, но и от самого индивида, его личностных качеств и возрастных возможностей адекватного восприятия социальных преобразований, изменения традиционных норм и ценностей. В этом контексте выбор

профессии трактуется как разрешение конфликта между субъективными предпочтениями человека и внешней социальной средой, влияющей на возможности реализации этих предпочтений. Профессиональное самоопределение может быть рассмотрено как система трех составляющих: выбор профессии – обучение, получение и освоение профессиональных знаний – осуществление профессиональной деятельности. На каждой из этих стадий есть свои проблемы [12].

В настоящее время представители молодёжи оказываются среди самых уязвимых на рынке труда: переход большинства предприятий в руки частных владельцев увеличил требования к уровню профессионализма и опыту работы (трудовому стажу) [15]. Экономическая реформа и коммерциализация высшего образования устранили резервирование рабочих мест для выпускников вузов, но не способствовали повышению качества профессиональной подготовки. В результате после вручения дипломов молодому специалисту без опыта работы и хорошего трудового стажа почти невозможно трудоустроиться [8]. Объективные и субъективные ограничения для выпускников вузов, выходящих на рынок труда, фактическое отсутствие доступа к своей профессии привели к тому, что молодёжь сегодня является одной из самых многочисленных групп среди официально зарегистрированных безработных страны, особенно в регионах и на периферии — на конец августа 2016 г. доля молодёжи среди общего числа безработных составила 27,1% [18]. Исключением являются Москва, Санкт-Петербург, некоторые другие крупные города РФ с развитой инфраструктурой и добывающие регионы страны. Так как скрытые формы безработицы игнорируются службами занятости, то можно предположить, что официальные данные по безработице среди молодёжи сильно занижены. И при этом наибольших значений общее число безработных по федеральным округам (10,2%) достигает в Северо-Кавказском федеральном округе, что, учитывая большую долю молодого населения в республиках Северного Кавказа, позволяет говорить и о большей включенности молодёжи в это число [11].

В такой напряженной ситуации необходимость избрания будущей профессии тяжким грузом ложится на плечи вчерашних школьников. Не всем удается сделать верный выбор, и многие осознают его ошибочность, только столкнувшись с реалиями рыночной экономики. Зачастую, имея расплывчатые представления о том, какие профессии востребованы на рынке труда и какие процессы в нем протекают, молодые люди практически вслепую пытаются найти дорогу во взрослую жизнь [14].

Методы исследования. В целях определения мотивов выбора профессии, степени вовлеченности в учебный процесс, удовлетворенности качеством получаемых профессиональных знаний, заинтересованности студентов в продолжении образования, субъективных предположений о собственном профессиональном будущем и карьерных перспективах было проведено анкетирование среди студентов шести вузов Республики Дагестан: Дагестанском государственном университете (ДГУ), Дагестанской государственной медицинской академии (ДГМА), Дагестанском государственном техническом университете (ДГТУ), Дагестанском государственном педагогическом университете (ДГПУ), Дагестанском государственном аграрном университете (ДагГАУ), Дагестанском государственном университете народного хозяйства (ДГУНХ).

В опросе приняли участие 213 юношей и 287 девушек в возрасте от 17 до 25 лет, из всех городов и некоторых районов республики, представляющих 14 национальностей.

Большинство респондентов (60,4%) — выходцы из многодетных семей: в семьях с тремя детьми воспитаны 40,2% опрошенных, 15,2% в семьях с четырьмя детьми и 5% имеют четверых и более братьев и сестер. Еще 31,6% имеют только одного брата или сестру и 8% являются единственным ребенком в семье (табл. 2).

Однако ответ на следующий вопрос «Какой Вы ребёнок по счёту в семье?» выявил, что только 20% студентов вузов являются третьим и последующим ребенком в семье, и это позволяет предположить, что у многодетных семей не хватает средств на то, чтобы все дети в семье могли получить высшее образование.

Большинство студентов (83,8%) указали высшее и неполное высшее образование как уровень образования своих родителей. Таким образом, большинство студентов получают высшее образование как минимум во втором поколении, меньшая часть студентов (16,2 %) — выходцы из семей, в которых родители не имеют высшего образования.

Таблица 2

Семейная структура респондентов

Количество детей у родителей		Чел.	%
1	Единственный ребенок	40	8
2	Двое детей	158	31,6
3	Трое детей	201	40,2
4	Четверо детей	76	15,2
5	5 и более детей	25	5
Какой Вы по счёту ребёнок в семье			
1	Первый	227	45,4
2	Второй	173	34,6
3	Третий	67	13,4
4	Четвертый	22	4,4
5	5-й и далее	11	2,2
Образование родителей			
1	Высшее	283	56,6
2	Высшее неполное	136	27,2
3	Среднее-специальное	42	8,4
4	Среднее	29	5,8
5	Ниже среднего	10	2
Состоите ли вы в браке, есть ли у вас дети?			
1	Нет, детей нет	460	92
2	Да, детей нет	29	5,8
3	Да, есть ребенок	9	1,8
4	Да, есть двое и более детей	2	0,4

Всего 8% респондентов состоят в браке, и лишь у 2,2% из них есть хотя бы один ребенок. Одна из причин этого — отказ от получения высшего образования особенно после вступления в брак (особенно это характерно для девушек).

Республика Дагестан — многонациональная, здесь проживает свыше 48 национальностей, к каждой из которых можно применить одну из специфических характеристик качества населения, под которыми подразумеваются исторически сложившиеся особенности поведенческих устоев народа: «...немецкая аккуратность, американская деловитость, французская галантность и т. п.» [10]. Исторически для Дагестана была характерна специализация отдельных народностей, жителей некоторых сел на определённых ремёслах, видах деятельности. Сохранившееся стремление к формированию семейно-родственных кластеров можно проследить и сейчас. У этой региональной особенности есть как положительные результаты — династии врачей, учёных, так и отрицательные, главным образом, клановость, которая, в частности, затрагивает сферу образования [2]. Так, некоторые абитуриенты стремятся поступить в определённые вузы, где работают их родственники, односельчане и знакомые, чтобы при возникновении трудностей в ходе учёбы обращаться к ним за помощью.

Эти тенденции легко проследить по результатам опроса. Например, несмотря на то что во всех вузах среди опрошенных оказалось больше всего студентов самой многочисленной в республике аварской национальности, ДГМА оказалась на первом месте по числу студентов-дагестинцев. Среди распределения других национальностей (кумыков, лезгинов, лакцев) также наблюдается неравномерность, которая позволяет допустить подобное предположение. Можно также заметить, что в единственном коммерческом вузе из представленных — ДГУНХ рас-

пределение национальностей в целом равномерное, что может быть обусловлено отсутствием бюджетного конкурса и, следовательно, необходимости задействовать «связи» для устройства в вуз.

Одной из характерных тенденций последних лет является стремительное сокращение доли русских в Дагестане в связи со снижением рождаемости и интенсивным миграционным оттоком в другие регионы России. В то же время среди представителей коренных национальностей наблюдается устойчивый рост численности, как вследствие традиционно высоких демографических показателей, так и вследствие оттока русского населения [19]. В результате этого в структуре населения Республики Дагестан произошли серьезные изменения. Масштабы явления отражает и тот факт, что из 500 студентов, принявших участие в опросе, всего трое русских — почти столько же, сколько и представителей малых национальностей (рутулы, агулы, цахуры, ногайцы) (табл. 3).

Таблица 3

Представленность отдельных национальностей среди респондентов и их распределение по вузам

№	Националь- ность	Всего опрошено чел., % от числа опрошенных студентов конкретного вуза												Всего опро- шено чел., % от общего числа ре- спондентов	
		ДГУ		ДГМА		ДГТУ		ДГПУ		ДагГАУ		ДГУНХ			
		чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1	аварцы	34	27,9	18	22	18	31	19	28,8	30	33	25	30,9	144	28,8
2	даргинцы	24	19,7	21	25,6	14	24,1	14	21,2	15	16,5	15	18,5	103	20,6
3	кумыки	24	19,7	14	17,1	7	12,1	9	13,6	19	20,9	13	16	86	17,2
4	лезгины	14	11,5	9	11	10	17,2	11	16,7	6	6,6	14	17,3	64	12,8
5	лакцы	21	17,2	9	11	4	6,9	4	6,1	9	9,9	12	14,8	59	11,8
6	табасаранцы	2	1,6	4	4,9	1	1,7	3	4,5	3	3,3	2	2,5	15	3
7	азербай- джанцы	0	0	3	3,6	2	3,5	4	6,1	1	1,1	0	0	10	2
8	рутулы	0	0	0	0	0	0	2	3	4	4,4	0	0	6	1,2
9	агулы	0	0	0	0	2	3,5	0	0	1	1,1	0	0	3	0,6
10	русские	2	1,6	0	0	0	0	0	0	1	1,1	0	0	3	0,6
11	цахуры	1	0,8	2	2,4	0	0	0	0	0	0	0	0	3	0,6
12	ногайцы	0	0	1	1,2	0	0	0	0	1	1,1	0	0	2	0,4
13	армяне	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1,1	0	0	1	0,2
14	цыгане	0	0	1	1,2	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0,2
Всего опрошено студентов в вузе		122	100	82	100	58	100	66	100	91	100	81	100	500	100

В ходе обследования была предпринята попытка проследить формирование образовательной и профессиональной траектории студента от принятия решения о поступлении в вуз до момента его окончания. Основная часть анкеты разбита на несколько блоков, в которых сгруппированы вопросы по обобщающим их темам. В первом блоке выявляются мотивы выбора профессии, степень самостоятельности принятия этого решения, представления о том, какой должна быть их будущая профессия (табл. 4).

Ответы респондентов позволяют говорить о том, что средний абитуриент сделал «прагматичный» выбор ещё в школе (40,8%) нацелившись на, по его мнению, востребованную профессию со стабильным заработком (38,2%). Около трети абитуриентов (31,6%) положились на мнение взрослых, чуть меньше одной пятой опрошенных (18,6%) учатся там, куда им позво-

лили поступить результаты экзаменов? и 9% уже к моменту поступления определились с будущим местом работы. Интересно, что почти столько же студентов (9,2%) выбрали вариант «семейная преемственность» как основной мотив выбора профессии. Из опрошенных 500 студентов также чуть больше половины в практически одинаковом соотношении мотивировали свой выбор престижем и возможностью хорошо зарабатывать (26,4%) или ориентировались на перспективность выбранной профессии (26,2%).

Таблица 4

Мотивы и ориентиры выбора профессии

Чем Вы руководствовались при выборе профессии?		Чел.	%
1	Поступали в вуз по целевому набору на конкретную специальность или собираетесь работать у родственников (знакомых)	45	9
2	Определились с выбором профессии ещё в школе.	204	40,8
3	Поступали по совету родственников или знакомых	158	31,6
4	Подавали документы в разные вузы на разные специальности, учитесь там, куда прошли по конкурсу	93	18,6
Чем для вас, главным образом, был обусловлен выбор профессии?			
1	Престиж и высокие заработки занятых в выбранной профессиональной области	132	26,4
2	Высокая востребованность специалистов Вашей отрасли, так называемая возможность «всегда иметь кусок хлеба»	191	38,2
3	Перспективы развития профессии, инновационный характер получаемых знаний	131	26,2
4	Семейная преемственность	46	9,2

Во втором блоке сгруппированы вопросы, относящиеся непосредственно к процессу обучения. Здесь была предпринята попытка соотнести запросы и ожидания в отношении получаемых знаний и серьёзность отношения студента к учебе (табл. 5).

Таблица 5

Степень удовлетворённости качеством получаемых знаний и заинтересованность в процессе обучения

Считаете ли Вы, что:		Чел.	%
1	Учиться необходимо только на высшие баллы, поскольку иначе обучение не имеет смысла	154	30,8
2	Учиться нужно по мере сил, но максимум усилий прилагать только к ключевым предметам специальности	260	52
3	Уделять внимание стоит только специальным предметам, а общеобразовательные можно вообще игнорировать	59	11,8
4	Неважно, насколько серьезно вы будете относиться к учебе, в конечном итоге, значение имеет сам факт наличия диплома	27	5,4
Учебная программа, по Вашему мнению:			
1	Перегружена общеобразовательными предметами	146	29,2
2	Перегружена теоретическими предметами, недостаточно практических занятий	225	45
3	Учебная программа сбалансирована	129	25,8
Полученные знания Вы считаете:			
1	Достаточными для работы и профессионального роста	213	42,6
2	Не имеющими отношения к работе, всему придётся учиться заново	78	15,6
3	Объёмными, но частично устаревшими	92	18,4
4	Недостаточными и нуждающимися в заполнении пробелов	117	23,4
Собираетесь ли Вы получать дальнейшее образование?			
1	Нет, ограничусь степенью бакалавра (специалиста)	67	13,4
2	Да, продолжу обучение в магистратуре (интернатуре, ординатуре)	246	49,2
3	Планирую поступить в аспирантуру, а возможно, и далее	70	14
4	Пока не готов ответить себе на этот вопрос	117	23,4

Как видно, около трети студентов (30,8) нацелены на получение знаний во всей их полноте и, по крайней мере, декларативно стремятся успевать по максимальному количеству предметов. Абсолютное большинство студентов (52%) считают первостепенной успеваемость по специальным дисциплинам, а остальные для них отходят на второй план. Низкую заинтересованность в обучении продемонстрировали 11,8% опрошенных, 5,4% выразили сомнения в необходимости подкрепления диплома соответствующими знаниями.

Содержание учебной программы большинство респонденты считают неудовлетворительным. Так, 29,2% студентов недовольны излишним числом общеобразовательных предметов, 45% ощущают дисбаланс между теорией и практикой и лишь 25,8% удовлетворены содержанием учебной программы. Несмотря на это, уже 42,6% предполагают, что полученных знаний им будет достаточно для применения в работе. Оторванными от реальных рабочих задач полученные знания считают 15,6% будущих профессионалов. Ещё 18,4% респондентов отметили недостаточную актуальность получаемых знаний по профессии. На фрагментарность учебного материала пожаловались 23,4% студентов. В общих чертах распределение мнений подобным образом обрисовывает не самую оптимистичную картину. Несмотря на то что большинство оценивает полученные знания положительно, совокупность отрицательных оценок составила 57,4%.

Некоторое число студентов (13,4%) планирует ограничить свое высшее образование бакалавриатом, однако большинство (49,2%) собираются получать магистерскую степень или проходить ординатуру, 14% уже сейчас изъявляют желание поступить в аспирантуру и 23,4% пока не определились в своем намерении продолжать обучение. Таким образом, несмотря на довольно высокий процент неопределившихся, большинство студентов всё же заинтересовано в получении более высокого уровня образования.

Третий блок вопросов посвящен профессиональным и карьерным ожиданиям будущих выпускников (табл. 6).

Наименее амбициозными оказались 18,2% опрошенных, сделав выбор в пользу исполнительской деятельности. На построение карьеры настроены 30,8% будущих профессионалов. Четверть респондентов планирует связать своё будущее с инновационной деятельностью в выбранной профессиональной области, и ещё 26% предпочли не загадывать на будущее.

Уже смогли найти себе рабочее место 6% нынешних студентов, 34,8% уверены в собственных силах и планируют трудоустройство по окончании вуза. У большинства же всё не так радужно: 21,4% сомневаются в возможности трудоустроиться без протекции, 27,2% даже не представляют, как будут искать работу, и ещё 10,6% опрошенных и вовсе не планируют работать по специальности. Такие неутешительные и во многом противоречащие ответам на предыдущие вопросы результаты говорят о дезориентированности и глубокой неуверенности студентов в реализации своего потенциала на рынке труда.

Важным для будущего как обучающихся, так и страны в целом является вопрос эмиграционных настроений среди студенчества [5]. По результатам текущего опроса, патриотически настроены оказались 42,4% респондентов, и, вместе с планирующими «съездить за рубеж и вернуться» (19,8%), они составляют абсолютное большинство; однако суммарно 37,8% опрошенных предпочли бы жить и работать в другой стране.

Говоря о востребованности выбранной профессии, 7% ответили, что считают свою профессию вымирающей, 41,2% уверены в стабильно высокой востребованности специалистов своей отрасли, 30,2% считают, что высокий спрос на получаемую ими специальность обеспечен её актуальностью, 11,4% опасаются, что темпы развития избранной отрасли опережают получаемые ими знания, а 10,2% студентов в принципе не имеют представления о том, какие профессии востребованы на рынке труда. И вновь вырисовывается противоречивая картина: 59,2% респондентов не верят, что смогут найти работу, но при этом 71,4% не сомневаются в востребованности выбранной профессии самой по себе. Значит, 30,8% опрошенных, будучи уверенными в актуальности своей профессии, вовсе не уверены, что они найдут работу.

Ожидания в отношении профессионального будущего и карьерных перспектив

Кем Вы видите себя в профессии?		Чел.	%
1	Хорошим исполнителем на всём протяжении карьеры. Вам не интересны административные вопросы и исследовательская деятельность	91	18,2
2	Вы собираетесь покорять карьерные высоты, нацелены на руководство и принятие административных решений	154	30,8
3	Вам интересна изучаемая специальность, и Вы хотели бы вести инновационную деятельность	125	25
4	Не имеете конкретных предпочтений	130	26
Как Вы оцениваете возможность трудоустройства по профессии?			
1	Уже работаю по специальности	30	6
2	Смогу самостоятельно трудоустроиться сразу же по окончании вуза	174	34,8
3	Без протекции поиски работы затянутся	107	21,4
4	С трудом представляю, как найду работу	136	27,2
5	Не планирую работать по специальности	53	10,6
Считаете ли Вы, что возможность получать бесплатное образование (за счёт госбюджета) налагает на Вас определённую ответственность перед государством и согражданами и в какой мере?			
1	Я получаю образование в России и буду работать исключительно на благо своей страны и сограждан	212	42,4
2	Меня всегда привлекала возможность учёбы и работы за рубежом, и уже сейчас я интересуюсь программами обмена студентами, но я предполагаю вернуться в Россию и использовать полученные знания в работе на родине	99	19,8
3	Я осознаю, что моё образование оплачивается бюджетом, но допускаю возможность переехать за рубеж, если представится возможность для профессионального и карьерного роста	137	27,4
4	Возможность работы за рубежом для меня предпочтительней	52	10,4
Какое из этих утверждений верно для Вас?			
1	На современном этапе профессия, которой я обучаюсь, относится к категории вымирающих	35	7
2	Моя профессия востребована сегодня и всегда будет востребована без существенных изменений в ней	206	41,2
3	Выбранная мной профессия — сегодня одна из наиболее востребованных в России и в мире	151	30,2
4	Профессия, которой я обучаюсь, существенно меняется каждый год, и я не исключаю, что через несколько лет знания, приобретённые мной в вузе сегодня, окончательно устареют	57	11,4
5	Я не имею представлений о том, какая ситуация сложилась на сегодняшний день вокруг тех или иных профессий, не исключая выбранную мной	51	10,2

Республика Дагестан всегда была и остается трудоизбыточным регионом с большой долей молодёжи [4]. Такое положение на уровне социума характеризуется соответствующими проблемами занятости, а на микроуровне — возникающими проблемами формирования профессионально-трудовых траекторий и построения карьеры [16]. Проведённое исследование позволило составить представление о том, как складываются эти траектории на начальной стадии их формирования, увидеть факторы, влияющие на них на данном этапе, и увидеть общую картину взглядом самих студентов. По итогам исследования по трём группам вопросов вырисовываются направления, которые условно можно разделить на «оптимистичные», «реалистичные» и «пессимистичные». «Оптимисты», к которым были отнесены респонденты, не испытывавшие особенных колебаний при выборе будущей профессии (чем бы ни был продиктован их первоначальный выбор), удовлетворены качеством получаемых знаний и в целом не имеют сомнений в своих перспективах на рынке труда. «Реалисты» выбрали проторенный путь сами или по совету старших, в учёбе серьёзны, но не фанатичны. Полученное образова-

ние оценивают с долей скепсиса, но не видят серьезных препятствий на своём будущем профессиональном пути. К «пессимистам» отнесены студенты, изначально осуществившие свой выбор под давлением, разочаровавшиеся в нём в процессе обучения или неудовлетворенные качеством образования по выбранной специальности в конкретном вузе. Они не видят для себя перспектив в данной профессии, и их беспокоит пугающая неизвестность в будущем.

Разумеется, не всё так плачевно, и возможность выбора жизненной траектории не ограничена стенами альма-матер, многие выпускники находят своё место в профессии и, в конечном итоге, организуют свою жизнь и реализовывают свои профессиональные и карьерные амбиции [3]. Кто-то находит себя совсем в другой области, кто-то руководствуется известным принципом, превращая «лимоны в лимонад». Однако это не снимает ответственности с образовательных институтов, в компетенцию которых входит подготовка молодёжи к выходу на рынок труда [1]. По результатам данного исследования можно говорить о существовании серьезных пробелов профориентационной работы в школах, необходимости построения механизма взаимодействия школа – вузы – рынок труда, который позволил бы молодёжи как можно раньше начать интеграцию в рынок труда и начать формирование своей профессионально-трудовой траектории.

В масштабах региона осуществление такого проекта на практике кажется вполне выполнимым в достаточно краткие сроки, а изобилие технических средств, находящихся сейчас в распоряжении едва ли не каждого школьника и студента, способно значительно облегчить финансовую нагрузку на реализацию подобного проекта.

Литература

1. Алклычев, А. М., Арсаханова, З.А. Инновации и инвестиции : региональный аспект // *Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Общественные науки.* 2013. № 5. С. 66–75.
2. Гаджиев, Д. М. Некоторые особенности криминализации экономических отношений в Республике Дагестан // *Криминология : вчера, сегодня, завтра.* 2016. №2 (41). С. 42–47.
3. Гневашева, В. А., Зоидов, К. Х. Внутригосударственные особенности формирования эволюционной модели рынка труда России в условиях глобализации мирохозяйственных связей // *Международная научная школа – семинар «Системное моделирование социально-экономических процессов» им. академика С.С. Шаталина (29 сен. – 04 окт. 2013 г.), Воронеж.* — Отделение общественных наук РАН, ЦЭМИ РАН.
4. Дохолян, С. В., Дохолян, А. С. Моделирование процессов социально-экономического развития экономических территорий // *Региональные проблемы преобразования экономики.* 2011. № 4. С. 1–21.
5. Дохолян, С. В. Повышение конкурентоспособности экономики региона на основе новых подходов к формированию отраслевой структуры промышленности // *Российское предпринимательство.* 2008. № 8–2 (117). С. 130–134.
6. Зеер, Э. Ф. Профориентология : теория и практика [Текст] : учеб. пособие для высшей школы / Э. Ф. Зеер, А. М. Павлова, Н. О. Садовников. —
7. Кулакова, А. Б. Психологический аспект мотивации учебной деятельности обучающихся в образовательном процессе [Текст] / А. Б. Кулакова. —
8. Магера, И. В. Проблема молодежной занятости и безработицы в контексте несоответствия рынка образовательных услуг и рынка труда // *Современная экономика : проблемы, тенденции, перспективы.* 2012. № 6. С. 1–8.
9. Максимова, И. И. Управление интеллектуальным потенциалом региона : дис. ... канд. экон. Наук. — Пермь, 2010.
10. Рубин, Я. И. Качество населения : о сущности и структуре понятия // *Социологические исследования.* 1998. № 9. С. 87–91.
11. Русановский, В. А., Блинова, Т. В., Былина, С. Г. Молодежная безработица в России : межрегиональные сопоставления // *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета.* 2014. № 5(54). С. 29–35.
12. Сер, Л. Значение профессионального самоопределения вузовской молодежи для развития трудового потенциала российской экономики : *Кадровик. Кадровый менеджмент.* 2007. № 5.
13. Соколова, Д. В., Пеева, А. А. Профессиональная ориентация школьников как фактор развития человеческого потенциала территорий // *Проблемы развития территорий.* 2015. № 3(77). С. 104–113.
14. Устинова, К. А. Взаимосвязь образовательной компоненты человеческого капитала и регионального развития // *Проблемы развития территорий.* 2012. № 5 (61). С. 83–92.
15. Феицено, В. С. Каццель, С. А. Интеллектуальный потенциал региона : рыночные тенденции и проблемы управления // *Вестник Омского университета. Серия «Экономика».* 2005. С. 58–63.
16. Чередниченко, Г. А. Молодёжь после получения среднего образования : образовательные и профессиональные траектории // *Социологический журнал.* 2011. № 2. С. 49–75.
17. Данные Всероссийской переписи населения 2010 г.
18. Занятость и безработица в Российской Федерации в августе 2016 г. (по итогам обследования рабочей силы). — URL : http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d01/194.htm.

19. Народы Дагестана. 2012. № 1. С. 62.
20. Shultz, T. *Human Capital in the International Encyclopedia of the Social Sciences*. — N.Y., 1968. Vol. 6.
21. Becker, Gary S. *Human Capital*. — N.Y. : Columbia University Press, 1964.
22. Stewart, T. A. *Intellectual Capital. The New Wealth of Organizations*. — N.Y. : Currency Doubleday, 1997.
23. *Human Development Report 2016* [Электронный портал]. — URL : <http://hdr.undp.org>.

References:

1. Allyce, A. M., Arsakhanov, Z. A. *Innovation and investment : regional aspect* // *Bulletin of the Dagestan state University. Series 2: Social Sciences*. 2013. No. 5. S. 66-75.
2. Hajiyev, D. M. *Some features of the criminalization of economic relations in the Republic of Dagestan // Criminology : yesterday, today, tomorrow*. 2016. No. 2 (41). P.42-47.
3. Gnevasheva, V. A., Žoidov K. Kh. *Internal features of the formation of evolutionary models of the labor market in Russia in conditions of globalization of world economic relations // international scientific school – seminar "System simulation social and economic processes" them. academician S. S. Shatalin (29 Sep. – 04 Oct. 2013), Voronezh. — Department of social Sciences, Central Economics and mathematics Institute Russian Academy of Sciences*.
4. Dokholyan, S. V., Dokholyan, S. A. *Modeling of socio-economic development of economic regions // Regional problems of transformation of the economy*. 2011. No. 4. S. 1-21.
5. Dokholyan, S. V. *Increase of competitiveness of economy of region on the basis of new approaches to the formation of the sectoral structure of industry // journal of Russian entrepreneurship*. 2008. No. 8-2 (117). P. 130-134.
6. Zeer, E. F. *Proforientacii : theory and practice [Text] : textbook. textbook for high schools / E. F. Zeer, A. M. Pavlov, N. O Gardeners*. —
7. Kulakova, A. B. *the Psychological aspect of motivation of educational activity of students in the educational process [Text] / A. B. Kulakov*. —
8. Magera, I. V. *the Problem of youth employment and unemployment in the context of the mismatch of the educational services market and labour market // Modern economy : problems, trends, prospects*. 2012. No. 6. S. 1-8.
9. Maksimenko, I. I. *Management of intellectual potential of the region. kand. Ekon. Sciences*. — Perm, 2010.
10. Rubin, J. I. *the quality of the population : on the essence and structure of the concept // the Sociological research*. 1998. No. 9. S. 87-91.
11. Rusanivsky, V. A., Blinova, T. V., Bylina, S. G. *Youth unemployment in Russia : interregional comparisons // Bulletin of Saratov state socio-economic University*. 2014. No. 5(54). S. 29-35.
12. Gray, L. *the Value of professional self-determination of University youth to the development of labor potential of the Russian economy : an HR REP. Personnel management*. 2007. No. 5.
13. Sokolov, D. V., Smith, A. A. *Professional orientation of schoolchildren as a factor of human potential development areas // Problems of development of territories*. 2015. No. 3(77). P. 104-113.
14. Ustinova, K. A. *the relationship of the educational components of human capital and regional development // problems of development of the territory*. 2012. No. 5 (61). P. 83-92.
15. Feshchenko, V. S., Koziel, S. A. *the Intellectual potential of the region, market trends and problems of management // the Bulletin of Omsk University. Series Economy"2005*. P. 58-63.
16. Cherednichenko, G. A. *Young people after secondary education : educational and professional trajectories // Sociological journal*. 2011. No. 2. P. 49-75.
17. *Data the national population census 2010*
18. *Employment and unemployment in the Russian Federation in August 2016 (based on labour force survey)*. — URL : http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d01/194.htm.
19. *The Peoples Of Dagestan*. 2012. No. 1. P. 62.
20. Shultz, T. *Human Capital in the International Encyclopedia of the Social Sciences*. — N. Y., 1968. Vol. 6.
21. Becker, Gary S. *Human Capital*. — N. Y. : Columbia University Press, 1964.
22. Stewart, T. A. *Intellectual Capital. The New Wealth of Organizations*. — N.Y. : Currency Doubleday, 1997.
23. *Human Development Report 2016* [online portal]. — URL : <http://hdr.undp.org>.

УДК 330.142.22:336.711.2

РАХМАТОВА ЗАРРИНА ИСЛОМОВНА

старший преподаватель кафедры «Финансы и кредит» Института экономики и торговли
Таджикского государственного университета коммерции, соискатель ФГБУН
«Институт проблем рынка РАН»,
e-mail: zarinalev_83@mail.ru

ЗОИДОВ ЗАФАР КОБИЛДЖОНОВИЧ

научный сотрудник ФГБУН «Институт проблем рынка РАН»,
e-mail: zafar2608@mail.ru

АБДУХАМИДОВА ГУЛБАХОР МАНСУРДЖОНОВНА

старший преподаватель кафедры «Финансы и кредит»
Института экономики и торговли Таджикского государственного университета коммерции,
e-mail: zarinalev_83@mail.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ ОТ УГРОЗ И ВЫЗОВОВ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ¹

Аннотация. Предмет. В статье рассматриваются проблемы обеспечения экономической безопасности банковской системы от угроз и вызовов глобализационных трансформаций в условиях нестабильности национальной экономики. **Цель работы.** Целью данной статьи является комплексное исследование глобализационного процесса и обеспечение экономической безопасности национальной банковской системы в условиях существующих вызовов и угроз глобализации. **Методология проведения работы.** В процессе исследования использованы методы эволюционно-институциональной теории, эконометрического моделирования и аналитической оценки. Методами исследования являются исторический и логические способы познания, общенаучные методы: анализ, научное обобщение, сравнительный анализ. **Результаты работы.** Результат исследования заключается в том, что применен комплексный подход к исследованию механизмов обеспечения экономической безопасности и адаптации национальной банковской системы к условиям усиления процессов глобализации. **Выводы.** В целом, несмотря на то, что глобальные тенденции, носящие как положительные, так и отрицательные аспекты, играют стимулирующую роль в развитии национальных социально-экономических, в том числе банковских, систем. Однако сегодня адаптироваться к этим условиям достаточно сложно, и поэтому формирование новых подходов к построению национальной банковской системы, отвечающих вызовам глобализации, становится одной из стратегических задач современной экономической науки и практики. **Область применения результатов.** В условиях перехода к рыночным отношениям, в результате воздействия глобализации национальная банковская система стала наиболее чувствительна к внешним факторам, что отрицательно отражается на ее деятельности. Исходя из этого материалы данной статьи могут быть применены как самой банковской системой, так и отдельными финансово-кредитными учреждениями при разработке и реализации государственных программ в области развития финансово-кредитных отношений в условиях глобализации.

Ключевые слова: обеспечение экономической безопасности, эволюционно-институциональная теория, банковская система, вызовы глобализации, банковская безопасность, глобализационные трансформации, модернизация.

RAKHMATOVA ZARRINA ISLOMOVNA

Senior Lecturer of the Department of "Finances and Credit" of the Institute of Economics and Trade of Tajik State University of Commerce, External Doctoral Candidate of FSBIS 'Institute of Market Problems of the RAS', e-mail: zarinalev_83@mail.ru

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 15-06-07739а).

ZOIDOV ZAFAR KOBILDZHONOVICH

Research Associate of FSBIS 'Institute of Market Problems of the RAS',
e-mail: zafar2608@mail.ru

ABDOOKHAMIDOVA GOOLBAKHOR MANSURJONOVNA

Senior Lecturer at the Department of "Finances and Credit" of the Institute of
Economics and Trade of Tajik State University of Commerce,
e-mail: zarinalev_83@mail.ru

ENSURING ECONOMIC SECURITY OF THE BANKING SYSTEM FROM THREATS AND CHALLENGES OF GLOBALIZATION TRANSFORMATIONS

Abstract. The subject. The manuscript discusses the problems of ensuring economic security of the banking system from threats and challenges of globalization transformations in the conditions of instability of the national economy. **The goal of the study.** The goal of this manuscript is a complex study of the globalization process and ensuring economic security of the national banking system in the conditions of existing challenges and threats of globalization. **The methodology of performing the work.** In the process of the study we have used the methods of evolutionary-institutional theory, econometric modelling and analytical evaluation. The methods of the study are the historical and logical learning styles, general scientific methods: analysis, scientific summarization, comparative analysis. **The results of the study.** The results of the study are using a complex approach to the study of mechanisms of ensuring economic security and adaptation of the national banking system to the conditions of intensification of the processes of globalization. **The conclusions.** Overall, despite the fact that global tendencies having both positive and negative aspects play a stimulating role in the development of national social-economic, as well as banking systems. However, today it is quite difficult to adapt for these conditions, and that is why forming new approaches to building a national banking system that respond to the challenges of globalization is becoming one of the strategic tasks of the modern economic science and practice. **The area of application of the results.** In the conditions of a transition towards market relations, as a result of the impact of globalization, the national banking system became most sensitive to external factors which is negatively impacted on their activity. Based on this, the materials of this manuscript may be used by both the banking system, and separate financial-credit institutions when developing and implementing state programs in the area of development of financial-credit relations in the conditions of globalization.

Keywords: ensuring economic security, evolutionary institutional theory, a banking system, challenges of globalization, banking security, globalization transformations, modernization.

Введение. Углубление процесса глобализации мировой экономики на текущем этапе развития вынуждает каждое отдельное суверенное государство быть готовым к его вызовам не только на макро, но и на мезо и микроуровнях. В современных условиях глобализационные процессы носят объективный характер и оказывают давление на все аспекты функционирования любого государства, приведение деятельности всех структур и институтов к соответствию внешним условиям, вызывая серьезные изменения в их структуре. Суверенная экономика отдельных стран как часть мирового сообщества также способствует развитию интеграционных, затем глобализационных процессов. В середине XX века в результате расширения межстрановых экономических, социальных и политических взаимоотношений усилилась экономическая взаимозависимость между различными государствами мира, которая впредь стала прогрессивно развиваться, затронув фундаментальные ценности национальной безопасности.

Общеизвестно, что в основе глобализации лежат все процессы взаимопроникновения и взаимодействия, построенные на базе сочетания экономических интересов стран, вошедших в них. Учеными, практиками и политиками стран мира признано, что современный процесс глобализации представляет собой объективный процесс формирования единого всемирного экономического, информационного, финансового, политического и гуманитарного пространства, исходящий от условий взаимозависимости и взаимообусловленности между странами мира. В

результате чего сегодня глобализация носит системный характер и рассматривается как один из этапов развития человеческой цивилизации.

1. Социально-экономическое содержание глобализации и выявление внешних вызовов и угроз, отражающихся на развитии банковской системы

Глобализационный процесс берет свое начало с того времени, когда началась развиваться международная торговля между различными странами мира. Отсюда считается, что первым признаком глобализации является интенсивный рост торговли на основе международного разделения труда. Хотелось бы отметить, что некоторые государства изначально создавали замкнутое пространство в рамках суверенных государств с тем, чтобы в будущем не допустить давления извне. Но, к сожалению, интенсивный ход процессов глобализации всем странам мира не дает возможность создать суверенное пространство, подчиняться только внутренним (национальным) правилам и быть независимым от стран внешнего мира. Научно-технический прогресс, усиление конкуренции, истощение природных богатств в разных странах создали сперва предпосылки, а затем обусловили формирование единой системы хозяйственных отношений на планете Земля.

Глобализационный процесс, кардинально взломав границы и интенсивно развив рыночные отношения, вынудил сформироваться тесным взаимосвязям между национальными экономиками.

Впервые слово глобализация употреблял Карл Маркс в 1850 году, когда он написал: «Теперь мировой рынок существует на самом деле. С выходом Калифорнии и Японии на мировой рынок глобализация свершилась» [4].

Суть термина глобализации была раскрыта также американскими учеными. Например, Т. Левит рассматривает глобализацию как «новую коммерческую реальность, заключающуюся в возникновении глобальных рынков для стандартизации потребительских товаров с такими количественными показателями, которые ранее нельзя было представить [26].

Сформировавшиеся в последние годы мировые рынки, мировые товарно-сырьевые, фондовые, валютные и другие биржи оказывают непосредственное влияние на экономику отдельных суверенных государств, делая многие национальные механизмы и инструменты финансового регулирования бессмысленными, подрывая достигнутый уровень национальной безопасности. Сегодня международные финансовые гегемоны, имея власть, берут на себя управление экономикой отдельных стран в свои руки, превращают национальные финансовые органы в беспомощных наблюдателей. В современной экономической литературе, исходя из того, что процесс глобализации является сложным, многоаспектным процессом, ее рассматривают с двух точек зрения, то есть в узком и широком смысле. В узком смысле глобализация была заимствована от латинского слово Globus, означающего шар, также существует другой вариант: «объемлющий весь земной шар, распространяющийся на весь мир» [6].

В широком смысле слова «Глобализация — это всеобщая международная взаимозависимость стран, фирм и людей в рамках открытой системы финансово-экономических, общественно-политических и культурных связей на базе современных коммуникационных и информационных технологий» [19].

В последнее время термин глобализация по сравнению с интернационализацией хозяйственной жизни стал часто употребляться в научно-практической жизни человеческого общества, а также на международных форумах, конференциях, сообществах. Глобализация международных отношений имеет объективную и субъективную сторону, где объективная сторона охватывает интеграцию и унификацию, а субъективная сторона проявляется в выгодных условиях сторон. По этому поводу отечественный ученый также отметил, что «Глобализация — это одновременно процесс, движимый новыми технологиями в области электронной коммуникации и транспорта, который дает возможность людям, капиталам, товарам и услугам, информации пересекать границы и достигать самых отдаленных уголков планеты с небывалой быстротой» [25].

В экономической науке и практике понятие глобализации трактовалось с разных позиций. Не обращая внимания на них, поскольку они выходят за рамки нашего исследования, здесь приведем одного из наиболее широко распространенного, суть которого заключается в следу-

ющем: «Глобализация подразумевает тенденцию в развитии мирового хозяйства, которая состоит в движении к объединению отдельных стран в будущей единый мировой хозяйственный комплекс, развивающийся по унифицированным социально-экономическим законам» [23].

В современном мире взаимозависимость субъектов экономики еще больше растет, и на этой основе носит ряд новых черт. Локомотивом интернационализации хозяйственной жизни и тенденции глобализации в середине XX века стали индустриально-развитые страны, такие как США, Канада, Австралия, Япония и страны Западной Европы. Далее, к концу столетия, к ним присоединилось и множество стран постсоциалистического пространства, которые открыли свои границы для ведения экономических, финансовых и политических взаимоотношений с другими странами мира. К их числу теперь относятся и бывшие страны постсоветского пространства, включая Таджикистан. Одной из главных последствий глобализации является то, что она сводит центр тяжести стратегической политики с национального на наднациональный уровень.

На сегодняшний день лидирующие места среди стран мира по степени открытости экономики занимают Сингапур, Швейцария и Соединенные Штаты Америки. Наряду с ними сегодня еще больше развивающихся стран все глубже втягиваются в процессы глобализации, не замечая последствий, воздействующих на национальную безопасность. С этой точки зрения можно сделать вывод о том, что степень положительного влияния интернационализации мирового хозяйства на экономики отдельных стран зависит от того, какое место они занимают в мировой экономике.

Среди ученых бытует мнение о том, что наибольшей экономической интерес и выгоду от участия в процессе глобализации получают в основном промышленно-развитые государства, а основная масса развивающихся стран как поставщики сырья и трудоемкой продукции получают относительно меньшие доходы, при этом весьма переменные, зависящие от конъюнктуры на мировых рынках.

Нельзя не отрицать, что глобализация дает определенную экономическую выгоду, обеспечивающую эффективную международную интегрированность, и, несомненно, отражается в деятельности всех социально-экономических систем и институтов. В частности, ее влияние может оказать существенное изменение и в промышленности, сельском хозяйстве, образовании, банковской системе, налогообложении, на рынке труда, капитала и других секторах экономики. В рамках одной работы не представляется возможным рассмотреть всех отмеченных, но здесь, исходя из поставленной задачи, рассмотрим процесс воздействия глобализации на деятельность банковской системы Таджикистана. Конечно, банковская система как составная часть финансовой системы любого государства выполняет роль кровеносных сосудов государственного организма, поэтому она должна соответствовать последним тенденциям развития глобализации мирового хозяйства в целях выхода ее на мировую арену. Как и любая экономическая категория, глобализация имеет положительную и отрицательную стороны, и ее результаты в большей степени отражаются на всем обществе в целом.

В этом плане в экономической науке написано, что «Банковский сектор экономики наиболее чувствителен к внешним факторам, поэтому глобализация оказывает на него сильное влияние. Банковская деятельность в эпоху глобализации существенно изменяется» [21]. Кроме того, автор также отмечает, что причинами, вызвавшими эти изменения, могут быть разными, такими как: «развитие транснациональных корпораций и сети их филиалов во всех странах мира привело к возрастанию их потребности в адекватном банковском обслуживании и спровоцировало появление новых нетрадиционных банковских услуг; нефинансовый сектор экономики, финансовая, банковская системы национальных экономических систем становятся все более унифицированными при работе на внутренних и мировых рынках. Это приводит к сближению правил, регламентирующих внутренние и внешние экономические операции; национальные банковские системы, которые призваны аккумулировать и перераспределять финансовые ресурсы в рамках национальной экономической системы, находятся во всевозрастающей зависимости от международного рынка капиталов, который в эпоху глобализации превратился в самостоятельный фактор развития мировой экономики; на национальную денежно-кредитную политику (то есть на деятельность центрального банка) оказывает усиливающееся влияние растущая экспансия корпораций, транснациональных банков, других финан-

совых институтов на мировом рынке капитала, в том числе в секторе прямых капиталовложений; происходят изменения характера и основных участников конкуренции на банковском рынке. Очень интенсивной оказывается конкуренция с банками-нерезидентами в развитых экономических системах; увеличение доли международных операций в общем объеме банковских операций; изменение структуры доходов, а значит, и "географии экономических интересов" банков; стандартизация банковского надзора» [21].

Однако глобализационный процесс играл положительную роль в мировой экономике и в годы независимости оказал на банковскую систему республики благоприятные воздействия в аспекте получения возможностей увеличения объемов трансграничных операций и притока капиталов. Кроме того, повышенная степень глобализации привела к усложнению банковских технологий, инструментов, зачастую к высоким банковским рискам, угрозам и потенциальным опасностям.

Другими словами, в последние десятилетия усилилось взаимодействие банков с другими секторами экономики не только в рамках национальных экономик, но и среди международных операторов, то есть возникла характерная черта глобального партнерства. Переход на новый этап формации и работу в режиме реального времени создал в этой сфере принципиально новую ситуацию, неподдающуюся воздействию стратегии национальной безопасности и традиционных регуляторов. Необходимо подчеркнуть, что несоблюдение банковской безопасности в связи со сложившимися глобальными диспропорциями в денежно-кредитной сфере заставляют национальные банковские системы наиболее адекватно реагировать на происходящие процессы и работать в контексте трендов мирового развития.

Учитывая глобальную финансовую сферу и усиливающуюся конкуренцию, необходимо подчеркнуть, что тенденции глобализации приносят как положительные, так и отрицательные стимулы в развитие национальных экономических систем. В частности, положительное влияние заключается в росте перелива капитала, дополнительных возможностях для национальных экономик, углублении специализации и международного разделения труда, внедрении новых банковских продуктов и технологий, притоке иностранных банков, а также сокращении транзакционных издержек. Кроме того, появляются благоприятные возможности по созданию новых моделей банковских структур, филиалов или их дочерних структур для выполнения функций, характерных современному развитию мирового общества. В результате финансовый капитал достаточно свободно перемещается с одной национальной экономики на другую и наоборот. Появляются благоприятные возможности по слиянию или поглощению, а также созданию новых банковских структур, филиалов или их дочерних структур для выполнения функций, характерных современному развитию мирового общества.

К негативным последствиям относят: банковские диспропорции и кризисы, разрушение функций финансово-кредитной системы, отток средств со счетов банков, угроза безопасности банков, зависимость финансовой системы от внешних доноров и мирового хозяйства, инфляция и стагнация, социальная напряженность, повышенная степень банковского, в особенности кредитного, риска и т. д.

В условиях перехода к рыночным отношениям в результате воздействия глобализации отечественная банковская система стала наиболее чувствительна к внешним факторам, что отрицательно отражается на их деятельности [2–17].

2. Опыт зарубежных стран по формированию банковских систем в условиях глобализации экономики

Опыт зарубежных стран свидетельствует, что в условиях глобализации финансовые диспропорции на мировых рынках за считанное время могут дестабилизировать сперва банковскую систему, затем всю национальную экономику отдельных стран, даже расположенных друг от друга за тысячи километров. По существу, в условиях назревших перемен в мировой экономике глобализационные процессы формируют определенные вызовы и угрозы, направленные против национальной, в особенности экономической, безопасности для любых стран мира. Здесь рассмотрим действие ряда вызовов глобализации, отражающихся на деятельности банковской системы. Ради справедливости следует отметить, что они заложены в механизмах финансового регулирования глобальной экономики.

К ним относят следующее: необходимость укрепления финансовой устойчивости и эффективного экономического развития банков, формирование справедливой конкурентной среды на финансовом рынке.

Особую тревогу здесь вызывают неготовность и потери собственных функций банковской системы в условиях глобализации, а также разрушение отечественной финансовой системы.

В создании эффективной рыночной экономики с разнообразными формами собственности роль банковской системы велика. Это объясняется тем, что по назначению банки призваны выполнять множество специальных функций. К их числу также относятся перераспределение и мобилизация капиталов, регулирование денежных расчетов, опосредуются товарные потоки, проведение расчетных и кассовых операций, кредитование, инвестирование, хранение денежных средств, — в общем, те услуги, без которых сегодня не обойтись. В этом вопросе мы согласны с Дж. Кейнсом по поводу того, что он сравнивал банковскую систему с кровеносной системой организма, капиталы — с кровью, питающей различные его части. Он считал, что государство, регулируя с помощью банков движение потоков финансовых средств, может воздействовать на национальную экономику и оказывать поддержку тем отраслям, которые отстают от общего развития [20].

Последние десятилетия развития мировой экономики наибольшее признание в деятельности банков получила практика государственного регулирования банков, охватывающих теорию антициклического регулирования (более известного как конъюнктурного) и теорию экономического роста. Основным катализатором и гарантией успеха практического осуществления этих теорий является эффективная банковская политика государства. По этому поводу совершенно справедливо написано, что «финансовая глобализация стирает границы перемещения капитала, делает национальные банковские системы подверженными глобальным экономическим потрясениям. Анализ текущего воздействия факторов устойчивости, а также соблюдение принципов устойчивости является основой создания высокоэффективной национальной банковской системы» [18].

Таким образом, мы подходим к более глубокому пониманию роли банковской системы, то есть к тому, что важнейшая ее задача — создание и функционирование рынка капитала как основного звена национальной экономики, определяющего в целом ее развитие. Кроме того, роль банковской системы как субъекта денежно-кредитных рычагов управления Дж. Кейнсом рассмотрел в контексте решения проблем занятости и инвестиционных процессов [20]:

1. Возможность входа в отечественный банковский сектор иностранного капитала, создающего угрозы зависимости финансовой системы извне. В условиях глобальных экономических событий состояние экономики открытого типа определяет постоянную зависимость национальной экономики от мирового хозяйства. Это связано, прежде всего, с тем, что в условиях глобализации мирового хозяйства, а также либерализации операций с трансграничным движением капитала резко возрастает взаимосвязь валютного, кредитного и финансовых рынков. Поэтому все формы международных экономических отношений требуют от их участников вступления поневоле в современные валютно-кредитные отношения. Весьма характерна и защита покупательной способности национальной валюты, которая неотделима от экономической безопасности страны. Кроме того, глобальный финансовый рынок, сформированный в мировом масштабе, основывается на спросе и предложении денежных ресурсов, которые осуществляются с целью обеспечения капиталом производственных и непроизводственных инвестиций, а также нужд и интересов государства. К сожалению, в середине XX века происходило постепенное снятие ограничений по трансграничным операциям с капиталом, и поэтому угрозы, сказывающиеся в области национальной безопасности, в особенности в области денежно-кредитных отношений, встречаются часто. На сегодняшний день адекватная процентная политика по мере развития необходимого для их проведения инструментария может сказываться на развитии национальной экономики положительно.

2. Рост межстрановых финансово-кредитных отношений, предполагающий разработку новых банковских продуктов и услуг, а также передовых информационных технологий. Большинство глобальных сетей, таких как: Forex, Global Constadien, Swift, которые считаются одновременно и информационными, а также финансовыми сетями, объединяют около десятка миллионов финансово-кредитных институтов, проводя достоверную информацию о деле. Кро-

ме того, расширение круга пользователей глобальной сетью Internet, которая становится основным каналом распространения информации, знаний, идей и продуктов со стороны банковских институтов, способствует тому, что сознание людей все больше выходит из-под влияния национальных политических и государственных институтов. Данная сеть стала управлять основными финансовыми и информационными потоками и определила правила ведения информационно-финансовой системы в мировом масштабе.

Все перечисленные изменения в организации денежного обращения, в первую очередь связанные с возникновением электронных денег, отсутствием регулирования деятельности банков и других компаний, предлагающих услуги по проведению расчетных операций в сети Internet, приносят в организацию банковских систем некоторые элементы «свободы» банковской деятельности. Исходя из этого некоторые экономисты предсказывают предстоящее снижение роли Национальных банков, подрывающих их устои или представляющих для них потенциальную угрозу в организации денежного обращения в стране. Подобные взгляды, в частности, высказывают Б. Фридмэн, Б. Козн, М. Кинг, О. Иссинг, приводя ряд аргументов, в том числе следующие [9]:

- чрезмерная экспансия цифровых денег приведет к возникновению так называемых частных денег, которые смогут обращаться, помимо контроля, вне Центрального банка;
- развитие компьютерных технологий может повлиять на формирование частных систем электронных расчетов, выпускаемых внебанковскими организациями;
- цифровые деньги получат широкое распространение и приведут к тому, что Центральный банк утратит определенное положение в обществе, возникнут двусторонние расчеты между эмитентами электронных денег.

Ежегодно общемировой журнал Forbes проводит рейтинг самых надежных, устойчивых и прибыльных банков по разным параметрам и критериям с целью установления лидирующих позиций крупных банков мира в мировом сообществе. В качестве основных параметров берутся общий объем доходов банка, суммы всех активов и рыночная капитализация банка.

В этом аспекте мы решили также определить и установить лидирующие места крупных мировых банков России и Таджикистана на основе этих вышеперечисленных параметров (см. табл. 1 — табл. 3).

Таблица 1

Крупнейшие банки мира (на 25.04.2016).

№ п/п	Страна	Крупные мировые банки	Год создания	Активы банка (млрд долл. США)	Рыночная капитализация (млрд долл. США)	Общее количество сотрудников
1.	Китай	Industrial and Commercial Bank of China (ICBC)	1984	3616	238	460000
2.	Китай	China Construction Bank Corporation	1954	2939	200	372000
3.	Китай	Agricultural Bank of China	1951	2816	190	497000
4.	Китай	Bank of China Ltd	1912	2629	162	309000
5.	Англия	HSBC Holdings plc	1865	2500	165,5	235000
6.	США	JPMorgan Chase	2000	2449	225	235000
7.	Франция	BNP Paribas	1999	2400	73	189400
8.	Япония	Mitsubishi UFJ Financial Group	2005	2300	131	104900
9.	США	Bank of America	1928	2149	163	213000
10.	Франция	Crédit Agricole	1894	1911	186	101200

Составлено авторами на основе: www.sharkfx.ru (Форекс блог для трейдеров и инвесторов).

Таблица 2

Крупнейшие банки России (на 01.01.2017), российские рубли.

№ п/п	Крупные банки России	Активы банка	Капитал банка	Чистая прибыль
1.	Сбербанк России	22683024956	3143379443	516987788
2.	ВТБ Банк Москвы	9462035421	1017820769	70006585
3.	Газпромбанк	5154059526	689640763	109685090
4.	ВТБ 24	3148754529	295760079	43126123
5.	Банк «ФК Открытие»	2817870773	270351539	14150077
6.	Россельхозбанк	2802482746	395786010	909240
7.	Альфа-Банк	2458447294	357299813	5117577
8.	Национальный Клиринговый Центр	2310056873	46214160	20658141
9.	Московский кредитный Банк	1454783713	141177662	2688705
10.	Промсвязьбанк	1327405045	152675759	12125166

Составлено авторами, источник: [www. Banki.ru](http://www.Banki.ru).

Таблица 2

Крупнейшие банки Таджикистана (на 01.01.2017), сомони.

№ п/п	Крупные банки Таджикистана	Активы Банка	Выданные кредиты	Капитал банка	Прибыль банка
1.	ОАО «Ориенбанк»	2428131211	2061648049	508805860	42731594
2.	ГСБ РТ «Амонатбанк»	2194170274	1105119858	319331963	2809134
3.	ОАО «Банк Эсхата»	1677980345	1022680019	274183854	26037965
4.	ЗАО «Спитамен Банк»	739737214	192793718	79770120	3066915
5.	ЗАО «Казкоммерцбанк»	474699372	43140767	72545397	9265181
6.	ЗАО «Первый микрофинансовый Банк»	461232411	247730807	64785964	(12578290)
7.	ЗАО «Кафолатбанк»	229661643	31588473	62157566	7654084
8.	ЗАО «Международный банк Таджикистана»	188474154	49255435	86562105	4846539
9.	ОАО «Сохибкорбанк»	123876739	34263241	74899570	6630289
10.	Филиал ИРИ «Банк Тиджорат»	100184477	4792566	49253297	(582329)

Источник: официальный журнал Национального банка Таджикистана «Банковское дело, развитие, глобализация» (январь–март 2017 года). — С. 38–43.

Хотя по объему активов ОАО «Агроинвестбанк» находится на первом месте, но в связи с приостановлением его деятельности и назначением временного администратора со стороны Национального банка Таджикистана он пока не входит в число лидеров среди крупнейших банков Таджикистана. По результатам эффективности, рентабельности, быстро развивающимися и охватывающими банковский рынок считаются ОАО «Ориенбанк», ОАО «Банк Эсхата», ЗАО «Международный банк Таджикистана», ЗАО «Казкоммерцбанк».

3. Сущность института национальных банков под воздействием условий глобальной нестабильности

Глобализационные процессы ставят объективные условия по обеспечению экономической и финансовой безопасности, а также необходимости модернизации деятельности всех социально-экономических систем, в том числе и институтов банка. Серьезным достижением в этом плане является расширение оказаний банковских электронных услуг посредством использования возможностей сети Internet. Говоря иначе, все большее использование компьютерных бан-

ковских технологий внесло серьезные изменения в обслуживание денежно-кредитных отношений между хозяйствующими субъектами и ускорили процесс кругооборота финансовых средств в экономической системе. Именно модернизация банковской деятельности под натиском научно-технического прогресса и глобализационных процессов постепенно повышает роль коммерческих банков, нежели Центрального. Среди экономистов бытует единое мнение о том, что все экономические институты находятся в динамике, а это обуславливает необходимость постоянного изучения тенденций их развития. В частности, банковская система стран СНГ, в том числе и Таджикистана, в годы суверенитета прошла определенные этапы формирования и развития с тем, чтобы быть экономически устойчивой и адекватной к требованиям новых рыночных отношений в условиях глобализации [11–17].

В современном глобальном мире развитие банковского сектора неразрывно связано с внедрением новейших технических средств и передовых банковских технологий. В условиях научно-технической революции Таджикистан, как и другие страны Содружества независимых Государств (СНГ), стремятся использовать передовые технологии в банковской сфере для оптимизации и усовершенствования платежной системы. Важным каналом в этой области является покупка новейших технологий по линии международных организаций, в частности, Всемирного банка. Несомненно, по сравнению с развитыми странами Таджикистан обладает новейшими передовыми технологиями недостаточно, но всячески стремится укрепить и завоевать доверие клиентов, изменяя методы и качество обслуживания согласно конъюнктурам рынка услуг.

Рост международного движения труда, капитала, ресурсов и товаров в национальной экономике требует расширения и улучшения ассортимента банковских продуктов. Первопричинами изменения на рынке труда, связанными с глобализацией, выступают дифференциация уровней экономического и социального развития в разных странах, а также невозможность трудоустройства в странах, где наблюдается ухудшающееся экономическое и политическое состояние. Массовая миграция населения для многих государств мира становится острой и стратегической проблемой национальной безопасности, так как выезд за рубеж высококвалифицированных кадров приводит к «утечке мозгов».

На сегодняшний день внутри Таджикистана недостаточно созданы условия для эффективного использования кадров, и поэтому география миграционных потоков из Таджикистана охватывает целый ряд стран, таких как Казахстан, Украина, Китай, Объединенные Арабские Эмираты, Афганистан, США, также масса трудовых мигрантов ориентирована на Российскую Федерацию (97 % всех мигрантов). Мигранты работают в таких областях, как строительство (74,1 % всех мигрантов), торговля (10,8 %) промышленность (4,8 %), сельское хозяйство (5,4 %) и другие секторы (коммунальные услуги, образование и др. — 4,8 %) [1]. При этом типы и секторы занятости мигрантов внутри страны и на выезде сильно различаются. В последнее время в Российской Федерации из-за геополитических и геоэкономических событий последних лет было принято 11 федеральных законов ограничительного характера по отношению к мигрантам. Автоматически это привело к массовому увольнению трудовых мигрантов, работающих в России и, соответственно, негативно отразилось на притоке денежного капитала в Республику Таджикистан через платежную систему SWIFT.

Таджикистан является наиболее зависимой от денежных переводов страной мира, и денежные средства выступают весьма важным и весомым источником повышения уровня и качества жизни населения в стране. В последние годы, то есть с 2006 по 2016 год, они увеличились почти в 8 раз. Например, доля денежных переводов в 2008 году по отношению к ВВП составляла 48,7 %, а в 2016 году из-за нестабильного развития экономики стран СНГ, геополитических и геоэкономических факторов данный показатель составил 27,1 % к ВВП, который снизился на 21,6 %.

Тенденция сокращения объемов денежных переводов трудовых мигрантов в силу сложившихся финансово-экономических кризисов может отразиться не только в нарастании социальной напряженности в обществе, но и в появлении опасности социальных катаклизмов. Кроме того, данные деформации отразятся на экономической безопасности кредитных учреждений, в особенности на кредитно-депозитных ресурсах банков и всей банковской системы в целом. В этом случае должна строиться эффективная система государственного управления в аспекте

углубления и упрочения рыночных отношений, стимулирования наукоемких, инновационных секторов экономики, и она должна направляться на предотвращение повышения уровня социальной, экономической напряженности в обществе. Между тем острота проблем, связанные с ростом нестабильности и неопределенности на внешних финансовых рынках, дали о себе знать в ряде стран, в частности, привели к снижению льготного финансирования со стороны внешних финансовых доноров. Данная ситуация дала возможность Таджикистану использовать внутренний потенциал национальной экономики за счет повышения ее эффективности, то есть возобновить инвестиционную активность.

Необходимость увеличения национального капитала приводит к интеграции банков в мировое финансовое сообщество. В основе экономической интеграции лежит объективный процесс усиления взаимозависимости стран, рост интернационализации экономики. В связи с этим за последнее десятилетие с учетом интенсивного хода интеграционных процессов и под влиянием глобализации во многих странах созданы десятки крупных промышленных, текстильных компаний и тысячи совместных банков, оснащенных самыми современными оборудованием, выпускающими разнообразные ассортименты продукции и услуг. В условиях перехода к принципиально новым экономическим отношениям интеграционный процесс также оказывает огромное влияние на финансовую систему, в том числе и на банковскую. Данное поведение обусловлено рядом причин, однако из числа основных следует выделить задачу привлечения финансовых ресурсов с международных рынков. Однако подобная интеграция невозможна без кардинального преобразования современной банковской системы, разработки концепции и модели национальной банковской системы, адекватной рыночным отношениям.

В Таджикистане имеются различные банки, созданные совместно с национальным и иностранным капиталом. Например, из 18 функционирующих коммерческих банков 12 из них сформированы за счет отечественного финансового ресурса, а остальные 6 коммерческих банков являются или дочерними, или же филиалами иностранных банков.

Сложившиеся условия в мировой экономике, где большинство предприятий находятся на грани банкротства и выживают с трудом, проблема улучшения финансово-экономического состояния предприятий зависит также от внешних финансовых ресурсов.

После приобретения суверенитета Таджикистан, как и другие страны бывшего Советского Союза, поневоле был вовлечен в мировой глобализационный процесс. Основными характерными чертами включенности республики в мирохозяйственные отношения можно аргументировать следующим:

1. Рост привлечения иностранных инвестиций. С установлением мира в Таджикистане были созданы благоприятные условия для привлечения иностранных инвестиций. Ежегодно наблюдается рост притока иностранного капитала. Например, в 2015 году общий объем иностранных инвестиций составили 5056,3 млн США, что на 7,2 % больше по сравнению с 2014 годом [24].

2. Ускоряющийся процесс глобализации неразрывно связан с автоматизацией, внедрением новейших технических средств и передовых технологий во всех отраслях народного хозяйства, в том числе и в банках. Продвижение на рынок новых продуктов и услуг, связанных с поиском инструментов, которые повышают привлекательность банковских услуг, чему способствуют инновации.

3. В Таджикистане, как и в других странах СНГ, в годы суверенитета в целях укрепления локальных, глобальных и национальных экономических интересов активизировались работы ряда международных валютно-кредитных организаций. Различные льготные кредиты и гранты, выделенные международными банками, способствовали развитию банковской системы, отвечающей требованиям стандартов мирового хозяйства.

4. Законодательное закрепление и реализация международных стандартов бухгалтерского учета и аудита (МСФО). Таджикистан, как и другие страны мира, с 2005 года использует нормативные документы, основанные на МСФО, которые конкретизировали положения, определяющие цель, принципы и методические основы организации международной системы учета и отчетности.

5. Рост внешних долгов и либерализация финансовых рынков. Это аргументируется тем, что в связи с недостаточностью финансовых ресурсов Таджикистан был вынужден заимство-

вать их с внешнего мира. Например, внешний долг Республики Таджикистан по состоянию на 1 июля 2016 года составил 2276,4 млн долл. США, что составляет 31,6 % к ВВП, что на 3,7 % выше показателей 2015 года (2194,5 млн долл. США). Данный показатель свидетельствует о том, что небольшое сокращение реального роста ВВП и обесценивание национальной валюты имели значительное влияние на резкое изменение процентного значения долга по отношению к ВВП.

Заключение. Учитывая сложность происходящих процессов в экономической и финансово-банковской сферах мировой и национальных экономик, на наш взгляд, целесообразно схематично продемонстрировать всю палитру глобальных аспектов, которые могут негативно отразиться на фундаментальных ценностях национальной безопасности, одновременно порождая ряд вызовов и потенциальных опасностей, подрывающих устои банковской системы, которые можно представить в следующем виде: рис. 1.

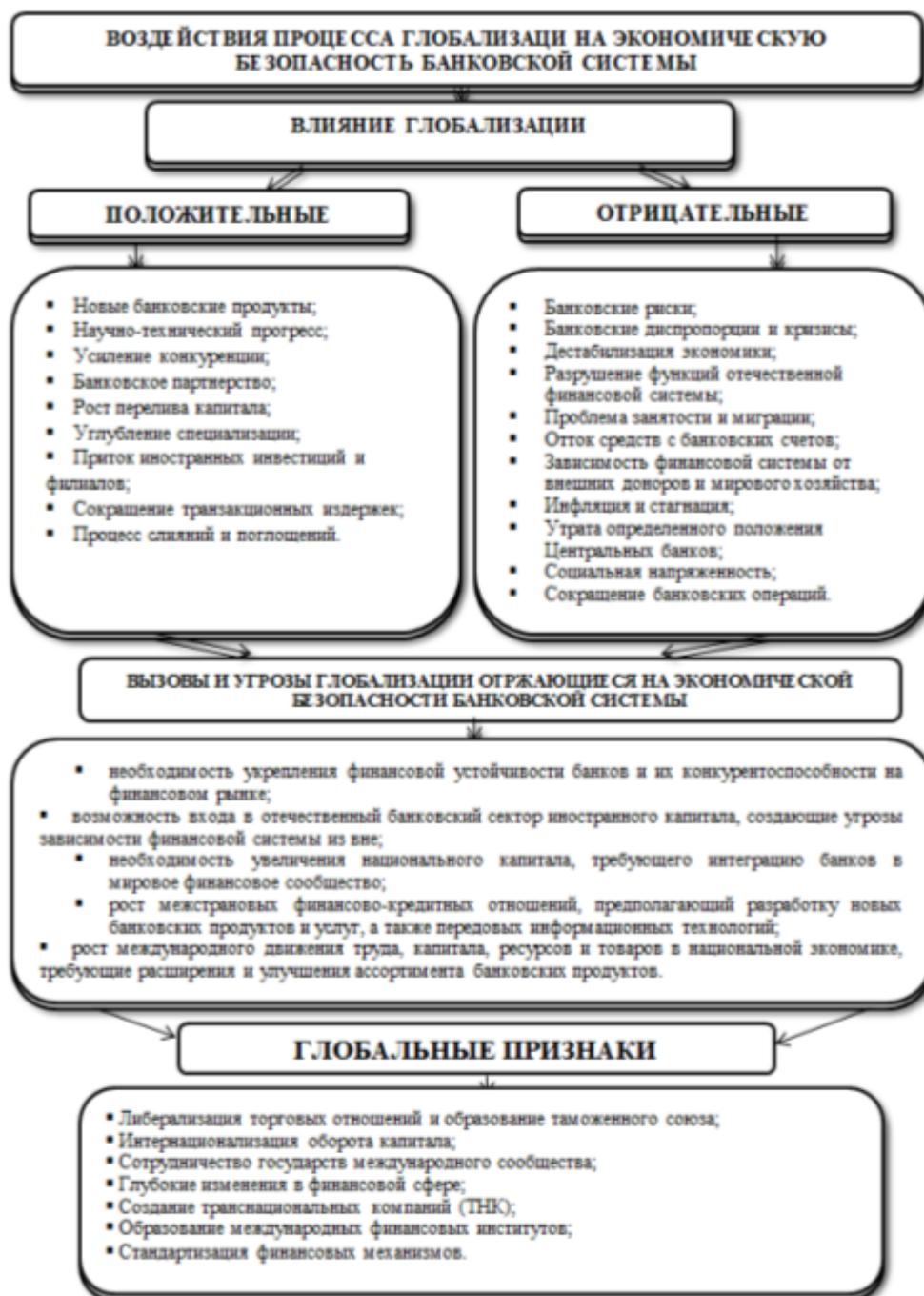

Рис. 1. Глобализация и экономическая безопасность банковской системы.

В целом на протяжении XX века постепенно происходили взаимозависимости и взаимобусловленности различных стран и народов, имея ментальный, территориальный, экономический, информационно-коммуникационный и этнический характер, которые коренным образом поменяли структуру направлений национальной экономики. Признаки глобализационных тенденций отражаются не только в свободном перемещении товаров, но и других необходимых факторах производства, таких как капитал, рабочая сила, услуги. Все эти процессы вносят определенные коррективы в развитие мирохозяйственных отношений и вынуждают многие суверенные государства независимо от масштабов активно разрабатывать стратегии и концепции национальной безопасности в целях удержания устойчивости фундаментальных ценностей национальной безопасности [26–28].

Итак, несмотря на то, что глобальные тенденции, носящие как положительные, так и отрицательные аспекты, играют стимулирующую роль в развитии национальных социально-экономических, в том числе банковских, систем, однако сегодня адаптироваться к этим условиям достаточно сложно. Поэтому формирование новых подходов к построению отечественной банковской системы, отвечающей вызовам глобализации, становится одной из стратегических задач современной экономической науки и практики.

Литература

1. *Asia plus*. 2014. — № 1 (520).
2. Акаев А. А., Зиядуллаев Н. С., Сарыгулов А. И., Соколов В. Н. Прогнозная модель экономической динамики в условиях стагнации с учетом волатильности курса национальной валюты // *Проблемы прогнозирования*. — 2017. — № 3 (162). — С. 34–42.
3. Архипов А., Городецкий А., Михайлов Б. Экономическая безопасность: оценки проблемы, способы обеспечения // *Вопросы экономики*. — 1994. — № 12.
4. Аттали Ж. Карл Маркс. *Мировой дух*. — М.: 2008. — С. 192.
5. Богомолов В. А. Экономическая безопасность: учеб. пособие / В.А. Богомолов М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006.
6. Большая советская энциклопедия. — М.: Советская энциклопедия. — 1970. — № 6. — С. 598.
7. Бочаров О. А. Формирование основ экономической безопасности банковской деятельности: Автореф. канд экон. наук. — М.: 2003.
8. Галикеев Р. М. Финансовая устойчивость банка в свете кризиса 1998 года // *Аудит и финансовый анализ*. — 2000.
9. Грачева М. В. Банковская система в развитых странах: некоторые проблемы цифровых технологий. — М.: Ось-89, 2003. — 96 с.
10. Грунин О. А. Экономика и национальная безопасность России // Тезисы докладов заочной межрегиональной научно-практической конференции // *Национальная безопасность России в условиях глобализации: проблемы и перспективы*. — СПб, ИУЭ. — 2005.
11. Дохолян С. В. Концептуальные подходы к достижению устойчивого экономического развития региона как социо-экономико-экологической системы / С. В. Дохолян, А. М. Садыкова, А. С. Дохолян // *Апробация*. — № 5. — 2015. — С. 60–66.
12. Дохолян С. В. Мотивационный менеджмент на предприятиях машиностроительного комплекса / С. В. Дохолян, К. Г. Асриянц. — Махачкала, Изд-во ИСЭИ ДНЦ РАН 2005. — 200 с.
13. Дохолян С. В. Стратегический подход к формированию и реализации региональной социально-экономической политики // *Экономика и предпринимательство*. — № 9. — 2013. — С. 139–144.
14. Зиядуллаев У. С. Обеспечение национальной экономической безопасности при привлечении средств внешнего заимствования: Автореф. канд экон. наук. — М.: ИПР РАН. — 2016.
15. Зоидов К. Х., Губин В. А., Кондраков А. В., Новоселов М. В. Цикличность эволюции банковской системы России в 1992–2012 годах // *Региональные проблемы преобразования экономики*. — 2013. — № 1. — С. 47–59.
16. Зоидов К. Х., Новоселов М. В., Медников В. В. Влияние и эволюция деятельности зарубежных банков в трансформационной экономике России // *Региональные проблемы преобразования экономики*. — 2013. — № 4(38). — С. 19–29.
17. Зоидов К. Х., Новоселов М. В., Медников В. В. Влияние деятельности зарубежных банков на экономику России. Стратегическое планирование и развитие предприятий. Секция 3 / *Материалы Пятнадцатого всероссийского симпозиума. Москва, 15–16 апреля 2014 г. Под ред. чл.-корр. РАН Г.Б. Клейнера*. — М.: ЦЭМИ РАН, 2014. — 183 с. — С. 65–68.
18. Леонтьев А. Б. Теоретические основы финансовой устойчивости банковской системы / А. Б. Леонтьев // *Вестник Самарского государственного экономического университета*. 2012. — № 6(92). — С. 62.
19. Ливенцова Н. Н. *Международные экономические отношения*. 2-е изд.: М.: ТК Велби: проспект, 2005. — С. 27.
20. Кейнс Дж. Мейнард. *Общая теория занятости, процента и денег*, пер. с англ. А. Г. Милейковского, И. М. Осадчей. — М.: Прогресс, 1978. — С. 274, 233.
21. Самарина Т. С. Банковская система России в условиях глобализации // *Вестник Челябинского государственного университета*. — 2011. — № 31(246). — С. 133.
22. Симонова Ю. С., Зиядуллаев Н. С. Совершенствование международной деятельности российских

банков в условиях интеграции и нестабильности // Проблемы теории и практики управления. — 2016. — № 9. С. 18–28.

23. Соколинский В. М., Корольков В. Е. Экономическая теория. М.: КНОРУС, 2008. — С. 418.
24. Статистический ежегодник Республики Таджикистан. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. Посвященное 25-летию Независимости РТ. — С. 251.
25. Урунов А. А. Единое экономическое пространство. М., ИД «Синергия», 2012. — С. 97.
26. Levitt T. Globalisation of Markets // Global Marketing Management: Cases and Readings /edn. By R.D. Buzzel, Y.A. Quelch, C.A. Bartellet. 3 rd end. J.N.Y.: Addison-Wesley Publishing Company, 1995. P. 15.
27. Alchian, Armen A. Uncertainty, Evolution and Economic Theory // Journal of Political Economy, 1950. Vol. 58. P. 211–221.
28. Nelson R. R., Winter S. J. An evolutionary theory of economic change. M.: Finstatinform, 2000. 474 p.

References:

1. Asia plus. 2014. No. 1 (520).
2. Akaev A. A., Ziyadullaev N. S., Sarygulov A. I. and Sokolov V. N. A predictive model of economic dynamics during stagflation taking into account the volatility of the national currency // Studies on Russian Economic Development, 2017. Vol. 28. No. 3. P. 266–270.
3. Arhipov A., Gorodetskiy A., Mihailov B. Economic security: the honey problem, the methods of the security // Issues of economy. 1994. No. 12.
4. Jacques Attali, Karl Marx. The spirit of the world. M.: 2008. P. 192.
5. Bogomolov V. A. Economic security: textbook a manual / V. A. Bogomolov, M.: YUNITI-DANA, 2006.
6. The great Soviet encyclopedia. M.: Soviet encyclopedia, 1970. No. 6. P. 598.
7. Bocharov O. A. Formation of the foundations of economic security of the banking activity]. candidate of economic sci. Sciences. M.: 2003.
8. Galikeev P. M. Financial stability of the Bank in light of the crisis of 1998. // Audit and financial analysis. 2000.
9. Gracheva M. V. The Banking system in developed countries: some problems of digital technology. Moscow: OS-89, 2003. 96 p.
10. Grunin O. A. Economy and national security of Russia // Abstracts of the correspondence of the interregional scientific-practical conference. National security of Russia in conditions of globalization: problems and prospects. SPb, IWE. 2005.
11. Dokholyan S. V. Conceptual approaches to the achievement of sustainable economic development of the region as socio-economic-ecological systems / S. V. Dokholyan, A. M. Sadykov, A. S. Dokholyan // Testing. No. 5. 2015. P. 60–66.
12. Dokholyan S. V. Motivation management at the enterprises of machine-building complex / S. V. Dokholyan, K. G. Asriyants. Makhachkala, Moscow, ISER DAS RAS 2005. 200 p.
13. Dokholyan S. V. Strategic approach to the development and implementation of regional socio-economic policy // Economics and entrepreneurship P. No. 9. 2013. P. 139–144.
14. Ziadullaev N. C. Ensuring national economic security when raising funds from external borrowing: author. Candidate of economic sci. Sciences. M.: Ypres ran. 2016.
15. Zoidov K. Kh., Gubin V. A., Kondrakov A. V., Novoselov M. V. Cyclical evolution of the Russian banking system in 1992-2012 // Regional problems of transformation of the economy. 2013. No. 1. P. 47–59.
16. Zoidov K. Kh., Novoselov M. V., Mednikov V. V. Impact and evolution of the activities of foreign banks in the transition economy of Russia // Regional problems of transformation of the economy, 2013. No. 4(38). P. 19–29.
17. Zoidov K. Kh., Novoselov M. V., Mednikov V. V. Impact of the activities of foreign banks on the Russian economy. Strategic planning and enterprise development. Section 3 / proceedings of the Fifteenth all-Russian Symposium. Moscow, 15-16 April 2014. Under the editorship of corresponding member RAS G.B. Kleiner. Moscow: CEMI RAS, 2014. 183 p. P. 65–68.
18. Leont'ev A. B. Theoretical bases of financial banking system stability /A.B. Leont'ev // Vestnik of Samara state University of Economics. 2012. No. 6(92). P. 62.
19. Liventsova N. N. International economic relations. 2-e Izd.: M.: TC Welby, prospect publishing house, 2005. P. 27.
20. Keynes John. Maynard. The General theory of employment, interest and money, translated from English. A. G. Myakovskogo, I. M. Osadchaya. M.: Progress, 1978. P. 274, 233.
21. Samarina T. S. Banking system of Russia in conditions of globalization // Bulletin of the Chelyabinsk state University. 2011. No. 31 (246). P. 133.
22. Simonov Yu. S., Ziyadullaev N. With. The improvement of international activities of Russian banks in conditions of integration and instability // problems of the theory and practice of management. 2016. No. 9. P. 18–28.
23. Sokolinsky V. M., Korolkov V. E. Economic theory. M.: KNORUS, 2008. P. 418.
24. Statistical Yearbook of the Republic of Tajikistan. The Agency on statistics under the President of the Republic of Tajikistan. On the 25 th anniversary of Independence of Tajikistan. P. 251.
25. Urunov A. A. the common economic space. M., ID «synergy», 2012. P. 97.
26. Levitt T. Globalisation of Markets // Global Marketing Management: Cases and Readings /edn. By R.D. Buzzel, Y.A. Quelch, C.A. Bartellet. 3 rd end. J.N.Y.: Addison-Wesley Publishing Company, 1995. P. 15.
27. Alchian, Armen A. Uncertainty, Evolution and Economic Theory // Journal of Political Economy. 1950. Vol. 58. P. 211–221.
28. Nelson R. R., Winter S. J. An evolutionary theory of economic change. M.: Finstatinform, 2000. 474 p.

УДК 332.1

ГАДЖИЕВА АЙШАТ ГАМЗАТОВНА

к.э.н., научный сотрудник ФГБУН
«Институт социально-экономических исследований ДНЦ РАН»
e-mail: aishat86.86@mail.ru

КЕРИМОВ САЛИК ГЕРОЕВИЧ

к.э.н., доцент ФГОБУ ВО
«Дагестанский государственный технический университет»,
e-mail: sal072013@mail.ru

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО БЮДЖЕТА ПО ДОХОДАМ

Аннотация. Цель. В статье обоснована необходимость обращения пристального внимания к проблеме высокой дотационности Республики Дагестан: её причины и возможные варианты снижения. **Метод.** В работе проанализированы основные показатели формирования доходной части регионального бюджета, в ходе исследования были использованы методы аналогий и сравнения, ситуационного, системного и статистического анализа, а также экспертных оценок. **Результаты.** В статье проведён анализ современного состояния консолидированного бюджета Республики Дагестан. Рассмотрено формирование доходной части регионального бюджета за счёт отчислений налоговых и неналоговых поступлений. Осуществлена оценка эффективности исполнения собственных доходов региона. Показана связь приращения доходной части бюджета за счёт выведения из «тени» экономики. **Область применения результатов.** Результаты исследования могут быть использованы для совершенствования региональной экономики субъекта на стадии прогнозирования доходов бюджета. **Выводы.** Для Республики Дагестан проблема финансовой зависимости от федерального бюджета стоит очень остро. В 2017 г. регион занимает первое место в стране по данному показателю, в связи с чем требуется детальное рассмотрение доходной части регионального бюджета. Выяснить, насколько налоговый потенциал позволит сократить финансовую зависимость. В исследовании рассмотрены основные налоги, формирующие доходную часть бюджета Республики Дагестан. Также сделана попытка выявления основных проблем собираемости налогов на территории региона.

Ключевые слова: регион, бюджет, налоговые доходы, современное состояние бюджета региона, самодостаточность региона.

GADJEVA AYSHAT GAMZATOVNA

Candidate of Economic Sciences, Research Associate of FSBIS
“Institute of Social-Economic Studies of DSC of the RAS”,
e-mail: aishat86.86@mail.ru

KERIMOV SALIK GEROEVIICH

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of FSEBI of HE
“Dagestan State Technical University”,
e-mail: sal072013@mail.ru

EVALUATION OF EFFECTIVENESS OF FULFILLING THE REGIONAL BUDGET ON INCOME

Abstract. The goal. The manuscript substantiates the need to pay close attention to the problem of a high need for subsidies in the Republic of Dagestan, the reasons for it, and possible options

to reduce this need. **The method.** The manuscript analyzes the main indicators of forming the income side of the regional budget. In this study we have used the methods of analogies and comparison, situational and statistical analysis, as well as expert evaluations. **The results.** The manuscript lists an analysis of the modern state of the consolidated budget of the Republic of Dagestan. We have discussed the formation of the income side of the regional budget from tax and non-tax receipts. We have evaluated the effectiveness of the region's own income. We have shown the connection of adding the income part of the budget from getting the economy out of the shadow. **The area of application of the results.** The results of the study may be used to improve the regional economy of the entity at the stage of forecasting the income of the budget. **The conclusions.** For the Republic of Dagestan the problem of financial dependence from the federal budget is very critical. In 2017 the region is taking the first place in the country for this indicator. In relation with this, it is necessary to discuss in detail the income side of the regional budget. It is necessary to find out how much the taxation potential will allow to reduce the financial dependence. In the study we have discussed the main taxes that form the income side of the budget of the Republic of Dagestan. We have also made an attempt to find the main problems of collecting taxes on the territory of the region.

Keywords: a region, a budget, taxation income, the modern state of the budget of the region, self-sufficiency of the region.

Введение. Обеспечение сбалансированного развития субъектов Российской Федерации, включающее создание эффективной экономики регионов, развитие социальной сферы, устранение диспропорций социально-экономического развития субъектов РФ во многом обусловлено наличием и возможностью формирования и привлечения финансовых ресурсов. Отнесение региона к определенному типу социально-экономического развития показало, что большая часть регионов России зависимы от внешних источников финансирования. Опасением в данной ситуации выступает тот факт, что при условии подпадания под кризисное влияние центра периферия лишается возможности гарантированного финансового обеспечения своих основных социально-экономических блоков. Финансовая зависимость регионов России может обернуться для них плачевным, особенно это касается регионов, социально-экономическое развитие которых находится на среднероссийском уровне [8, с. 50].

Методы исследования. За последние 10 лет сохраняется тенденция роста собственных доходов региона, исключением не является и бюджет на 2017 г. В 2005 г. удельный вес собственного дохода от общей суммы доходов региона составлял 20,8%, в 2016 г. — уже 29%. Несмотря на медленную, но положительную динамику роста доли собственных доходов в структуре бюджета региона, остаётся острым вопрос самодостаточности региона, что доказывает его лидирующие позиции по объёму выделяемых средств на бюджетное выравнивание по стране.

За последние десять лет объём безвозмездных перечислений региону с каждым годом увеличивался, в 2016 г. данная цифра составила 64675,5 млн руб., что больше на 2300,2 млн руб. аналогичного периода 2015 г. На 2017 г. запланировано выделение средств 70716 млн руб. Доходы консолидированного бюджета региона 2016 г. составили 89904,8 млн руб. что больше на 5785,8 млн руб. аналогичного периода 2015 г. [5].

Исполнение бюджета по налоговым доходам 2016 г. составляет 99%, тогда как в 2015 г. данный показатель был равен 82%. Увеличение доходов бюджета на 6% непосредственно связано с выявлением объектов налоговой базы, которые не были своевременно поставлены на учёт.

Особую роль, даже можно сказать ключевую, играет принцип сбалансированности бюджета, который заключается в соответствии доходов расходам бюджета. Казалось бы, основным выходом в данной ситуации является формирование бездефицитного бюджета, но, как показывает практика, подобного очень сложно добиться.

Тогда как страна переживает финансовый кризис, впервые за последние десять лет бюджет РД 2016 г. был закрыт с профицитом. Подобное «явление», иначе его не назовешь, в СМИ окрестили как «чудо». Интересен тот факт, что при таком высокودотационном бюджете (72% в 2016 г.) добились профицита в 2148,4 млн руб. Более того, по прогнозам планируется в 2017

г. также исполнить бюджет с профицитом в 1,6 млрд руб.

Налоговый потенциал региона оценивается в 55 баллов, что соизмеримо 61 месту по стране и приравнивается к группе регионов с низким налоговым потенциалом. Практически все республики СКФО обладают таким же низким налоговым потенциалом, исключение составляет Ставропольский край (17 баллов) [5].

Собственные доходы региона на 99% состоят из налоговых отчислений. За 2016 г. налоговые доходы по Республике Дагестан составили 31311,8 млн руб., что на 3665,9 млн руб. больше, чем в 2015 г. Из них в федеральный бюджет поступило 7481,3 млн руб., в консолидированный бюджет РД в 2016 г. 23830,5 млн руб., что на 13% больше, чем в 2015 г. (см. табл.) [4].

Таблица

Сравнительный анализ поступления доходов в бюджет Республики Дагестан

Наименование налога	Факт 2015	План 2016	Факт2016	% вып.	Рост факта 2016 г. к факту 2015 г. (%)
Всего по консолидированному бюджету РД	20984694	24564880	23830462	97	113
Налог на доходы физических лиц	11 483 345	12 786620	12 193 771	95,4	◆106,2
Налог на прибыль	2 378 603	3 648 005	3 755 748	103,0	◆157,9
Акцизы на алкогольн. продукцию	1 753 579	2 082360	1 806 935	86,8	◆103,0
Налог на имущество юридич. лиц	2 825 355	3 149800	3 099 635	98,4	◆109,7
Налог на добычу полез. ископаемых	27 967	24 793	25 526	103,0	◆91,3
ЕНВД	456 581	508 587	439 241	86,4	◆96,2
УСН	679 875	706 929	768 693	108,7	◆113,1
ЕСХН	22 073	24 171	37 237	154,1	◆168,7
Налог на имущество физ. лиц	129525	162157	146721	90,5	◆113,3
Земельный налог	794892	1 074181	947 366	88,2	◆119,2
Транспортный налог	296977	283100	450 613	159,2	◆151,7
Остальные и прочие налоги и сборы	135922	114177	158976	139,2	◆117,0

Особую роль исполнения бюджета по доходам отводится соответствию фактических сборов устанавливаемым планам [4].

В 2016 г. планы по сбору налогов в консолидированный бюджет Республики Дагестан были выполнены на 97%. Перевыполнение наблюдается по следующим налогам:

- транспортный налог 159,2%;
- налог на прибыль организаций 103%;
- налог на добычу полезных ископаемых 103%;
- упрощенная система налогообложения 108,7%.

По следующим налогам плановые задания не исполнены:

- НДФЛ — 95%;
- налог на имущество физических лиц — 90%;

- земельный налог — 88%;
- акцизы на алкогольную продукцию — 86%;
- единый налог на вменённый доход — 86%.

Сравнивая фактические и плановые показатели собираемости налогов, можно сказать, что за последние 5 лет перевыполнение плана по сбору налогов на территории Республики Дагестан наблюдается только в 2013 г. Представители налоговых органов ссылаются на завышенные планы по сбору налогов, апеллируя тем, что планы, установленные по собираемости налогов в федеральный бюджет, перевыполняются ежегодно.

Три из основных налогов, формирующих львиную долю собственных доходов регионального бюджета, — это федеральные налоги, и только один налог (налог на имущество организаций) является региональным. В суммарном виде эти налоги составляют 86% налоговых доходов региона. Рассмотрим более детально эти налоги [8, с. 48].

При расчете доли налога в доходах бюджета Республики Дагестан наибольший удельный вес отводится налогу на доходы физических лиц (НДФЛ) (51), который относится к основному виду прямых налогов и обеспечивает более половины суммы в формировании собственных доходов бюджета региона. Налогоплательщиками, согласно Налоговому кодексу РФ, признаются физические лица, являющиеся налоговыми резидентами Российской Федерации, а также физические лица, получающие доходы от источников в Российской Федерации, не являющиеся налоговыми резидентами РФ.

Налоговая ставка устанавливается в размере 13% от получаемого дохода, исключение составляют доходы, получаемые со стоимости любых выигрышей и призов, получаемых в проводимых конкурсах, играх и других мероприятиях в целях рекламы товаров, работ и услуг, в отношении этих доходов устанавливается налоговая ставка в размере 35% [1].

Сравнивая показатели поступлений НДФЛ с 2010 г., его объем увеличился с 6,099,749 тыс. руб. до 12,241,167 тыс. Несмотря на то, что за период с 2010 по 2016 гг. численность занятого населения не подвергалась особым изменениям, поступления по налогу на доходы физических лиц возросло на более чем 50%, что связано с увеличением в два раза средней заработной платы за аналогичный период.

Суммы собираемых налогов НДФЛ на 99% состоят из отчислений работников бюджетного сектора, только 1% составляют платежи от индивидуальных предпринимателей, а также иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на территории региона [7, с. 150].

Как было упомянуто выше, план по сбору НДФЛ в 2016 г. на территории РД выполнен на 95%, вследствие чего в бюджет республики не поступило 570,7 млн руб. Финансовый кризис в стране также затронул бюджетную сферу. В 2016 г. в результате недостаточного финансирования учреждений бюджетной сферы более чем на 160 млн руб., снижения оплаты труда в бюджетных учреждениях уменьшились поступления по НДФЛ на 80,6 млн руб., также в результате реорганизации банковской системы не поступило налога на 47,1 млн руб.

Если платежи от НДФЛ бюджетных организаций прозрачны и не возникают вопросов по этому поводу, то с платежами, осуществляемыми индивидуальными предпринимателями, не всё так гладко.

В Республике Дагестан на 2016 г. зарегистрировано 50930 индивидуальных предпринимателей, из них 23199 представили налоговую отчетность, что на 2172 предпринимателя меньше аналогичного периода 2015 г. Более 27 тысяч предпринимателей формируют базу данных, требующую контрольной проверки каждого предпринимателя, на фактическое осуществление предпринимательской деятельности, подлежащей налогообложению в соответствии с Налоговым кодексом РФ. Потенциал пополнения регионального бюджета за счет ревизии данной категории доходов значительный. За 2016 г. в бюджет республики от индивидуальных предпринимателей поступило 37134 тыс. руб. налога. По расчётам на одного предпринимателя приходится 1600 руб. уплаченного подоходного налога в год. Потенциально региональный бюджет теряет более 25–30 млн руб. поступлений в год от индивидуальных предпринимателей.

Поступления НДФЛ от иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на территории Республики Дагестан, также пополняют бюджет региона.

По данным МВД в республике осуществляют трудовую деятельность около 12 тысяч ино-

странных граждан, из них чуть более 6 тысяч человек получили патент на осуществления трудовой деятельности.

Основными проблемами здесь выступают:

- не своевременная постановка на учет иностранных граждан. В 2016 г. было выявлено более 2 тысяч нарушений, связанных с незарегистрированными иностранными гражданами;
- сокрытие факта работы иностранных граждан работодателями, данная проблема также имеет место быть. В 2016 г. было выявлено более 100 нарушений данного характера [3].

Из рассмотренной разбивки состава НДФЛ по Республике Дагестан мы можем сказать, что сокрытие доходов занимает свою весомую нишу по недопоступлению налога. Решение вышеперечисленных проблем в данной сфере непосредственно будет способствовать пополнению регионального бюджета.

Второе место в доходах бюджета занимает налог на прибыль организаций (НПО), его доля составляет 15% от общей суммы налоговых доходов. Поступления от данного вида налога в значительной мере формируют собственные доходы региона, так как 75% налоговых отчислений идут в бюджет субъекта.

Отчисления по НПО условно можно разделить на две категории организаций. Первая включает в себя «консолидированную группу налогоплательщиков», т. е. крупные организации, осуществляющие свою деятельность на территории РД (Газпром, Русгидро, Роснефть и др.). Вторая включает в себя все остальные юридические лица, в т. ч. и обособленные подразделения (филиалы региональных крупных компаний ПК Балтика, Кока-Кола, Пепси-Кола и др.).

На начало 2017 г. количество юридических лиц, которые осуществили налоговые отчисления по НПО, составило 2138, в т. ч. прибыльные организации — 1842, убыточных организаций — 296.

Динамика поступлений от НПО в региональный бюджет неравномерная. Если в 2015 г. поступления составляли 2,7 млрд руб., то в 2016 г. 4,1 млрд руб. Данный прогресс связан с усилением контрольной деятельности налоговых служб по выявлению предприятий, завышающих свои расходы с целью уменьшения налога на прибыль, в т. ч. работа с убыточными предприятиями.

Численность организаций, не представивших декларации в текущем налоговом периоде, составило 2543.

Аналогичная ситуация наблюдается и с третьим по счёту налогом на имущество юридических лиц, которому отводится 13% в общей доле суммарного налогового дохода в бюджете региона.

Проблема сбора налога на имущество наблюдается в сфере капитального строительства. В силу отсутствия инвентаризационной стоимости объекта не осуществляют уплату налога свыше 150 тыс. объектов недвижимости. Из-за присутствия погрешностей в выгрузке данных по объектам недвижимости не было произведено налоговых начислений на сумму около 100 млн руб.

В 2016 г. в данном направлении была проведена работа, которая, в свою очередь, позволила внести в систему сведения о 143485 объектах недвижимости, в т. ч. о 69901 земельных участках и 73584 объектах капитального строительства.

Значимую роль в пополнении регионального бюджета играет налог на акциз алкогольной продукции, который занимает 7% в общей структуре налоговых доходов бюджета.

Из 3543 млн руб. поступивших налогов по акцизам в 2016 г. в федеральный бюджет поступило 1736,1 млн руб., в республиканский бюджет — 1806,9 млн руб. По сравнению с 2015 г. прирост составил 53,4 млн руб.

В Республике Дагестан поступление налоговых доходов по акцизам на 98% складывается из производства алкогольной продукции, а именно: 15 предприятий, производящих алкогольную продукцию на территории региона. Более 34% налоговых доходов по акцизам обеспечивает ФГУП «Кизлярский коньячный завод». 15% ОАО «Дербентский завод игристых вин», 14% ОАО «Дербентский коньячный комбинат».

Говоря о выполнении плановых заданий по сбору налога по акцизам, они выглядят следующим образом. По федеральному бюджету план выполнен на 126,7%, по республиканскому

бюджету на 86,8%. Налоговые органы разъясняют данную ситуацию следующим образом. План по акцизам на 2016 г. в республиканский бюджет составил 2082,4 млн руб., что на 18,8% больше фактических поступлений 2015 г., при том что налоговая база не подвергалась изменениям. Также анализ загруженности производительных мощностей предприятий, производящих алкогольную продукцию, показал, что увеличение поступления налогов по акцизу возможно только при увеличении загрузки производственных мощностей и реализации произведенной продукции.

Мы рассмотрели четыре основных налога, формирующих собственную доходную часть регионального бюджета. Доля местных налогов в общей доле бюджета варьируется от 0,1 до 3%. В данную категорию подпадают: земельный налог — 3,9%, транспортный налог — 1,8%, налог на имущество физических лиц — 0,6%.

Существенное увеличение поступлений в бюджет с 2015 по 2016 г. среди местных налогов наблюдается по транспортному налогу. Так, поступления от транспортного налога по сравнению с 2015 г. возросли на более чем на 150 млн руб.

Основной проблемой собираемости транспортного налога выступает несовершенство формирования баз данных по данному виду налога и отсутствие системы реального взаимодействия ГИБДД МВД по РД с УФНС РФ по РД. База данных транспортных средств подлежит детальной проверке и сортировке. Вследствие совместной работы указанных структур был достигнут положительный результат, что привело к увеличению поступлений по транспортному налогу более чем на 50% по сравнению с 2015 г.

Ставки на транспортный налог устанавливаются в соответствии с Налоговым кодексом РФ и законами субъектов РФ. В соответствии с законом налоговые ставки могут быть увеличены по усмотрению субъектов РФ, но не более чем в десять раз.

Наиболее рентабельные отрасли экономики, обеспечивающие налоговые платежи в бюджет региона выглядят следующим образом. В общей отраслевой структуре по видам экономической деятельности преобладает оптовая и розничная торговля (43%), строительство (31%), обрабатывающие производства (9%). Налоговые поступления от данных отраслей намного отстают от реально возможных. Оптовая и розничная торговля занимает 43,8% в общей отраслевой структуре, тогда как данная сфера обеспечивает поступление налогов лишь на 13%. Большую часть налоговых поступлений обеспечивают предприятия обрабатывающих отраслей промышленности (44%). Несмотря на то что в регионе наблюдается строительный бум, налоговые поступления в данной сфере незначительны. Если в отраслевой структуре строительство занимает более 30%, то в объеме налоговых поступлений им отводится 10,2%.

Остальные отрасли можно охарактеризовать небольшим вкладом в сфере поступления налоговых платежей в региональный бюджет. Такие отрасли, как: сельское хозяйство — 1%, что является мизером для аграрной республики; добыча полезных ископаемых — 7%; транспорт — 0%.

Заключение. Резюмируя вышесказанное, можно утверждать, что за проанализированный период в регионе наблюдается динамика в сторону увеличения поступлений налоговых доходов Республики Дагестан. На сегодняшний день для сокращения дотационности недостаточно полагаться только на увеличение налоговых доходов региона, где бюджет собственных доходов практически формируют три федеральных и один региональный налоги. Сравнивая показатели за последние годы, также можно утверждать, что наблюдается скачкообразное увеличение поступлений по тем или иным налогам, что свидетельствует о наличии своевременно упущенной «налоговой базы» в предыдущие годы, что привело к недопоступлению в бюджет суммы налогов. Косвенно данное обстоятельство служит доказательством присутствия «теневой» экономики в регионе. Борьба с «теневой» экономикой, несомненно, даст положительный результат в сторону приращения собственных доходов региона, но не так существенно, как в совокупности борьба с «теневой» экономикой и развитие других секторов экономики, которые в дальнейшем должны привести к уменьшению финансовой зависимости региона.

Литература

1. Schanne, N., Wappler, R., Weyh, A. *Regional unemployment forecasts with spatial interdependencies* // *International Journal of Forecasting*. 2010. Vol. 26(4). P. 908–926. DOI: 10.1016/j.ijforecast.2009.07.002.
2. Hendricks, W. T. & S. B. *Asymmetric transfer of monetary policy in Europe : Markov-impulse approach* //

- Bulletin of economic integration. Documents of the University of Sejon. 2008. No. 23. P. 786–791. jei.2008.23.4.873 DOI: <https://doi.org/10.11130http://>*
3. http://kavpolit.com/articles/v_dagestane_bolee_10_tysjach_migrantov_prozhivajut-31367/.
 4. www.nalog.ru.
 5. www.budget.gov.ru.
 6. Арсланов, Ш. Д. К вопросу оценки эффективности инвестиций в человеческий капитал // Вопросы структуризации экономики. 2012. № 3. С. 76–78.
 7. Баширова, А. А. Инновационная составляющая сбалансированного развития проблемного региона (на примере субъектов Северо-Кавказского федерального округа) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 11-2. С. 148–151.
 8. Гаджиева, А. Г. Формирование доходов регионального бюджета в условиях его финансовой зависимости // Эволюция современной науки : сб. статей Международной научно-практической конференции. 2017. С. 47–50.
 9. Гаджиева, А. Г. Проблемы функционирования рыночной инфраструктуры в Республике Дагестан // Вопросы структуризации экономики. 2011. № 3. С. 37–41.
 10. Деневизук, Д. А., Гимбатов, Ш. М., Тумсоев, А. Б., Кутаев, Ш. К., Ахмедова, Л. А., Султанов, Г. С., Патлис, В. В., Мартышенко, Н. С., Мартышенко, С. Н. Социально-экономическое развитие на современном этапе : проблемы и направления : монография. — М., 2015. Книга 2.
 11. Кутаев, Ш. К. Современное состояние и тенденции социально-экономического развития субъектов СКФО // Региональные проблемы преобразования экономики. 2013. № 3 (37). С. 95–104.
 12. Петросянц, В. З., Дохолян, С. В. Концептуальные основы стратегии регионального развития // Региональные проблемы преобразования экономики. 2011. № 3. С. 40–50.
 13. Саркисов, Г. И., Магомедов, М. Д., Алексейчева, Е. Ю. Инновационное развитие отраслей народного хозяйства // Экономика и предпринимательство. 2013. № 9 (38). С. 108–112.

References:

1. Schanne, N., Wappler, R., Weyh, A. Regional unemployment forecasts with spatial interdependencies // *International Journal of Forecasting*. 2010. Vol. 26(4). P. 908–926. DOI: 10.1016/j.ijforecast.2009.07.002.
2. Hendricks, W. T. & S. B. Asymmetric transfer of monetary policy in Europe : Markov-impulse approach // *Bulletin of economic integration. Documents of the University of Sejon. 2008. No. 23. P. 786–791. jei.2008.23.4.873. DOI: <https://doi.org/10.11130http://>*
3. http://kavpolit.com/articles/v_dagestane_bolee_10_tysjach_migrantov_prozhivajut-31367/.
4. www.nalog.ru.
5. www.budget.gov.ru.
6. Arslanov, Sh. D. On the issue of evaluation of the effectiveness of investment in human capital // *Issues of structuring the economy*. 2012. No. 3. P. 76–78.
7. Bashirova, A. A. Innovative component of the balanced development of the problem region (on the example of the subjects of the North-Caucasian Federal District) // *Humanitarian, socio-economic and social sciences*. 2014. No. 11-2. P. 148–151.
8. Gadzhieva, A. G. Formation of incomes of the regional budget in conditions of its financial dependence // *Evolution of modern science : a collection of articles of an international scientific and practical conference*. 2017. P. 47–50.
9. Gadzhieva, A. G. Problems of the functioning of market infrastructure in the Republic of Dagestan // *Issues of structuring the economy*. 2011. No. 3. P. 37–41.
10. Denevizuk, D. A., Gimbatov, Sh. M., Tumsoev, A. B., Kutayev, Sh. K., Akhmedova, L. A., Sultanov, G. S., Patlis, V. V., Martysenko, N. S., Martysenko, S. N. Socio-economic development at the present stage : problems and directions : monograph. — M., 2015. Vol. 2.
11. Kutayev, Sh. K. Current state and trends of social and economic development of the subjects of the North Caucasus Federal District // *Regional problems of economic transformation*. 2013. No. 3 (37). P. 95–104.
12. Petrosyants, V. Z., Doholyan, S. V. Conceptual bases of the regional development strategy // *Regional problems of economic transformation*. 2011. No. 3. P. 40–50.
13. Sarkisov, G. I., Magomedov, M. D., Alekseycheva, E. Y. Innovative development of the national economy // *Economics and Entrepreneurship*. 2013. No. 9 (38). P. 108–112.

УДК 061.6:33

БОЛЬШАКОВ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

д.э.н., профессор, кафедра "Экономическая теория и корпоративное управление",
Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,
e-mail: snbolshakov@mail.ru

ПРОМЫШЛЕННЫЕ КЛАСТЕРЫ КАК ПРИОРИТЕТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: ОПЫТ ФИНЛЯНДИИ

Аннотация. *Предметом исследования* является стратегия формирования интеллектуального кластера как драйвера экономического регионального и муниципального развития на примере г. Тампере (Финляндия). *Целью* является анализ организационно-управленческих подходов к реализации стратегических инициатив органов государственной власти, бизнеса и ведущих стейкхолдеров в сфере кластерной инициативы. **Методология.** Методологическую основу работы составили концепции ведущих отечественных и зарубежных экономистов, реализующих неоклассический и институциональные подходы к анализу экономики инноваций и регионального развития. **Результаты.** Выявлено, что сегодня стратегические приоритеты государственной экономической политики должны быть сосредоточены в сфере передовых инновационных технологий, диверсификации экономики и кооперации бизнеса на основе интеллектуальных технологий. Государственная задача состоит в организации сотрудничества и партнёрства между университетами и промышленностью в сфере НИОКР, что доказывает сотрудничество университетов Тампере и финского, мирового бизнеса. Финская практика доказывает, что интеллектуальные исследования и система образования являются базой инновационной экономики, обладают передовыми знаниями и навыками, стимулирующими привлечение инвестиций. **Выводы.** Созданные в Финляндии условия способствуют устойчивому росту национальной экономики, повышению её конкурентоспособности. Институциональные условия стимулирования инноваций являются стимулирующими факторами национального благополучия, в отличие от природно-ресурсных факторов. Бизнес-инкубатор «New Factory», расположенный в Тампере, является победителем в конкурсе «Европейские инновации», ведущим европейским стартап-акселератором и лабораторией по созданию демо-проектов. Многогранная диверсифицированная деятельность по стимулированию инноваций, высокий уровень образования и сотрудничество бизнеса с вузами способствовали росту конкурентоспособности региона. Сформировавшийся инновационный кластер Тампере — это 60000 занятых, 17,9 млрд евро годового оборота, при общей численности региона Тампере 499 тыс. жителей создано 31 000 мест для ведения бизнеса. Доля региона составляет 15% национального бюджета.

Ключевые слова: региональная экономика, экономическая политика, кластер, интеллектуальный кластер, промышленный кластер.

BOLSHAKOV SERGEY NIKOLAEVICH

Doctor of Economic Sciences, Professor, Department of Economic Theory and
Corporate Management, Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin,
e-mail: snbolshakov@mail.ru

PRODUCTION CLUSTERS AS THE PRIORITY OF THE ECONOMIC DEVELOPMENT: THE EXPERIENCE OF FINLAND

Abstract. *The subject of the study* is the strategy of forming an intellectual cluster as the driver of the economic regional and municipal development on the example of the city of Tampere, Finland. The goal is an analysis of the organizational-managerial approaches to implementing strategic initiatives of the governmental authorities, business and leading stakeholders in the sphere

of cluster initiative. **The methodology.** The methodological foundation of the work were concepts of the leading domestic and foreign economists using the neoclassical and institutional approaches to analysis of the economy of innovations and the regional development. **The results.** It has been found that today the strategic priorities of the state economic policy have to be concentrated in the sphere of leading innovative technologies, diversification of the economy and cooperation of business based on intellectual technologies. The state task is in organization of cooperation and partnership between Universities and manufacturing in the sphere of Research and Development which proves cooperation of Tampere Universities and Finnish, world business. The Finnish practice proves that intellectual studies and the system of education are the basis for the innovative economics, have the leading knowledge, and skills that stimulate attracting investments. **The conclusions.** The conditions created in Finland promote sustainable growth of the national economy, improvement of its competitiveness. Institutional conditions of stimulating innovations are stimulating factors of the national welfare as opposed to being from natural resource factors. Business incubator "New Factory" located in Tampere is the winner in a contest "European Innovations", the leading European startup accelerator and a laboratory creating demo-projects. A multi-faceted diversification activity on stimulating innovations, a high level of education and cooperation of business with Universities helped with the growth of competitive ability of the region. The innovative cluster that formed in Tampere meant 60000 employed people, 17.9 billion Euros of annual turnover. At the total population in the region of Tampere staying at 499 thousand residents, there were 31000 spots created for business activities. The share of the region is at 15% of the total national budget.

Keywords: the regional economy, the economic policy, a cluster, an intellectual cluster, an industrial cluster.

Введение. Анализ тенденций экономического развития Финляндии позволяет отметить, что последние 10 лет отмечались достаточно устойчивыми тенденциями развития, активности промышленных кластеров. Процессы широкомасштабного дерегулирования, в т. ч. на ведущем для финской экономики рынке телекоммуникаций, позволили информационно-телекоммуникационному кластеру Финляндии воспользоваться преимуществами того, чтобы стать мировым лидером в научно-инновационных и образовательных стандартах.

Гибкость финской экономики и её адаптивность к внешним и внутренним вызовам способна, по мнению правительства Финляндии, вывести на новую траекторию экономического развития, оправиться от экономических проблем, которые нанесли определённый удар по её международной репутации в октябре 2015 г., когда рейтинговое агентство «S & P» понизило свой экономический прогноз от статуса AAA до AA + на основе оценки показателей сокращения экспорта, старении населения и сокращения рабочей силы. Вследствие того что доминирующая корпорация «Nokia» в 2014 г. реализовала сделку по продаже бизнеса «Microsoft», экономика Финляндии подвергается большему воздействию глобальных тенденций экономики, чем любая другая страна еврозоны, к падению спроса со стороны России ввиду санкций ЕС.

Показатели повышения конкурентоспособности экономики Финляндии ежегодно подтверждаются в ведущих международных рейтингах. Так, Международный институт управления в своём «Ежегоднике по конкурентоспособности в области развития (IMD)» ставит на второе место Финляндию по уровню конкурентоспособности экономики в мире после США [11].

Традиционно индекс лёгкости ведения бизнеса по данным ведения бизнеса в Финляндии является достаточно устойчивым и испытывает на себе незначительные колебания в зависимости от конъюнктурных факторов (рис. 1).

Показателем макроэкономической стабильности Финляндии является её наивысший рейтинг AAA по оценкам мировых рейтинговых агентств «Fitch Ratings», «Moody's и Standard & Poor's». Например, Финляндия в глобальных рейтингах занимает первое место в позициях: здравоохранение и начальное образование; высшее образования и подготовка; доступность ученых и инженеров; права собственности и защита прав интеллектуальной собственности; защита интересов миноритарных акционеров; второе место — инновации; качество образовательной системы; степень подготовки персонала [11].

Рис. 1. Индекс легкости ведения бизнеса в Финляндии
(по данным Trading Economics Application Programming Interface (API))

Правительство Финляндии сосредоточило усилия в формировании благоприятной деловой среды для бизнеса, обеспечению успешного взаимодействия частного и государственного секторов ИТ-индустрии.

Основопологающим условием, определяющим устойчивый уровень промышленного сектора и экономики производственных отраслей, является стратегия проецирования экономической динамики бизнеса на качество национальной бизнес-среды [3]. Майкл Портер, крупнейший специалист в области конкурентоспособности и методолог международного индекса конкурентоспособности, отмечает, что для повышения конкурентоспособности национальный бизнес должен перейти от конкуренции, основанной на сравнительных преимуществах (низкой стоимости рабочей силы или природных ресурсов), к конкуренции, связанной с инновациями, уникальными продуктами и услугами [8]. М. Портер был одним из первых экономистов, который подчёркивал, что кластеры являются ключевыми агентами национального экономического развития, его отраслевыми драйверами [18]. В Финляндии кластерная политика экономического развития видится идеальным соответствием стратегических задач и инструментом диверсификации — от экономики лесной и металлургической промышленности к новым высокотехнологичным отраслям ИТ-индустрии.

Методы исследования. В 2012 г. валовые расходы Финляндии на НИОКР составили 3,6% ВВП (рис. 2), что ставит Финляндию наравне со странами, имеющими аналогичный высокий международный уровень, с развитой экономикой, такими, как Япония (3,3% расходов на НИОК от ВВП) и США (2,8%). Экономика Финляндии преодолела спад и кризис 2009–2010 гг.

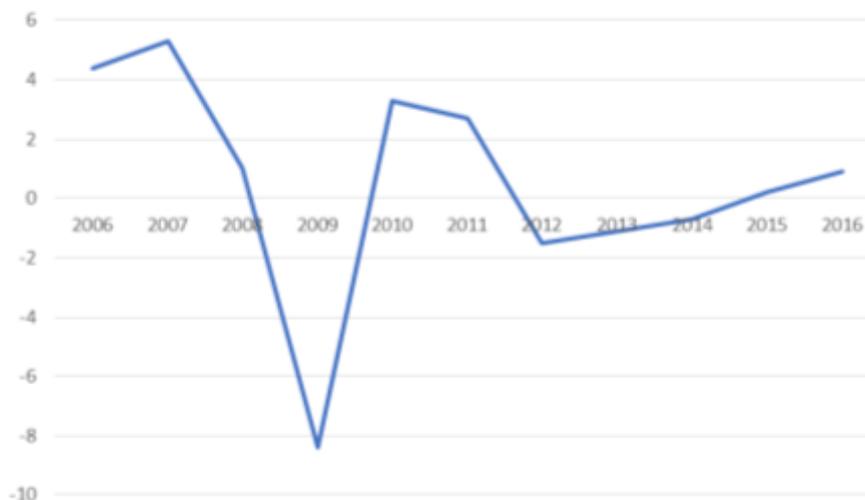

Рис. 2. Темпы роста ВВП Финляндии, %

Источник: CIA World Factbook

Совет по исследованиям и инновациям Финляндии является ответственным органом государственного управления для решения задач в области стратегического развития ИТ-индустрии. В принятых «Руководящих принципах исследований и инновационной политики на 2011–2015 гг.» расставлены соответствующие стратегические приоритеты государственной политики, а именно: а) определение приоритетности ресурсов в соответствующих областях (например, содействие научным исследованиям и патентным заявкам); б) создание благоприятной инновационной среды путём модернизации исследовательских инфраструктур и улучшения качества образовательной среды и исследований в университетской среде; в) укрепление человеческого капитала путём проектирования профессиональной карьеры для научных сотрудников, исследователей и привлечения иностранных студентов и экспертов. Совет по исследованиям и инновациям Финляндии вместе с правительством Финляндии поставил перед собой целью увеличить расходы на НИОКР до 4% от ВВП Финляндии к 2020 г. в качестве дополнительной меры укрепления инновационного потенциала страны [10].

В Финляндии правительство приняло за основу кластерный подход к объединению усилий региональных властей в области НИОКР в единую сеть инноваций, стимулируя региональные сообщества путём налаживания сотрудничества между университетами, научно-исследовательскими институтами и бизнесом. Нельзя не отметить две важных инициативы правительства Финляндии по развитию ИТ-индустрии и стимулированию региональной конкурентоспособности — это единый Центр экспертизы и активно действующая программа, направленная на муниципальный уровень экономики, «Программа инновационных городов» (INKA) [4].

В рамках принятой программы «ИНКА», которая финансируется совместно правительством Финляндии и региональными властями, были определены пять приоритетных национальных тем: биоэкономика, кибер-безопасность, инновационные разработки городов и промышленный рециклинг, здравоохранение и устойчивые энергетические решения. Нельзя не отметить усилия органов власти по поощрению участия частного сектора бизнеса в стимулировании инвестиционных вложений бизнеса Финляндии в ИТ-индустрию, его усилия оцениваются в 69% валовых расходов на НИОКР Финляндии в 2012 г.

Основой методологии кластерного подхода является стимулирование создания цепочки добавленной стоимости, когда кластеры являются основными стратегическими целями развития промышленности и технологий. Эффективно функционирующие сети в кластерах являются естественными результатами рационального поведения само-интегрирующихся фирм, производителей сырья, поставщиков комплектующих и работодателей, исследовательских фирм и проектно-инновационных лабораторий [5,7]. Межотраслевая торговля и плотность связей в кластере показывает, как эффективно используются в процессе факторы производства, насколько глубоко каждая отрасль связана с другими секторами финской промышленности.

Экономика Финляндии всегда отличалась активностью во внедрении передовых технологий в индустриальный сектор экономики, развитии промышленного сектора экономики, который традиционно является особенностью национальных экономик многих передовых экономик мира. Финский производственный сектор по-прежнему является двигателем роста национального ВВП, поскольку его способность активизировать рост за счёт экспортных рынков способствует росту доходности ряда секторов экономики, способствует обновлению структуры производственных секторов и созданию индустрии технологических инноваций [7].

Именно эта кластерная инновационная стратегия позволила Финляндии достичь передовых показателей в международной конкурентоспособности, и кластер, который больше всего выиграл в этой глобальной конкуренции, — информационно-коммуникационный кластер. В 2000-е гг. кластер в основном сосредоточен вокруг корпорации «Nokia», которая в 2001 составляла 2,8% ВВП Финляндии и 47% всех инноваций и НИОКР частного сектора [1, с. 2].

Доля информационно-телекоммуникационного кластера в ВВП Финляндии выросла с 4 до 10% в 1990-х гг., в 2000-е гг. финская экономика смогла создать условия для привлечения крупных технологических компаний и стимулировать последних к активной научно-исследовательской деятельности. В частности, «Ericsson» создала центр исследований и разработок в 2012 г., ориентируясь на перспективное развитие мобильных сетей, «Fujitsu» через свое совместное предприятие «Nokia Nice-Business Solutions» специализируется на разработке

мобильных приложений. Крупнейшая компания в мире «Intel» имеет подразделения по разработке продуктов в городах Эспоо и Тампере, «IBM» создала собственный инновационный инкубатор в 2011 г.; «Huawei» последовала по данному примеру корпораций и в 2012 г. вложила инвестиций в размере 70 миллионов евро для создания центра, ориентированного на разработку программного обеспечения для смартфонов, планшетов и мультимедийных устройств [9].

В среднем экономическая оценка финской ИТ-индустрии оценивается в 9,5 млрд долл. США; в данном секторе финской экономике занято 55 000 человек, и ИТ-индустрия демонстрирует постоянную способность достаточно гибко адаптироваться к новым технологиям, облачным технологиям и программному обеспечению, контентным приложениям.

Нельзя не отметить усилия региональных и муниципальных властей Финляндии по поддержке традиционно устойчивых торгово-экономических связей с Россией, роста приграничного сотрудничества.

Основными направлениями научных исследований в Финляндии являются лесная промышленность, металлургическая промышленность и индустрия информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

Другие области исследований включают:

- биотехнологию;
- продукты питания и сельское хозяйство;
- нанотехнологии;
- материалы и новые технологии производства.

Регионы, такие, как Тампере, находятся в центре этого процесса, движения к более инновационной экономике, ориентированной на прикладные навыки и передовые технологии. Значительное количество иностранных инвесторов и партнёров, таких, как «Intel» и «Qualcomm», активно инвестируют в экономику Тампере. Местные высокотехнологичные компании, например, компании по дата-менеджменту «M-Files» и «Jolla» в 2015 г. привлекли 1 млн долл. инвестиций США, способствуя активному росту информационно-телекоммуникационного кластера, привлекая внимание бизнеса в данный сектор экономики [10].

Специализированный бизнес в области создания игр для мобильных телефонов, такой, как «Jukka Kortnesniemi», является жизненно важным ресурсом для муниципального экономического развития. Например, в Университете Тампере в рамках направления подготовки в области ИТ-технологий и Интернета изучают в рамках магистерских программ индустрию мобильных игр, их социальный смысл и качества процесса.

В 2016 г. финская индустрия разработки мобильных игр установила рекордный оборот в 2,5 млрд евро. Годовые темпы роста оборота составляли 4% с 2015 по 2016 г. Количество занятых в индустрии мобильных игр неуклонно растёт, и у компаний есть положительные ожидания от прогноза экономической конъюнктуры. Новые игровые технологии и платформы увеличивают темпы роста. Около 20% занятых в секторе индустрии мобильных игр являются иностранцами [10].

В Технологическом университете Тампере ведутся совместные проекты в области программного и аппаратного обеспечения. Муниципальная экономика значительно выигрывает от результатов комплексного технологического развития.

Формируемый кластер интеллектуальных технологий — это формирование производственного сектора, сосредоточенного на активном вовлечении в процесс интеллектуальных машин — машин и машинных систем, добавленная стоимость которых обеспечена информационными технологиями, электроникой, программным обеспечением и коммуникациями. Кластер интеллектуальных технологий Тампере стремится отвечать перспективным требованиям в отраслях машиностроения путём развития технологий, бизнес-моделей, инновационной среды, конкурентоспособности и эффективности. Официальный кластер ФРГ в области машиностроения «OstWestFalenLippe Maschinenbau» выбрал кластер интеллектуальных технологий Тампере в качестве своего первого международного партнёра (рис. 3).

Рис. 3. Контур кластера интеллектуальных технологий г. Тампере (составлено автором)

В регионе Тампере сосредоточено большое количество компаний, специализирующихся на предоставлении систем и продуктов для интеллектуальных технологий в сотрудничестве с ведущими на рынке компаниями, субподрядчиками, специализирующимися на специальных услугах в области интеллектуальных технологий: гидравлика и электроника, технологическое проектирование, программное обеспечение, силовая передача.

Перечислим ведущие предприятия на рынке региона и муниципалитета Тампере (табл.).

Таблица

Ведущие предприятия, представленные на рынке и работающие в регионе Тампере (Финляндия), 2016 г.

Наименование	Описание	Доля мирового рынка, в %
AGCO POWER	Крупнейший в мире производитель дизель-генераторных установок и дизельных насосных станций. Компания поставляет 50% дизельных двигателей для крупнейшего в мире производителя с/х техники AGCO	50
AVANT TECNO	Ведущий производитель малых и средних многофункциональных погрузчиков, доля на рынке мини-погрузчиков	40
BRONTO SCYLIFT	Лидирующая в мире компания по выпуску гидropодъёмников, предназначенных для пожаротушения и спасения людей — 60%	60
CARGOTEC	Лидирующая в мире компания в области решений для обработки грузов на земле и море. Доля на рынке погрузочного оборудования для контейнеров — более 50%	50
FASTEMS	Крупнейший в мире поставщик систем автоматизации для машиностроительной промышленности. Доля на рынке многоуровневых гибких производственных систем — 70%	50
GLASTON	Ведущая компания в области разработки технологий обработки стекла. Доля на рынке бесосколочного стекла — 40%	40
JOHN DEERE	Ведущая компания по разработке, производству, распределению лесозаготовительного оборудования. Доля на рынке оборудования для лесозаготовки — 30%	30
METSO AUTOMATION	Лидер на рынке решений для автоматизации целлюлозно-бумажной промышленности, доля на мировом рынке — 15%	15
METSO MINING AND CONSTRUCTION	Ведущий поставщик технологий и услуг для горнодобывающей промышленности и строительства, доля на рынке мобильных дробильных установок — 15%	15
SANDVIK	Предлагает широкий спектр оборудования для ведения открытых и подземных горных работ, геологической разведки, транспортировки горной массы — 35%	35

Тампере и другие финские регионы также все больше сосредотачиваются на стимулировании индустрии промышленных программных приложений, интеллектуальных разработках. Местная технологическая индустрия достигает экономической оценки в 9 млрд долл. США в год и насчитывает занятых 34 000 человек в почти 3000 компаниях. Крупная компания в сфере логистики «Cargotec» перенесла центр технологий в сфере моделирования портов в Тампере, подчёркивая, что сочетание опыта, навыков в области производства и ИКТ, а также активность местной исследовательской среды создают уникальные условия для развития бизнеса [10,9].

Выводы. В заключение нельзя не отметить, что Тампере занимает центральное место в развитии мобильных технологий «Nokia» благодаря участию исследований и образовательной среды, сложившейся в местных университетах. Управляющая компания «Hermia New Factory», расположенная в Тампере, является важной частью локальной технологической сети, предоставляя базу для начинающих и студенческих проектов и инноваций, аккумулируя исследовательский ресурс для компаний, нуждающихся в инновационных партнёрах.

Международный опыт показывает, что не существует единых правил, по которым можно выстроить эффективную стратегию развития регионов. Здесь все зависит от внутренних факторов и внешних условий: для одного региона подходит монопрофильная модель, для другого нужно искать диверсифицированные подходы. С финансовой точки зрения это очевидным образом снижает экономические и социальные риски. К тому же все отрасли живут разными циклами, и, для того чтобы экономика была стабильной, необходима диверсификация, вопрос — какая. Многие зависят от региональных и муниципальных органов власти.

Фаза структурной перестройки экономики во многих странах уже завершается, интересна тем, что старые источники роста не работают, а новые ещё не сформировались. Экономика проходит через десятилетнюю или пятнадцатилетнюю депрессию, в ходе которой совершается отток капитала из устаревших производств в производство нового технологического уклада.

Страны, которые отстают и ждут, пока из-за рубежа не придут новые технологии, вынуждены довольствоваться политикой догоняющего развития, тратя природную ренту на оплату интеллектуальной ренты, которая формируется у стран-лидеров. Поэтому простой в фазе структурной перестройки чреват очень серьёзным отставанием в дальнейшем.

Если говорить о политике устойчивого роста, то сегодня уже видны контуры нового технологического уклада. Пройдёт ещё 3–4 года, и технологическая революция в экономике приведёт к появлению совершенно другой структуры спроса, приведёт к необходимости поиска новых драйверов экономического роста, перехода к инновационным кластерам в экономике.

Литература

1. Ali-Yrkko, J., and Raine, H. *Nokia in the Finnish innovation system* // Discussion Paper. No. 811. — Helsinki : ETLA (The Research Institute of the Finnish Economy), 2002.
2. Большаков, С. Н. *Экономическая политика в России : факторы и показатели* / S.N. Bolshakov, Y.M. Bolshakova // *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. — Romania, 2016. № 6. С. 7–12.
3. Cornelius, Peter K., Blanke, J. and Paua, F. *The growth competitiveness index : Recent economic developments and the prospects for a sustained recovery* // the World Economic Forum's Global Competitiveness Report 2002-2003. — Oxford: Oxford University Press, 2002.
4. *Innovation and technology industry in Finland. Legislative Council Secretariat FSC41/13-14*. — URL : <http://www.legco.gov.hk/research-publications/english/1314fsc41-innovation-technology-industry-in-finland-20140902-e.pdf> [дата посещения 05.06.2017].
5. Luukkainen, S., Niininen, P. *Technology Intensive Services and National Competitiveness* // VTT Group for Technology Studies Working Papers. 2000. No. 46.
6. Niininen, P. *Effect of Publicly and Privately Financed R&D on Total Factor Productivity Growth* // *Finnish Economic Papers*. 2000. Vol 13. No 1. P. 56–68.
7. Pentikäinen, T., Luukkainen, S. *Trade-flow Based Industrial Clusters in the Finnish Economy — Growth Through National Synergies* // *Outline version for the OECD Cluster Focus Group Workshop 8-9.5. 2000*. P.17.
8. Porter, M. *Building the microeconomic foundations of prosperity : Findings from the microeconomic competitiveness index* // the World Economic Forum's Global Competitiveness Report 2002–2003. — Oxford : Oxford University Press, 2002. P. 23–45.
9. *Research and Innovation Policy Guidelines for 2011–2015*. — URL : Available from: http://www.tem.fi/files/30413/Research_and_Innovation_Policy_Guidelines_for_2011_2015.pdf [дата посещения 05.06.2017].
10. Semple, A. *ICT hubs like Tampere offer a unique mix of skills, research and innovation* // *Site selection magazine*. Aprile. 2015. — URL : <http://siteselection.com/ssinternational/2015/apr/industry-clusters.cfm>

[дата посещения 05.06.2017].

11. *The Finnish Innovation Fund*. (2014). — URL : <http://www.sitra.fi/> [дата посещения 05.06.2017].

12. Werne, R. *Finland : A European Model of Successful Innovation // CHAZEN WEB JOURNAL OF INTERNATIONAL BUSINESS FALL*. — Columbia University in the City of New York, 2003. www.gsb.columbia.edu/chazenjournal. — URL : <https://ru.tradingeconomics.com/finland/ease-of-doing-business> [дата посещения 05.06.2017].

13. Абрамов, А. В. Механизм устойчивого регулирования инновационного потенциала промышленного предприятия // *Креативная экономика*. — М. : ООО «Экономика». 2015. Т. 9. № 4. С. 485–494.

14. Большаков, С. Н. Кластеры и государственное управление структурными преобразованиями в народном хозяйстве // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2010. № 3. С. 15–21.

15. Большаков, С. Н., Потоколова, М. О. О проблеме трансформации системы образования и обеспечения конкурентоспособности национальной экономики // *Экономика и политика*. — Магнитогорский гос. тех. ун-та имени Н. Носова, 2014. № 1. С. 38–43.

16. *Индекс легкости ведения бизнеса* — URL : <https://ru.tradingeconomics.com/finland/ease-of-doing-business> [дата посещения 05.06.2017].

17. Мустаев, М. М., Мамбетова, М. А. Сетевая форма организации экономики как эффективная модель взаимодействия субъектов инновационной системы // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2016. № 6. С.15–21.

18. Портер, М. *Конкуренция ; пер. с англ.* — М. : Изд. дом «Вильямс», 2005. С. 608.

19. *Регион Тампере в Финляндии : Интеллектуальный город с возобновляемой промышленностью*. — URL : www.investtampere.fi [дата посещения 05.06.2017].

20. Шихвердиев, А. П. Методология развития промышленно-сырьевых агломераций в северных регионах // Шеломовичев А.Г., Беляев В.Н., Еремеев Е.И. // *Корпоративное управление и инновационное развитие Севера // Вестник Научно -исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета*. 2014. № 3. С. 120–141.

References:

1. Ali-Yrkko, J., and Raine, H. *Nokia in the Finnish innovation system // Discussion Paper. No. 811*. — Helsinki : ETLA (The Research Institute of the Finnish Economy), 2002.

2. Bolshakov, S. N., *Economic Policy in Russia : factors and constraints / S.N. Bolshakov, Y.M. Bolshakova // Journal of Advanced Research in Law and Economics*. — Romania, 2016. № 6. P. 7–12.

3. Cornelius, P.K., Blanke, J. and Paua, F. *The growth competitiveness index : Recent economic developments and the prospects for a sustained recovery // the World Economic Forum's Global Competitiveness Report 2002–2003*. — Oxford : Oxford University Press, 2002.

4. *Innovation and technology industry in Finland // Legislative Council Secretariat FSC41/13-14*. — URL : <http://www.legco.gov.hk/research-publications/english/1314fsc41-innovation-technology-industry-in-finland-20140902-e.pdf> [дата посещения 05.06.2017].

5. Luukkainen, S., Niininen, P. *Technology Intensive Services and National Competitiveness // VTT Group for Technology Studies Working Papers*. 2000. No. 46.

6. Niininen, P. *Effect of Publicly and Privately Financed R&D on Total Factor Productivity Growth // Finnish Economic Papers*. 2000. Vol. 13. No. 1. P. 56–68.

7. Pentikäinen, T., Luukkainen, S. *Trade-flow Based Industrial Clusters in the Finnish Economy — Growth Through National Synergies// Outline version for the OECD Cluster Focus Group Workshop 8-9.5. 2000. P.17*.

8. Porter, M. *Building the microeconomic foundations of prosperity : Findings from the microeconomic competitiveness index // the World Economic Forum's Global Competitiveness Report 2002–2003*. — Oxford : Oxford University Press, 2002. P. 23–45.

9. *Research and Innovation Policy Guidelines for 2011–2015*. (2011). — URL : http://www.tem.fi/files/30413/Research_and_Innovation_Policy_Guidelines_for_2011_2015.pdf [дата посещения 05.06.2017].

10. Semple, A. *ICT hubs like Tampere offer a unique mix of skills, research and innovation // Site selection magazine. Aprile. 2015*. — URL : <http://siteselection.com/ssinternational/2015/apr/industry-clusters.cfm> [дата посещения 05.06.2017].

11. *The Finnish Innovation Fund*. (2014). — URL : <http://www.sitra.fi/> [дата посещения 05.06.2017].

12. Werne? R. *Finland : A European Model of Successful Innovation // CHAZEN WEB JOURNAL OF INTERNATIONAL BUSINESS FALL*. — Columbia University in the City of New York, 2003. — URL : www.gsb.columbia.edu/chazenjournal <https://ru.tradingeconomics.com/finland/ease-of-doing-business> [дата посещения 05.06.2017].

13. Abramov, A.V. *The mechanism of sustainable regulation of the innovative potential of an industrial enterprise // Journal of Creative Economy*. — М. : «Economics» LLC, 2015. Т. 9. No. 4. P. 485–494.

14. Bolshakov, S. N. *Clusters and state management of structural transformations in the national economy // Regional problems of economic transformation*. 2010. No. 3. P. 15–21.

15. Bolshakov, S. N., Potolokova, M. O. *On the problem of transforming the education system and ensuring the competitiveness of the national economy // Economics and Politics*. — Magnitogorsk State Technical University named after N. Nosov, 2014. No.1. P. 38–43.

16. *Index of ease of doing business*. — URL : <https://www.tradingeconomics.com/finland/ease-of-doing-business> [date of visit 05.06.2017].

17. Mustaev, M. M., Mambetova, M. A. *The Network Form of Economic Organization as an Effective Model of the Interaction of the Subjects of the Innovative System // Regional Problems of Economic Transformation*. 2016. No. 6. P.15–21.

18. Porter, M. *Competition ; trans. with the English*. — М. : Publishing house «Williams», 2005. P. 608.

19. *Tampere Region in Finland : Intellectual city with a renewable industry.* — URL : www.investtampere.fi [date of visit 05.06.2017].

20. Shikhverdiev, A. P. *Methodology of development of industrial and raw agglomerations in the Northern regions : Article / A.G. Shelomentsev, V.N. Belyaev, E.I. Eremeev // Corporate Governance and Innovative Development of the North : Bulletin of the Research Center for Corporate Law, Corporate Governance and Venture Investment of the Syktyvkar State University. 2014. No. 3. P. 120–141.*

УДК 330.368: 339.91

МАКАРЯН АННА РУЗВЕЛЬТОВНАк.э.н., научный сотрудник Института экономики им. М. Котаяна НАН РА,
e-mail: anna_makaryan@yahoo.com**РОЛЬ АУТСОРСИНГА В ОБЕСПЕЧЕНИИ РОСТА
ПРОИЗВОДСТВА ОДЕЖДЫ В АРМЕНИИ**

Аннотация. *Цель:* оценить, как изменения в экспорте одежды, обусловленном аутсорсинг-контрактами размещенных итальянскими и немецкими брендами в рамках экспорта Группы 62 (одежда и принадлежности одежды текстильные (кроме трикотажных, машинного или ручного вязания) объясняют статистически значимые изменения в реальном производстве сектора по производству одежды в Армении. **Методологический подход:** путем конвертации всех номинальных среднемесячных значений объемов производства сектора по производству одежды и экспорта одежды, обусловленным аутсорсинг-контрактами, размещенных итальянскими и немецкими брендами, в реальные значения, и через тест данных на наличие стационарности переменных, то же самое уравнение было оценено дважды с помощью метода наименьших квадратов для двух периодов (2011:5-2016:12 and 2014:1-2016:12), где была использована первая разница реальных значений переменных. **Результаты:** результаты оценки #1 свидетельствуют о том, что, в среднем, если реальный экспорт одежды, обусловленный аутсорсинг-контрактами, размещенных итальянскими и немецкими брендами в рамках экспорта Группы 62 увеличится на 10 процентов в период времени t , то это может привести к статистически значимым изменениям в реальном объеме производства сектора по производству одежды на 1.152 процентов в период t , основываясь на данные всей выборки (2011:5-2016:12). Между тем, согласно результатам оценки #2, содействие экспорта, обусловленным аутсорсинг-контрактами реальному производству сектора по производству одежды в период времени t выросло и составило 2.06 процентов. **Вывод:** Выполнение работ по аутсорсинг контрактам, размещенных немецкими и итальянскими брендами имело статистически значимое положительное влияние на рост реального объема производства армянского сектора по производству одежды за весь период времени, которое увеличилось в 2014-2016гг. за счет роста объемов выполняемых работ армянскими производителями. Дальнейшая роль аутсорсинга в разрезе перспектив роста сектора во многом будет зависеть от темпов роста экспорта в Россию и увеличения объемов работ выполняемых в рамках аутсорсинг-контрактов. **Применение в области экономической политики:** Приоритеты правительства в отношении привлечения новых аутсорсинг-контрактов могут считаться позиционирование Армении в качестве ворот или платформы для входа Евразийский экономический Союз или как надежный партнер для базирующихся в ЕС компаний, которые предпочитают "аутсорсинг возможности в соседних или в близких к Европе стран". Обе стратегии могут быть реализованы одновременно или по отдельности в зависимости от приоритетов правительства.

Ключевые слова: экспорт, обусловленный аутсорсинг-контрактом, поиск возможности для аутсорсинга, сектор по производству одежды, Армения.

MAKARYAN ANNA ROOSEVELTOVNACandidate of Economic Sciences, Research Associate of the Institute of Economics named after M. Kotanyan of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia,
e-mail: anna_makaryan@yahoo.com**THE ROLE OF OUTSOURCING IN ENSURING THE GROWTH OF WEARING
APPAREL INDUSTRY IN ARMENIA**

Abstract. Purpose: To estimate how changes in outsourced contract exports placed by Italian and German brand names within Group 62 (articles of apparel and clothing accessories, not knitted or crocheted) exports explain the statistically significant changes in the output of the Armenian

wearing apparel industry. **Design/methodological approach:** By converting all nominal monthly values of the output of the wearing apparel industry and outsourced contract exports placed by Italian and German brand names into real ones, and through performing stationarity tests on the variables of interest, the same equation is estimated twice using ordinary least squares with variables in their first difference for two different sample periods (2011:5-2016:12 and 2014:1-2016:12). **Findings:** Estimation #1 results indicate that, on average, if the real value of outsourced contract exports placed by German and Italian brand names within Group 62 changes by 10 per cent in period t it could cause statistically significant changes in the real output of the wearing apparel industry by 1.152 per cent in period t over the entire reported period. Meanwhile, according to Estimation #2 results, the contribution of the outsourced contract exports to the real output of the wearing apparel industry in period t increased and amounted to 2.06 per cent. **Conclusion:** Serving the outsourced contracts placed by German and Italian brand names proved to have a positive statistically significant impact on the growth of the real output of the Armenian wearing apparel industry over the reported period that intensified from 2014 to 2016, due to the growth of the volumes served by the Armenian manufacturers. The future contribution of the outsourcing to the industry growth perspectives will largely depend on the growth rates of the exports to Russia and increase in volumes of works served within the outsourced contracts. **Policy Implications:** The government priorities with respect to attracting more sourcing opportunities would be positioning Armenia either as a Gateway or a Platform to the Eurasian Economic Union or as a reliable partner for EU-based companies that prefer “near-shoring sourcing opportunities.” Both strategies could be implemented either separately or simultaneously depending on the Government priorities.

Keywords: Outsourced contract exports, sourcing opportunity, wearing apparel industry, Armenia

Introduction. Upon expiry of the WTO Agreement on Textiles and Clothing in 2005 that had replaced Multi-Fibre Arrangement in 1995, “various duty-free quota-free access for LDC exporters have been established by developed and some emerging economies” such as GSP schemes, and “other non-reciprocal preferential access schemes” such as African Growth and Opportunity Act (OECD/WTO/IDE-JETRO, 2013:16) [5, p.16]. However, not all low-income countries benefited from preferential trade schemes that translated into strong export performance, which was the case among some African nations that reported “differing performance in this value chain”. (OECD/WTO/IDE-JETRO, 2013:18) [5, p.18]. Among the constraints that explained the export performance variance “the availability and cost of key backbone services, transportation, labor skills and a stable business climate” were mentioned (OECD/WTO/IDE-JETRO, 2013:18) [5, p.18]

According to Berg et al. (2013:1) apparel sourcing location is determined by 5 major criteria such as “price, quality, capacity, speed, and risk” that enable the developing nations to benefit from movement of production activities to low-cost countries from European and US apparel buyers, thus making outsourcing one of the most “critical success factors for the global apparel industry” [2, p.1].

In the case of some developing nations, textile and clothing industry is considered a major contributor to income, and its contribution to GDP could reach 15% like in the case of Pakistan (Keane and Willem te Velde, 2008:1) [1, p.1]. The industry is a major source of exports and foreign exchange earnings for some countries accounting for 83.5% of the total manufacturing exports like in the case of Pakistan. (Keane and Willem te Velde, 2008:1) [1, p.1] The share of this industry employment in total employment in manufacturing in some least developed and low-income countries could range from 35% to 75%, while in the case of some least developed nations this share is close to 90%. (Keane and Willem te Velde, 2008:p.1) [1, p.1]

According to Brenton and Hoppe (2007:30) [3, p.30] the countries that rely on their labor cost advantages can penetrate emerging market niches and benefit from significant export possibilities, however, the rise of the role of the “large buyers” would shape the shifts in the global clothing market. The authors conclude that the governance would be the most crucial factor that would determine rise in clothing exports and “increase the propensity for local clothing firms to export to the EU and the US”, while the quality of the infrastructure provides weak evidence that this factor is a “strong determinant of the propensity to export clothing products.” (Brenton and Hoppe, 2007:30-31) [3, pp.30-31].

Henn et al. (2013:10) [4, p.10] state that in case of China rise of the quality of the apparel export resulted in the increase in export market share that was accompanied by the slight rise in prices remaining “at 40 per cent of the world frontier”, while in case of Bangladesh solid growth of the market share was not accompanied by large quality increase as it was reported in the case of China, and the prices remained at the same level (Henn et al., 2013:10) [4, p. 10]. In the case of Korea and Thailand, that have started to diversify away from the clothing sector, they “now seem to retain higher-quality segments of the apparel market, as quality remains stable or continues to increase, but record falling market shares” (Henn et al., 2013:10) [4, p. 10].

Armenia is an example of a nation that managed to emerge as an apparel sourcing destination for some German and Italian brand names such as La Perla, SARTIS, VERSACE, LEBEK International Fashion, KUBLER Bekleidungswerk, and etc. [6, p.34], [7]. The Armenian wearing apparel industry is one of the dynamically growing sectors of the economy that reported a solid growth over the period of 2010-2016 with CAGR reaching 13.0%¹, and the share of the clothing exports² in total merchandise exports reaching 5% in 2016, comparing to 0.5% in 2010³. The growth of the industry from 2010-2014 was mainly driven by the outsourcing opportunities⁴ placed by the German and Italian companies (mainly explained by the increase in exports of Group 62: (hereafter Group 62)), however, upon Armenia’s accession to the Eurasian Economic Union (the EAEU) in January 2015, the industry experienced dual growth pattern, somehow diverting the from the “established path”. The exports of clothing to the EAEU member states started plummeting from 2015 to 2016, partially explained by the growth of the exports of Group 61 as well (mainly exports to the Russian Federation) [15], while the outsourcing-led export growth reported moderate growth over the same period with some decline being reported in 2015 (y./y.) (see Figure 1).

Figure 1: Exports of Group 62: Articles of apparel and clothing accessories, not knitted or crocheted from 2010 to 2016 by destination (current US dollars)

Source: [15]. Author’s own calculations.

Hence, by taking into account the role of outsourced contract exports in explaining the changes in the real output of the wearing apparel industry the main purpose of the article is to attempt to estimate how changes in outsourced contract exports placed by Italian and German brand names within Group 62 (articles of apparel and clothing accessories, not knitted or crocheted) exports explain the statistically significant changes in the output of the Armenian wearing apparel industry.

¹ Source: [8], [9], [10], [11], [12], [13]. Author’s own calculations.

² Sum of exports of Group 61 (articles of apparel and clothing accessories, knitted or crocheted) and Group 62 (articles of apparel and clothing accessories, not knitted or crocheted) according to Harmonized System of Commodity Nomenclature of the World Customs Organization [14]

³ Source: [15]. Author’s own calculations.

⁴ As an outsourced contract exports or outsourcing opportunity placed by a foreign company we mainly consider the exports of Group 62 for the purpose of this article, although we do admit that such opportunities are available and took place with respect to the exports of Group 61. As an outsourced contract exports here we consider only the exports of group 62 and only the exports from Armenia to Germany and Italy (sum of exports to these destinations).

Makaryan (2017:105-107) identified and proposed 4 growth scenarios of growth: Emergence of Armenia as one of the leading suppliers of apparel and clothing accessories in Russia and other EAEU member states; Gateway to the Eurasian Economic Union; Outsourcing-led growth; and Dual-nature growth [19, pp.105-107]. Under the Outsourcing-led growth scenario, the author anticipates that Armenia would emerge as a “proximity sourcing” destination and indicates those measures that the Government needs to undertake and implement (Makaryan, 2017:106-107) [19, pp.106-107]. Under this scenario it is expected that Armenia could attract those EU-based brand names that “would like to enter especially the Russian market or would like to shift the production to Armenia due to Armenia’s accession to the EAEU ... to gain more market share in Russia” (Makaryan, 2017:106) [19, p.106]. Armenia could attract those companies that would like to enter and penetrate the Russian market.

Design/methodological approach

Our model is defined as:

Real output of the wearing apparel industry = f (real value of outsourced contract exports placed by German and Italian brand names within Group 62 (articles of apparel and clothing accessories, not knitted or crocheted) exports) (1)

In our original dataset 84 observations were included covering the period 2010:1-2016:12 (monthly data). The nominal monthly values of real output of the wearing apparel industry and real value of outsourced contract exports were converted into real ones (2010=100) and were seasonally adjusted by using moving average method. Here the methodology applied by Bayadyan and Makaryan is utilized (2017:25). Due to the fact that we had 2 missing values for the year of 2010 in our original dataset we included 72 observations covering the period 2011:1-2016:12. the wearing apparel industry output nominal monthly values [17] were converted into real ones by using the growth rates (at comparable prices) of the given month of the respective year compared to the respective month of the previous year starting from 2011 onward, while 2010 monthly data as a base year values for the given month of the year. In the case of the outsourced contract exports placed by German and Italian brand names, export values expressed in US dollars were first converted the into Armenian drams [18], the consumer price index (CPI) [16] values for the given period (2010:1-2016:12) with each month of the year of 2010 being taken as a base year month were calculated. Then by applying the calculated CPI data the real values of the outsourced contract exports expressed in AMDs were calculated. The same equation was estimated twice for two different sample periods (2011:5-2016:12 and 2014:1-2016:12) to identify how the contributions of the real outsourced contract exports to the real output of wearing apparel industry changed overtime. Before estimating the same equation twice we took the log of the variables of interest.

The stationarity tests (using Augmented Dickey Fuller test) that was performed on the variables (lags length: 1) showed evidence on non-stationarity, and that the variables are stationary at the first-difference (lags length: 2) (see tables 1).

Then we estimated the following equation using ordinary least squares (OLS) with variables in the first difference for two different sample periods:

Estimation# 1, 2

$$D(LROUTPUTSA_t) = \alpha_0 + \alpha_1 * D(LOUTSCONTRACTEXPSA_t) + \varepsilon_t \quad (2)$$

Where:

$D(LROUTPUTSA_t)$ is the first difference of the log of the seasonally adjusted value of the real output of the Armenian wearing apparel industry in period t.

$D(LOUTSCONTRACTEXPSA_t)$ is the first difference of the log of the seasonally adjusted value of the real outsourced contract exports placed by German and Italian brand names within Group 62 (articles of apparel and clothing accessories, not knitted or crocheted) exports in period t.

α_0, α_1 , are model unknown parameters.

ε_t is the error term in period t.

Hence, upon testing for the evidence of serial correlation respective orders of MA and AR processes were included in the equations to fix the problem of autocorrelation. And afterward, Breusch-Godfrey Serial Correlation LM Test was conducted on the residuals to check for evidence of the problem of serial correlation. Upon performing the test it was concluded that there was no evidence of the presence of serial correlation (see Table 2) at 5% (lags: 6) in the case of two equations being estimated.

Table 1

Unit Root Test Results

Period	Variable			
	D(LOUTSCONTRACTEXPSA)			
2011:5-2016:12	ADF Test Statistic	-5.895799	1% Critical Value*	-3.5281
			5% Critical Value	-2.9042
			10% Critical Value	-2.5892
	*MacKinnon critical values for rejection of hypothesis of a unit root.			
2014:1-2016:12	ADF Test Statistic	-5.194852	1% Critical Value*	-3.6228
			5% Critical Value	-2.9446
			10% Critical Value	-2.6105
	*MacKinnon critical values for rejection of hypothesis of a unit root.			
Period	D(LROUTPUTSA)			
2011:5-2016:12	ADF Test Statistic	-8.424333	1% Critical Value*	-3.5281
			5% Critical Value	-2.9042
			10% Critical Value	-2.5892
	*MacKinnon critical values for rejection of hypothesis of a unit root.			
2014:1-2016:12	ADF Test Statistic	-4.904471	1% Critical Value*	-3.6228
			5% Critical Value	-2.9446
			10% Critical Value	-2.6105
	*MacKinnon critical values for rejection of hypothesis of a unit root.			

Table 2

Test for no serial correlation in the error terms

Estimation	Breusch-Godfrey Serial Correlation LM Test Results			
Estimation#1 Sample period: 2011:5-2016:12	Breusch-Godfrey Serial Correlation LM Test:			
	F-statistic	0.842565	Probability	0.542284
	Obs*R-squared	5.243662	Probability	0.512963
	Breusch-Godfrey Serial Correlation LM Test:			
Estimation#2 Sample period: 2014:1-2016:12	Breusch-Godfrey Serial Correlation LM Test:			
	F-statistic	1.576749	Probability	0.192235
	Obs*R-squared	9.341008	Probability	0.155289
	Breusch-Godfrey Serial Correlation LM Test:			

We performed normality test to check whether the residuals were normally distributed or not. The test results showed the evidence of normally distributed error terms (see Table 3).

Estimation #1 results indicate that, on average, if the real value of outsourced contract exports placed by German and Italian brand names within Group 62 changes by 10% in period t it could cause statistically significant changes in the real output of the wearing apparel industry by 1.152 per cent in period t over the entire reported period. Meanwhile, according to Estimation #2 results, other things being equal, if the real value of outsourced contract exports placed by German and Italian brand names within Group 62 changes by 10% in period t it could cause statistically significant changes in the real output of the wearing apparel industry by about 2.06 per cent in period t.

These results indicate the following:

- The contribution of the outsourced contract exports placed by German and Italian brand names within Group 62 to the changes in real output of the wearing apparel industry has increased over the time;

- The increase in contribution of the outsourced contract exports served by the Armenian manufacturers to the changes in industry real output could be achieved by either serving more and/or large-scale contracts placed by established partners or attracting new sourcing opportunities with other brand names or their combination other things being equal (with exports of Group 62 to Russia reporting moderate growth or remaining at the same level);

- The growth of exports to the Russian Federation over the medium-term could be a crucial factor that would affect the further contribution of the outsourced contract exports to the changes in the real output of the wearing apparel industry. If the exports to Russia continue skyrocketing as it was reported from 2015 to 2016, the contribution of the outsourcing to the changes in real output might decline, or at least remain at the same level depending the fact how Armenian manufacturer would be successful in attracting new contracts from established partners and/or from new ones.

Conclusion. Overall, serving the outsourced contracts placed by German and Italian brand names within Group 62 proved to have a positive statistically significant impact on the growth of the real output of the Armenian wearing apparel industry over the reported period (2011:5-2016:12). The contribution of the outsourcing to the industry intensified from 2014 to 2016, due to the growth of the volumes served by the Armenian manufacturers.

The future growth of the contribution of the outsourced contracts to the growth perspective of the wearing apparel industry served by the Armenian manufacturers will depend on 2 factors:

- The growth rates of the of exports to Russia;
- Increase in volumes of works served within the outsourced contracts either by serving the orders of the existing and established partners or attracting new sourcing opportunities or their combination.

Policy Implications. Hence, the government priorities with respect to attracting more sourcing opportunities could be the followings:

- To position Armenia as a Gateway or a Platform to the Eurasian Economic Union, thus attracting those EU-based based companies that would like to enter and penetrate the Russian market or those ones that would like to increase the market share by ensuring the most cost-effective (adjusted with the high quality sewing services) production by benefiting from the common customs union advantages;

- To position Armenia as a reliable partner for those EU-based companies that prefer “near-shoring sourcing opportunities” and attract those brand names that are sensitive to the quality of items manufactured and would like to ensure the most cost-effective production possible within the reasonable time-periods.

The Government could implement these strategies either separately or simultaneously depending on the priorities the government would like to pursue and funding limitations to advance these two objectives.

References:

1. Keane, Jodie and Willem te Velde, Dirk (2008), *The role of textile and clothing industries in growth and development strategies, Final Draft, Investment and Growth Programme, Final Draft, Overseas Development Institute*, 71p., available at: <https://www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/odi-assets/publications-opinion-files/33361.pdf> (last accessed: June 11, 2017).
2. Berg, Achim, Berlemann, Benedikt, Hedrich, Saskia (2013) *The global sourcing map – balancing cost, compliance, and capacity McKinsey’s apparel CPO survey 2013, Apparel, Fashion & Luxury Group, McKinsey & Company, Inc.* 11p.
3. Brenton, Paul and Hoppe, Mombert (2007) “*Clothing and Export Diversification: Still a Route to Growth*

- for Low Income Countries?” Policy Research Working Paper 4343, International Trade Department World Bank, Washington DC, available at: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/7334/wps4343.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (last accessed: June 30, 2017).
4. Henn, Christian, Papageorgiou, Chris, and Spatafora, Nikola (2013) “Export Quality in Developing Countries”, IMF Working Paper 13/108, The International Monetary Fund Washington DC, 33p., available at: <https://american.edu/cas/economics/news/upload/Papageorgiou-Export-Qualities-in-Developing-Countries.pdf> (last accessed: June 30, 2017).
5. OECD/WTO/IDE-JETRO (2013) *Aid for Trade and Value Chains in Textiles and Apparel*, 51p., available at: https://www.oecd.org/dac/aft/AidforTrade_SectorStudy_Textiles.pdf (last accessed: June 30, 2017).
6. EV Consulting (2017). *Armenia Investment Map*, EV Consulting: Yerevan Armenia, 44p. Available at: http://evconsulting.com/sites/default/files/attachments/ArmlInvestmentMap_Jan_2017.pdf (last accessed: March 6, 2017).
7. Development Foundation of Armenia, <http://www.dfa.am/invest/textile/> (last accessed: March 26, 2017).
8. National Statistical Service of Armenia, *Main Indicators of Industrial Organizations by Economic Activities (two-digit code)*, by Marzes and Yerevan city for January-December 2011, 2012, NSS: Yerevan, Armenia (in Armenian).
9. National Statistical Service of Armenia, *Main Indicators of Industrial Organizations by Economic Activities (two-digit code)*, by Marzes and Yerevan city for January-December 2012, 2013, NSS: Yerevan, Armenia (in Armenian).
10. National Statistical Service of Armenia, *Main Indicators of Industrial Organizations by Economic Activities (two-digit code)*, by Marzes and Yerevan city for January-December 2013, 2014, NSS: Yerevan, Armenia (in Armenian).
11. National Statistical Service of Armenia, *Main Indicators of Industrial Organizations by Economic Activities (two-digit code)*, by Marzes and Yerevan city for January-December 2014, 2015 NSS: Yerevan, Armenia (in Armenian).
12. National Statistical Service of Armenia, *Main Indicators of Industrial Organizations by Economic Activities (two-digit code)*, by Marzes and Yerevan city for January-December 2015, 2016, NSS: Yerevan, Armenia (in Armenian).
13. National Statistical Service of Armenia, *Main Indicators of Industrial Organizations by Economic Activities (two-digit code)*, by Marzes and Yerevan city for January-December 2016, 2017, NSS: Yerevan, Armenia (in Armenian).
14. World Customs Organization, *Harmonized System Database*, available at: <http://www.wcoomd.org/en/topics/nomenclature/instrument-and-tools/tools-to-assist-with-the-classification-in-the-hs/hs-online.aspx> (last accessed: March 29, 2017)
15. United Nations, *UN Comtrade Database*, available at: <https://comtrade.un.org/data/> (last accessed: July 5, 2017).
16. Central Bank of Armenia, “Consumer Price Index (monthly), over previous month, over December of previous year, over the same month of previous year, over average prices of 2005 year.” online database, available at: <https://www.cba.am/en/sitepages/statrealsector.aspx> (last accessed: March 7, 2017), (in Armenian).
17. National Statistical Service of Armenia, *Monthly Reports of Main Indicators of Industrial Organizations by Economic Activities (two-digit code)*, by Marzes and Yerevan city for the period 2012-2016, NSS: Yerevan, Armenia (in Armenian).
18. Central Bank of Armenia, “Exchange rate of dram against several currencies” online database, available at: <https://www.cba.am/en/sitepages/statexternalsector.aspx> (last accessed: July 6, 2017).
19. Makaryan, A.R. (2017) “Scenarios of Growth of the Wearing Apparel in Armenia,” *Regional problems of transforming the economy (Региональные проблемы преобразования экономики)*, No. 1 (75), pp.100-108
20. Bayadyan A.H., Makaryan, A.R. (2017) “Interplay of Commercial Bank Lending to the Manufacture of Food Products with the Industry Output in Armenia,” *Regional problems of transforming the economy (Региональные проблемы преобразования экономики)*, No. 1 (75), pp.21-29.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОБ АВТОРАХ

Абдухамидова Гулбахор Мансурджоновна	старший преподаватель кафедры «Финансы и кредит» Института экономики и торговли Таджикского государственного университета коммерции, e-mail: zarinalev_83@mail.ru
Алклычева Умукосюм Алклычевна	аспирант ФГБУН «Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН», e-mail: au-post@mail.ru
Арсланова Хадиджат Джавадовна	к.э.н., научный сотрудник ФГБУН «Институт социально-экономических исследований ДНЦ РАН», e-mail: ars_nauka@mail.ru
Ахмедуев Абас Шапиевич	д.э.н., профессор, главный научный сотрудник ФГБУН «Институт социально-экономических исследований ДНЦ РАН», e-mail: achmeduev@mail.ru
Большаков Сергей Николаевич	д.э.н., профессор, кафедра "Экономическая теория и корпоративное управление", Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, e-mail: snbolshakov@mail.ru
Гаджиева Айшат Гамзатовна	к.э.н., научный сотрудник ФГБУН «Институт социально-экономических исследований ДНЦ РАН» e-mail: aishat86.86@mail.ru
Гасанов Гасан Атабабаевич	к.э.н., Институт экономики НАН Азербайджана, e-mail: Kafedra-ek-t@mail.ru
Гасанов Тофик Атабабаевич	к.э.н., доцент ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный аграрный университет» им. Джембулатова М.М., e-mail: Kafedra-ek-t@mail.ru
Дохолян Сергей Владимирович	д.э.н., профессор, директор ФГБУН «Институт социально-экономических исследований ДНЦ РАН», e-mail: rppe@mail.ru
Зоидов Зафар Кобилджонович	научный сотрудник ФГБУН «Институт проблем рынка РАН», e-mail: zafar2608@mail.ru
Казиханов Адильхан Магомед-Тагирович	д.э.н., профессор кафедры "Экономика" ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет народного хозяйства», e-mail: cool.kazikhanov@mail.ru
Керимов Салик Героевич	к.э.н., доцент ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный технический университет», e-mail: sal072013@mail.ru
Курбанов Казбек Керимович	к.э.н., заведующий отделом ФГБУН «Институт социально-экономических исследований ДНЦ РАН», e-mail: kkurbanov@mail.ru
Макарян Анна Рузвельтовна	к.э.н., научный сотрудник Института экономики им. М. Котаняна НАН РА, e-mail: anna_makaryan@yahoo.com
Петросянц Виктор Завенович	д.э.н., профессор, главный научный сотрудник ФГБУН «Институт социально-экономических исследований ДНЦ РАН», e-mail: vpetrosjanc@yandex.ru
Петросянц Даниэл Викторович	к.э.н., доцент Департамента Политологии, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», e-mail: dan-basa@yandex.ru
Рахматова Заррина Исломовна	старший преподаватель кафедры «Финансы и кредит» Института экономики и торговли Таджикского государственного университета коммерции, соискатель ФГБУН «Институт проблем рынка РАН», e-mail: zarinalev_83@mail.ru
Салин Павел Борисович	к.ю.н., директор Центра политологических исследований, старший преподаватель Департамента политологии ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ, e-mail: PSalin@fa.ru
Шахтаманова Лейла Гаджикурбановна	младший научный сотрудник ФГБУН «Институт социально-экономических исследований ДНЦ РАН», e-mail: leylashka-n@mail.ru
Эминова Эльнара Мигаждиновна	к.э.н., доцент кафедры «Экономика и управление в АПК» ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный аграрный университет им. М.М. Джембулатова», e-mail: e-eminova@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

- Abdookhamidova
Goolbakhor
Mansurjonovna** Senior Lecturer at the Department of "Finances and Credit" of the Institute of Economics and Trade of Tajik State University of Commerce, e-mail: zarinalev_83@mail.ru
- Alklycheva
Umukyusyum
Alklychevna** Doctoral Student of FSBIS "Institute of Social-Economic Problems of Population of the RAS", e-mail: au-post@mail.ru
- Arslanova
Khadijat
Javadovna** Candidate of Economic Sciences, Research Associate of FSBIS "Institute of Social-Economic Studies of DSC of the RAS", e-mail: ars_nauka@mail.ru
- Akhmeduev
Abas
Shapievich** Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Research Associate of FSBIS "Institute of Social-Economic Studies of DSC of the RAS", e-mail: achmeduev@mail.ru
- Bolshakov
Sergey
Nikolaevich** Doctor of Economic Sciences, Professor, Department of Economic Theory and Corporate Management, Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin, e-mail: snbol-shakov@mail.ru
- Gadjieva
Ayshat
Gamzatovna** Candidate of Economic Sciences, Research Associate of FSBIS "Institute of Social-Economic Studies of DSC of the RAS", e-mail: aishat86.86@mail.ru
- Gasanov
Gasan
Atababaevich** Candidate of Economic Sciences, Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, e-mail: Kafedra-ek-t@mail.ru
- Gasanov
Tophic
Atababaevich** Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of FSBEI of HPE "Dagestan State Agrarian University named after M.M. Jambulatov", e-mail: Kafedra-ek-t@mail.ru
- Doholyan
Sergey
Vladimirovich** Doctor of Economics, Professor, Director of the FGBUN "Institute for Social and Economic Research of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences", e-mail: rppe@mail.ru
- Zoidov
Zafar
Kobildzhonovich** Research Associate of FSBIS "Institute of Market Problems of the RAS", e-mail: zafar2608@mail.ru
- Kazikhanov
Adilkhan
Magomed-Tagirovich** Doctor of Economics, Professor of the Department of "Economics" of FSBEI of HE "Dagestan State Institute of the Economy", e-mail: cool.kazikhanov@mail.ru
- Kerimov
Salik
Geroevich** Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of FSEBI of HE "Dagestan State Technical University", e-mail: scal072013@mail.ru
- Kurbanov
Kazbek
Kerimovich** Candidate of Economic Sciences, Head of the Department of FGBUN "Institute for Social and Economic Research of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences" e-mail: kkurbanov@mail.ru
- Makaryan
Anna
Rooseveltovna** Candidate of Economic Sciences, Research Associate of the Institute of Economics named after M. Kotanyan of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, e-mail: anna.makaryan@yahoo.com
- Petrosyants
Victor
Zavenovich** Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Research Associate of FSBIS "Institute of Social-Economic Studies of DSC of the RAS", e-mail: vpetrosjanc@yandex.ru
- Petrosyants
Daniel
Victorovich** Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science, FSEBI of HE "Financial University affiliated with the Government of the Russian Federation", e-mail: dan-basa@yandex.ru
- Rakhmatova
Zarrina
Islomovna** Senior Lecturer of the Department of "Finances and Credit" of the Institute of Economics and Trade of Tajik State University of Commerce, External Doctoral Candidate of FSBIS "Institute of Market Problems of the RAS", e-mail: zarinalev_83@mail.ru
- Salin
Pavel
Borisovich** Candidate of the Science of Law, Director of the Center of Political Science Studies, Senior Lecturer of the Department of Political Science of FSEBI of HE "Financial University affiliated with the Government of the Russian Federation", e-mail: PSalin@fa.ru
- Shakhtamanova
Leila
Gajikurbanovna** Junior Research Associate of FSBIS "Institute of Social-Economic Studies of DSC of the RAS", e-mail: leylashka-n@mail.ru
- Eminova
Elnara
Migazhidinovna** Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department "Economics and Management in the Agroindustrial Complex" FGBOU VO "Dagestan State Agrarian University. M.M. Dzhambulatova », e-mail: e-eminova@mail.ru

Научное издание

Ежемесячный научный журнал

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

Главный редактор: Дохолян С.В.
Компьютерный дизайн-верстка: Джамилев А.М.
Корректур: Брезман А., Мирохватова М.

Подписано в печать 01.12.2017 г. Сдано в печать 04.12.2017г.
Формат 60*84 /8. Гарнитура «Times». Бумага офсетная
Тираж 1000. Усл. п.л. 14,75. Заказ № 399.

© НП «Редакция журнала «Региональные
проблемы преобразования экономики»
Тел.: 8-8722-62-45-16, 8-928-800-222-0
e-mail: rpre@mail.ru

Отпечатано на типографской базе
ООО «Апробация»
367008, РД, г. Махачкала, ул. Дзержинского, 17^б
Тел.: 8 (989)-669 –15 –15

Для заметок
